

"Преображение (Медовый месяц)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джуд Деверо

Преображение

Глава 1

Район порта Виргинии

Сентябрь 1803 года

В маленькой таверне, скрытой стеной дождя, стемнело, и в золотистом свете фонаря по стене плясали мрачные тени. Позднее осеннее солнце уже зашло, и в таверне стало холодно. За высокой дубовой стойкой полная, чистенькая, привлекательная женщина мылаоловянные кружки. Ее мягкие каштановые волосы были прикрыты чепчиком из белого муслина. Она напевала, время от времени улыбаясь, и тогда на одной ее щеке появлялась ямочка.

Боковая дверь, предназначавшаяся не для посетителей, открылась, впуслав сырой холодный ветер, и в помещение скользнула девушка. Она замерла на месте, привыкая к свету. Буфетчица подняла глаза, нахмурилась, сердито щелкнула языком и торопливо подошла к ней.

— Лиа, каждый раз, как мы с тобой видимся, ты выглядишь все хуже и хуже. Посиди, а я пока пунш тебе согрею, — сказала полная женщина, силой усадила дрожавшую девушку на стул и сунула кочергу в огонь, украдкой поглядывая на свою младшую сестру. Лиа похудела еще больше — если это только было возможно. Казалось, ее лишенные плоти кости выпирают сквозь грязное штопаное платье; глаза ее запали и были обведены синими кругами, нос обгорел на солнце и шелушился. С одной стороны ее лица красовались три длинные царапины, покрытые засохшей кровью, а с другой — большой сине-зеленый синяк.

— Это его рук дело? — с омерзением спросила буфетчица и сунула раскаленную кочергу в кружку с «флипом» [1].

Лиа молча кивнула и с нетерпением протянула руки к напитку из горячего пива с патокой.

— А он хотя бы объяснил, за что бьет тебя?

— Не больше, чем всегда. — Лиа отпила половину содержимого кружки и откинулась на спинку стула.

— Лиа, ну почему же...

Лиа открыла глаза и сердито посмотрела на сестру.

— Лучше меня не трогай, Бесс, — предупредила она. — Это ведь не первый раз. Занимайся своим делом, а я сама позабочусь о себе и о детях.

Бесс замолчала и отвела глаза.

— Лечь под нескольких порядочных джентльменов легче, чем то, что приходится терпеть тебе.

На эти вульгарные слова Лиа даже глазом не моргнула. Слишком часто сестры ссорились из-за этого, чтобы обращать внимание на подобные высказывания. Два года назад Бесс надоел их безумный папаша, который постоянно избивал дочерей за то, что «женщины рождены в грехе». Старшая дочь ушла с их бедной фермы, стоявшей вдаль от реки, и занялась поисками работы, а кроме этого, завела «дружбу» с несколькими мужчинами. Разумеется, Лию избивали

за грехи Бесс. А Бесс пыталась убедить ее покинуть ветшающий дом отца. Однако Лиа оставалась дома и присматривала за своими шестью младшими братьями и сестрами. Она обрабатывала землю, сеяла, убирала урожай, готовила еду, кое-как поддерживала рушащийся дом, а что важнее всего — защищала детей от отцовского гнева.

— Посмотри на себя, — сказала Бесс. — Тебе можно дать сорок пять лет, а сколько тебе в действительности? Двадцать два?

— Думаю, да, — устало ответила Лиа. Она присела впервые за целый день и, выпив горячего напитка, теперь отдыхала. — У тебя найдется для меня что-нибудь из одежды? — тихо спросила она.

Бесс опять было принялась причитать, но передумала, пошла за стойку и достала холодный окорок, хлеб и горчицу. Поставив тарелку на стол перед Лией, она села напротив. Краем глаза она заметила, что Лиа медлит и не торопится приступать к еде.

— Ты ведь подумываешь, как бы эту еду утащить детишкам. Тогда я тебя буду кормить насильно.

Лиа слабо улыбнулась и жадно принялась есть. Набив рот, она опустила глаза и спросила небрежно, будто ответ ее не интересовал:

— Ты не видела его в последнее время? Бесе бросила быстрый взгляд на грязные волосы сестры.

— Не думаешь ли ты... — заговорила она, но осеклась и опять перевела глаза на огонь. Тьму в таверне рассеяла вспышка молнии.

Бедная Лиа, подумала Бесс. Во многих отношениях Лиа походила на отца, особенно своим упорством и неподатливостью. Бесс смогла уйти из дома, оставив детей на произвол судьбы с отцом, однако для Лии семья означала все, даже несмотря на то что одним из ее членов был безумный старый гуляка. После смерти матери Лиа решила воспитывать детей до тех пор, пока не повзрослеет и сможет покинуть дом самый младший. Что бы ни происходило, как бы с ней ни обращались, она отказывалась расстаться с ними.

Продолжая жить с отцом под одной крышей, Лиа упорно хранила одну мечту. Ее желания были иными, не те, что у Бесс: еда, убежище и тепло. Лиа же мечтала о несбыточном.

Это была мечта о некоем Уэсли Стэнфорде. Когда Лиа была еще девочкой, мистер Стэнфорд пришел в их халупу, задал ей несколько вопросов и в благодарность за помощь поцеловал ее в щеку и дал золотую монету — двадцать долларов. Когда Лиа рассказывала Бесс об этом событии, глаза ее сияли. Бесс тут же решила потратить деньги на новые платья, но Лиа взбесилась и стала кричать, что монету она получила от своего Уэсли и что любит его, а он ее, и когда она вырастет, то выйдет за него замуж.

В то время Бесс думала только об этой спрятанной где-то блестящей золотой монете, так и не истраченной и потерявшей всю свою ценность. Она жалела, что Уэсли не подарил Лие букет цветов. Она пыталась выбросить из головы мысль о монете, но временами замечала, как Лиа, запряженная в плуг, замирала и вперялась в пространство.

— О чем ты думаешь? — спрашивала Бесс, и Лиа отвечала:

— О нем.

Бесс со стоном отворачивалась. Не было нужды спрашивать, кто это — «он».

Спустя долгие годы Бесс решила, что больше не будет терпеть злобный нрав отца и надрываться на земле, поэтому ушла с фермы и подрядилась буфетчицей в таверне на другом берегу реки. Илия Симмонс проклял старшую дочь и запретил ей бывать на ферме и видаться с младшими братьями и сестрами. Но за последние два года Лие несколько раз удавалось украдкой навестить свою сестру и взять одежду, которую Бесс собирала для нее. Горожанам хотелось помочь нуждавшейся семье Симмонс, но Илия не разрешал детям принимать бесплатную помощь.

Придя в таверну в первый раз, Лиа стала расспрашивать об Уэсли Стэнфорде. В то время Бесс была в восторге от того, что познакомилась со всеми богатыми владельцами плантаций, а богаче всех из них были Уэсли и его брат Тревис. Целых полчаса Бесс рассказывала о том, как красив Уэс, какой он учтивый, как часто бывает в таверне и как счастлива будет Лиа, когда они поженятся. Для Бесс это было грезой, скрашивающей холодные зимние вечера, и она думала, что Лиа воспринимает ее рассказы так же. Но как-то раз, несколько месяцев назад, Бесс со смехом поведала Лии, что Уэс обручился с юной красавицей леди Кимберли Шоу.

— Кого теперь ты будешь любить? — рассмеялась Бесс, но внезапно заметила, как лицо Лии побледнело. Под синяками и грязью видно было, как кровь отхлынула у нее от лица.

— Лиа! Ты же не можешь мечтать о Уэсли всерьез. Он богат, очень богат, и ему в гостиную не нужна такая... скажем, «леди» вроде меня и такая бедная грязнуха, как ты. А эта мисс Шоу — девушка его круга.

Лиа молча встала и направилась к двери. Бесс схватила ее за руку.

— Это же была только мечта. Неужто ты не понимаешь? — Она помолчала. — А вот третий садовник Уэсли, может быть, и заинтересовался бы женщиной с... с нашего берега.

Лиа ничего не ответила и, побледнев, вышла из таверны. Придя в следующий раз, она держалась так, будто ничего не знала о том, что Уэсли Стэнфорд обручен. Она еще истовей расспрашивала Бесс о Уэсли. Но теперь Бесс не хотелось распространяться на эту тему и все же еще раз напомнила сестре о его намерении жениться. Лиа посмотрела на сестру так холодно, что Бесс отвела глаза в сторону. Несмотря на кажущуюся хрупкость и беспомощность, Лиа временами проявляла удивительную твердость и упорство. С тех пор Бесс решила с ней не спорить, и каждый раз, когда сестра навещала ее, она безразличным тоном рассказывала о том, как Уэс в последний раз появился в таверне. Она так и не сказала, что он начал чаще бывать здесь, потому что таверна стояла на пути от его дома к плантации Шоу.

вернуться

1

Горячий напиток из подслащенного пива со спиртом, яйцом и специями

Сейчас Лиа откинулась на спинку стула, сунула руку в штопанный-перештопанный карман платья и сжала в кулаке золотую монету, полученную от Уэсли много лет назад. За эти годы она так часто вертела ее в руках, что монета стала совершенно гладкой. Много раз по ночам, когда она не могла заснуть после отцовских побоев, Лиа садилась на соломенный матрац, гладила монету и вспоминала каждое мгновение своей встречи с Уэсли Стэнфордом. Он

поцеловал ее в щеку, а за всю жизнь, насколько она помнила, это был единственный случай, когда ее поцеловали. Иногда из рассказов Бесс можно было заключить, будто он себя считает чуть ли не Богом, верит, что лучше всех остальных людей на земле, но Лиа-то знала, каким он может быть добрым. Он мог поцеловать тощенькую маленькую замарашку, увиденную впервые в жизни, и щедро вознаградить ее. Тщеславные и заносчивые мужчины так не поступали. Бесс не понимала его так хорошо, как понимала Лиа. Настанет день, думала Лиа, и она опять встретит Уэсли, он увидит в ее глазах любовь и...

— Лиа! — Бесс повысила голос. — Не спи. Старик скоро хватится тебя. Тебе пора возвращаться.

— Я знаю. Но здесь так хорошо и тепло.

— Ты могла бы остаться здесь навсегда, если бы... Лиа встала и прервала речь Бесс:

— Спасибо тебе за все, Бесс. Через месяц я опять навещу тебя. Нам бы не выжить, если бы не ты и твои...

Тяжелая передняя дверь распахнулась, и вошел мужчина, заполнив собой весь дверной проем. Дверь захлопнулась.

— Боже, — задыхнулась Бесс, на секунду обмерла, потом улыбнулась и пошла к нему. — Сегодня так сыро, мистер Стэнфорд, что на улицу не выйти. Дайте я вам помогу, — предложила она. Помогая ему снять куртку, она посмотрела на безмолвно замершую Лию.

Он не очень изменился, подумала Лиа. У нее возникло ощущение, что он стал еще более рослым, мускулистым и красивым, чем ей казалось раньше. Промокшие густые темные волосы Уэсли, свиваясь, падали на шею, а на ресницах застыли капельки воды, поэтому глаза казались еще темнее и выразительнее. Бесс встала на цыпочки и рукой принялась отряхивать его темно-зеленый шерстяной сюртук. Его мощные, сильные бедра облегали лосины, на ногах были высокие сапоги.

— Я не знал, открыто ли у вас. Неужели Бен никогда не отпускает вас на ночь? — спросил он Бесс о хозяине.

— Он мне это позволяет только тогда, когда думает, что я проведу ночь с толком. Сегодняшний вечер мне провести не с кем, так что я могу и приглядеть за буфетной, — поддразнила она. — Теперь садитесь, а я принесу вам выпить чего-нибудь горячего.

И Бесс попыталась увести Уэсли Стэнфорда в отдельную кабинку, отгороженную высокими перегородками, так, чтобы он оказался спиной к Лие, которая застыла в середине зала, широко раскрыв глаза.

Тихо посмеиваясь, Уэс убрал ее руки:

— Чего ты добиваешься, Бесс?

Тут он увидел Лию, и Бесс заметила, что в его глазах появились искорки. Он смотрел на девушку так, как смотрит на женщину мужчина, пытаюсь определить, какое место она занимает в обществе. Было ясно, что он понял, каково оно.

— Кто... твоя хорошенькая подружка, Бесс? «Как он умеет держаться, — подумала Бесс. — Должно быть, таких людей с колыбели обучают хорошим манерам».

— Это моя сестра Лиа, — чопорно ответила Бесс. — Лиа, тебе пора возвращаться домой.

— Пока еще рано, — ответила Лиа и выступила на свет; Бесс увидела сестру как бы глазами постороннего и поняла, что над ней подобно темному облаку витают бедность и невзгоды. Однако сама Лиа не сознавала, как выглядит. Ее глаза были устремлены на Уэсли, и он вопросительно посмотрел на нее.

— А что если вы обе, юные леди, вместе со мной выпьете по кружке зля?

Бесс встала между ними. В своей простоте Лиа бросала на Уэса такие взгляды, которые обычно удаются только опытным шлюхам.

— Мне нужно заняться делами, а Лие пора возвращаться домой, — заявила Бесс, уставившись на сестру.

— Дома меня ничего не ждет, — ответила та и ловко обошла сестру. — Я с радостью выпью с вами, Уэсли. — Она произнесла его имя так, словно произносила его сотни раз в день (что соответствовало действительности), и не заметила, как брови Уэса поднялись, когда она скользнула в кабинку, села и выжидательно подняла на него глаза.

— Флип здесь хороший, — сообщила она. Уэс секунду разглядывал ее невымытое, покрытое царапинами и синяками лицо, а потом сел на скамью по другую сторону стола.

— Две кружки флипа, — негромко попросил он Бесс.

Рассерженная, она направилась к стойке.

— Ты теперь работаешь у Бена? — спросил Уэс.

— Я пока еще живу со своей семьей. — Ее глаза пожирали лицо Уэсли, запоминая каждую черточку, каждую линию. — А вы нашли жену вашего друга? спросила она, подразумевая свою первую встречу с Уэсом.

Он не сразу сообразил, что она имеет в виду.

— Жену Клея? — спросил он, потом удивленно улыбнулся. Неужели это та девочка, которая нам тогда помогла?

Лиа молча достала из кармана юбки вытертую золотую монету и благоговейно положила ее на стол.

Уэс удивленно взял ее в руки и повернул к свету, чтобы разглядеть дырочку, протертую с края монеты.

— Каким образом?.. — спросил он.

— Ногтем, — ответила она с улыбкой. — Времени на это ушло много, но я боялась потерять монету, если не привяжу ее к одежде.

Уэс нахмурился и положил монету на стол.

Странно — девушка сохранила золотую монету, тогда как, несомненно, очень бедствует. Ее невероятно засаленные волосы были откинута назад, и внезапно у него в голове произвольно возник вопрос, какого же они окажутся цвета, если их вымыть?

Протянув руку, чтобы взять монету, Лиа коснулась его руки и, затаив дыхание, потрогала двумя пальцами кончики его пальцев, любуясь чистотой ногтей и формой длинных пальцев с прямоугольными подушечками.

Бесс поставила на стол две кружки флипа так, что содержимое их выплеснулось, и в бешенстве взглянула на Лию.

— Мистер Стэнфорд, расскажите-ка моей сестре про ту молодую красавицу, на которой вы скоро женитесь. Лиа очень хотела бы послушать про нее. Расскажите, какая она красивая, как хорошо умеет танцевать и как великолепно одевается.

Уэс отодвинул руку, которой касались пальцы Лии, и засмеялся:

— Может быть, тебе самой лучше рассказать, Бесс: ты, похоже, много знаешь про мою будущую жену.

— Пожалуй, я так и сделаю, — отозвалась Бесс, схватила стул, стоявший за соседним столом, и придвинула к входу в их кабинку. Но, увидев выражение глаз Лии, передумала и не стала садиться.

— Я лучше послушаю Уэсли, — негромко ответила Лиа, пристально глядя Бесс в глаза.

На мгновение их взгляды встретились. Почему она пытается уберечь Лию? Разве она сама не хотела для нее именно этого? Если бы только Лиа не относилась к нему так серьезно! Вздохнув, Бесс оставила их наедине.

Уэс отпил большой глоток из дымящейся кружки, посмотрел на изможденную девочку, сидевшую напротив, и спросил себя, давно ли она стала шлюхой. Конечно, несмотря на запущенную наружность, она умеет обратить на себя внимание мужчины. По тому, как она смотрит на него, можно подумать, будто всю жизнь ждала именно его. Ему это польстило, но и покорило. Уж не кажется ли ей, что он чем-то ей обязан?

— Так что вы говорили, Уэсли?.. — напомнила Лиа, наклонившись так, что он почувствовал запах ее немытого тела.

— Кимберли, — откликнулся он негромко. Пожалуй, лучше думать о Ким, а иначе, не дай Бог, он может соблазниться этой «благоухающей» колдуньей. — Вам действительно хочется это услышать? Я имею в виду... обычно женщины не любят слушать про других женщин.

— Я хочу знать о вас все до конца, — проникновенно, искренне ответила она.

— По сути дела, особенно рассказывать нечего. Мы встретились примерно два года назад, когда она приехала в гости к своему брату Стивену Шоу. Их родители умерли, когда они были еще детьми, и Кимберли отправили на восток страны, где она жила у своих дяди с тетей. А Стив остался здесь у родственников.

Вопреки предупреждению Уэсли о том, что «особенно рассказывать нечего», его восторженный рассказ длился целый час. Уэс сразу полюбил красавицу Кимберли, но она покорила еще не один десяток молодых людей, и он вел за нее борьбу целых два года. Уэсли уверял, что Ким красивая, добрая, нежная, ласковая, она любит красивые вещи, книги и музыку.

Лиа с такой силой вцепилась в оловянную кружку, что косточки ее пальцев побелели.

— И вы скоро поженитесь? — прошептала она.

— В начале весны, в апреле. И тогда втроем, вместе со Стивеном, мы поедем в новый штат, в Кентукки. Я купил землю в тех краях.

— Вы уедете из Виргинии? — Лиа растерялась. — А что же будет здесь с вашей плантацией?

— Виргиния слишком мала для меня, и моего брата. Все мои тридцать четыре года меня воспринимали как младшего брата Тревиса. Поэтому я решил обзавестись собственным домом. И потом мне хочется начать все сначала на новом месте с красивой женой.

— И вы не вернетесь? — прошептала она.

— Вероятно, нет, — ответил он и нахмурился, удивившись ее настырному™. Несмотря на запущенный вид и исходившие от нее запахи, его влекло к этой девушке.

— Дождь прекратился, мне пора домой. Рад был с тобой познакомиться.

Он поднялся и бросил на стол деньги.

— До встречи на следующей неделе, Бесс, — сказал он и направился к двери.

Лиа бросилась вслед за ним, но Бесс схватила ее за руку:

— Ты понимаешь, что делаешь? Лиа вырвалась:

— А мне-то всегда казалось, будто тебе хочется, чтобы общение с мужчинами мне доставляло удовольствие.

— Удовольствие от разговоров с ними — да. Но я боюсь, что Уэсли Стэнфорд околдовал тебя. Тебе будет больно, больнее, чем от отцовских колотушек. Что ты знаешь о мужчинах? Ты умеешь только пахать землю да собирать дикие растения на еду. Ты не знаешь...

— А может, я научусь! — хрипло ответила Лиа. — Я люблю его. Он скоро уедет, и у меня есть только один шанс, так что я хочу его использовать.

— Лиа, прошу тебя, не беги за ним. Случится нечто ужасное, я знаю это наверняка.

— Ничего ужасного не будет, — тихо ответила Лиа и бросилась на улицу.

Уэсли как раз садился на лошадь.

— Вы меня подвезете? — крикнула Лиа, в темноте спотыкаясь на каждом шагу.

Уэс стоял неподвижно, глядя на нее в свете луны, и всеми силами желал, чтобы она ушла. Было в ней что-то пугающее, как будто их свела судьба, как будто им предстояло что-то неизбежное. Черт побери! Со времени помолвки он был так ласков с Кимберли, так верен ей, и он собирался пребывать в этом состоянии до самой свадьбы. Его беспокоило не то, что он может согрешить с этой девочкой, а удивляла ее решимость, целеустремленность. Ну чего ради хранила она монету все эти годы?

— Тогда пойдем, — предложил он, прыгнул на землю и взял лошадь под уздцы, поскольку не хотел, чтобы худенькое тельце Лиы оказалось в опасной близости в одном седле с ним.

Еще никогда в жизни Лиа не была так оживлена. Рядом с ней идет человек, которого она любит. Именно сейчас все происходило так, как ей грезилось в мечтах с тех пор, когда она была ребенком. Сжимая монету в кулаке, опущенном в карман платья, она сунула другую руку под руку Уэсли.

Он посмотрел на нее с высоты своего роста, и то ли это была игра лунного света, то ли все скрадывала тьма, но она показалась ему красивой. Синяк и царапины, которые теперь не были видны, помешали ему раньше разглядеть ее полные губы и большие пленительные глаза. Он застонал, как бы сознавая свое поражение, и пошел рядом с ней.

Когда таверна скрылась из вида, сердце Лии бешено колотилось. Ее совесть, до этого убаюканная тремя кружками пива, теперь внушала ей, что Бесс права, что ей здесь нечего делать. И все же где-то в глубине души теплилась мысль о том, что именно сейчас у нее есть один-единственный шанс добиться любви, и она хотела использовать его. Позже, когда Уэсли уедет, а она по-прежнему будет работать на свою семью, ей будет вспоминаться сегодняшняя ночь. Возможно, он опять поцелует ее.

Глаза Лии выдавали ее мысли. Она посмотрела на него, и Уэсли, уже больше ни о чем не думая, наклонился и поцеловал ее.

Ослабев, она прижалась к нему. Тело девушки было нежным и хрупким в его натруженных руках, но она по-детски сжимала губы. Он отклонился, глаза его искрились. Эта девушка сочетала в себе опытность блудницы и невинность девственницы. Закрыв глаза, она губами прикоснулась к его губам, потом прижалась к ним еще раз, и Уэсли раздвинул ее губы.

Последней его мыслью было, что она учится удивительно быстро.

Девушка отдавалась ему так, словно давно жаждала его, а Уэсли отозвался желанием, которое накапливалось месяцами. Голова Лии откинулась под тяжестью его головы, руки Уэса погрузились в слипшиеся волосы Лии и повернули ее голову так, чтобы он мог найти ее губы.

Он освободился из ее объятий. Глаза Уэсли сверкали, он тяжело дышал. Распущенные волосы Лии спускались до талии, губы налились жаром.

— Какая ты красивая, — прошептал он и опять начал искать ее губы, а руками раздирать ворот платья.

— Нет! — Внезапно Лие стало страшно. Она мечтала только об одном поцелуе, всего лишь об одном. А руки Уэса гладили ее тело под платьем, она понимала, что, даже сказав «нет», не в силах отвергнуть его.

— Уэсли, — прошептала она и перестала сопротивляться. Уэсли, ты мой.

— Да, милая, — рассеянно ответил он, целуя ее шею. Грубая изношенная ткань платья легко порвалась. Очень быстро одежда спала с ее тела, и Лиа стояла нагая в свете луны. На ее худеньком теле была видна каждая косточка, каждый мускул. Только полные, безупречной формы груди выдавали в ней женщину.

Уэсли осторожно поднял ее и опустил на упавший с его плеч плащ.

Не зная, что делать дальше, как доставить ему то наслаждение, которое она сама испытывала, Лиа лежала неподвижно, пока он ласкал ее тело и одновременно раздевался сам.

Когда он овладел ею, Лиа вскрикнула от боли. Уэсли на секунду остановился, продолжая ласкать ее волосы и целуя щеку.

Лиа открыла глаза, сквозь слезы посмотрела на него, и ее охватило чувство счастья. Рядом с ней был Уэсли, мужчина, которого она любила всегда и будет любить до самой смерти.

— Да, — прошептала она. — Да!

Уэсли ускорил движения, и только в самом конце Лиа испытала подобие удовольствия. Когда его тело забилося в последней судороге, он схватил Лию за плечи и прошептал ей в ухо: «Кимберли!»

Лиа не сразу поняла, что же с ней произошло. Он сказал «Кимберли».

Уэс скатился с нее, испытывая изнеможение, и, пока Лиа натягивала на себя разорванное старое платье, лежал, прикрыв глаза.

— Ты хорошая девочка, — проговорил он, еще не придя в себя, и сунул руку в карман припущенных брюк. А это тебе за переживания, — добавил он и бросил к ее ногам золотую монету. — Если мы будем встречаться и дальше, у тебя будет полный сундук этого добра.

Лиа изумленно смотрела, как он встал с земли, застегнул брюки и поднял плащ и шляпу. Протянув руку, он взял ее за подбородок:

— Из-за тебя, девочка, я попаду в беду. — Он отступил на шаг. — Надеюсь, хоть где-то ты чистая. С этими словами он вскочил на коня и ускакал. Лиа не сразу обрела способность двигаться. «Ну какая же я безнадежная дура», — подумала она, испытывая скорее изумление, чем какие-либо другие чувства. Она была ребенком, который только сейчас понял, что сказочных волшебниц не существует. Всю свою предыдущую жизнь она могла переносить ужас существования, потому что у другого края радуги стоял великий Бог Уэсли. Но в конце концов он просто оказался мужчиной, который взял то, что ему бескорыстно предложили.

— Бескорыстно! — крикнула она и, нагнувшись, схватила лежавшую у ног монету. Подержав ее в руках и ощутив холод металла, она подумала о том, сколько еды и одежды можно купить на эти деньги и какой ценой они ей достались. Вспомнив о многих годах своих детских мечтаний, Лиа рассмеялась и совершила первый за всю жизнь бесполезный поступок: она отвела руку за спину и бросила монету как можно дальше, в сторону темневшей реки, и, услышав всплеск от ее падения, улыбнулась.

— В семье Симмонс не все продажные девки! — закричала она изо всех сил.

Она сдержала слезы. Уже давно ей было известно, что плакать бесполезно. Лиа направилась туда, где, как ей казалось, находился их дом. Все ее тело болело, и шла она медленно, понимая, что прийти до рассвета не успеет и что дома ее опять ждут побои. От ощущения утраченной мечты ноги ее едва двигались, и еще больше, чем раньше, она страшилась будущего.

Глава 2

Март 1804 года

Стоявшая в Уайтфилде церковь, высокая, с колокольной, была необычайно красива: стены ее были покрыты белой штукатуркой, сквозь арочные окна струилось солнце. Кафедра пастора находилась высоко над головами прихожан, к ней вела лестница из орехового дерева,

украшенная резьбой. На жестких скамьях, огороженных стенами с панелями, сидели прихожане.

Уэсли Стэнфорд сидел рядом со своей будущей женой, слегка касаясь пальцами ее руки, скрытой складками платья из розового шелка. Кимберли Шоу, высоко подняв голову, почтительно смотрела на пастора. Она была красива — с пухлыми щеками, с большими голубыми глазами и нежным изящно очерченным ртом. Время от времени она посматривала на Уэсли, улыбалась, и на ее щеке появлялась ямочка.

Рядом с ней сидел ее брат Стивен Шоу — высокий и крупный, он был похож на Кимберли: светловолосый, красивый, с ямкой на подбородке.

Рядом со Стивеном сидели две пары: Клей и Николь Армстронг, а за ними — Тревис и Риган Стэнфорд. Могучий Тревис все время ерзал по скамье, он откровенно спешил домой, а его красавица жена так же откровенно бросала на него убийственные взгляды. Но Тревис не обращал на них внимания. Клей, напротив, сидел совершенно неподвижно и только изредка поглядывал на свою миниатюрную темноволосую жену, как будто желая убедиться, что она находится рядом.

Пальцы Уэсли сжали запястье Ким. Он думал обо всех делах, которые ему предстояло закончить до того, как спустя две недели они уедут в Кентукки. В воскресенье они поженятся, проведут ночь — прекрасную ночь! — на плантации Стэнфордов и в понедельник рано утром отправятся в дорогу. В новом штате их ждал купленный Уэсом участок земли, на котором были выстроены новый дом и сарай, а за скотом присматривал сосед. Впервые в жизни Уэс будет жить там, где о нем смогут судить по его собственным делам и станут воспринимать не только как брата Тревиса Стэнфорда.

Пока Уэс размышлял об этой идиллической картине, боковая дверь церкви с треском распахнулась. Преподобный Смит прервал свою монотонную речь, посмотрел туда, откуда раздался шум, и увидел нечто такое, отчего потерял дар речи.

Старый безумец Илия Симмонс с покрасневшим от ярости лицом тащил за собой девушку, должно быть, одну из своих дочерей, со связанными веревкой руками. Из-за опухшего и искаженного лица узнать ее было невозможно.

— Грешники! — проревел старик. — Сидите в обители Господней, но все равно остаетесь грешниками и прелюбодеями!

Он толкнул девушку с такой силой, что та споткнулась и упала на колени. Когда Илия поднял ее, рванув за волосы, стало видно, что она беременна. На ее худеньком теле выделялся круглый плотный живот.

— Тревис! — воскликнула Риган с мольбой, но Тревис уже вскочил, чтобы помешать старику.

Илия вынул из кармана куртки пистолет и поднес его к голове девушки:

— Эта шлюха-прелюбодейка недостойна жить.

— В обители Господа! — гневно вскрикнул преподобный Смит.

Волоча девушку, Илия поднимался вверх по лестнице, ведущей к кафедре пастора.

— Смотрите на нее! — завопил он, оттянув ее плечи назад так, чтобы живот был лучше

виден. — Что за грешник сотворил это?

Преподобный направился было к нему, но тот вдавил пистолет в висок девушки. Она была чуть жива, один глаз ее заплыл, а второй безжизненно смотрел вниз.

Обогнув скамью, Тревис медленно двинулся к старику.

— Послушай, Илия, — заговорил он спокойно. — Мы узнаем, кто это сотворил, и заставим его на ней жениться.

— Дьявол сотворил это! — завизжал старик, дернув головой. Все сидевшие в церкви ахнули в один голос.

— Нет, — спокойно ответил Тревис, медленно продвигаясь вперед. — Это совершил человек, и ему придется жениться на ней. А теперь отдай мне пистолет.

— Никакой не человек! — отозвался Илия. — Я глаз с нее не спускал; я следил за ней день и ночь; я старался вбить в ее голову добропорядочные мысли, а эта девка... — Он помолчал и заломил руку девушки за спину. — Двенадцатого сентября ее всю ночь не было дома. Тринадцатого сентября я попытался вколотить в нее стыд, но она рождена в грехе и умрет в грехе.

С каждой секундой лицо Уэсли бледнело — он понимал, что весь его мир рухнет. Он знал, что эта девушка — Лиа, та, с которой он провел лишь час и чью девственную кровь на следующее утро обнаружил на своем плаще. Он не сомневался, что ребенок — от него. Если сейчас он объявит об этом, возможно, ему и не придется жениться на ней; однако он не был уверен, что Кимберли сможет простить ему это одно-единственное прегрешение. Но если сейчас он промолчит, эта Лиа лишится жизни.

Он поднялся.

— Не вмешивайся, Уэс, — бросил ему Тревис. Уэсли посмотрел на старика Илию.

— Я отец ребенка, — твердо произнес он. На секунду в церкви наступила тишина. Ее нарушил похожий на рыдание вздох Кимберли.

— Забирай эту грешницу! — проскрипел Илия и столкнул девушку с лестницы.

Уэсли и Тревис одновременно бросились вперед:

Уэс подхватил падавшую Лию на руки, а Тревис вырвал пистолет из руки старика.

Все вдруг задвигались — прихожане в смятении заторопились к выходу, Стивен обнял Ким, которая гордо подняла голову, причем в глазах ее не было ни слезинки, а Клей, Николь, преподобный Смит, Тревис и Илия направились за Уэсом в ризницу.

Придерживая юбки, Риган сквозь боковую дверь бросилась в дом священника, где попросила немедленно принести в ризницу горячей воды и чистую одежду. Когда она вернулась, в церкви царил полный сумятица. Девушка без сознания лежала на диване, веревку на ее руках разрезали, а Николь стояла рядом с ней на коленях. Клей встал позади Илии, который нехотя сел на стул. Преподобный Смит испуганно замер в углу. А в середине комнаты Тревис и Уэсли ревели друг на друга подобно взбешенным быкам.

— Уж ты мог бы держаться подальше от девственниц! И при всех... — закричал Тревис.

— Эта сука сама набросилась на меня, — отозвался Уэсли. — Откуда я мог знать, что это — не ее занятие? Я ей даже заплатил.

— Дурень! Зачем тебе понадобилось корчить из себя святого и при всех объявлять, что ребенок — от тебя? Я бы с этим делом разобрался.

— Как ты разбираешься со всеми делами в моей жизни, Тревис! — закричал Уэсли, сжимая кулаки.

Принесли воду. Служанка пастора, глаза которой расширились от ужаса, ушла. Риган опустилась на колени рядом с Николь. Не обращая внимания на братьев, стоявших посреди комнаты, они начали осторожно умывать девушку.

— Как ты думаешь, Кимберли после этого все же примет Уэса? — спросила Риган с тайной надеждой.

— Возможно, — ответила Николь, и плечи Риган опустились.

— Не пойму, зачем она легла с Уэсли в постель, раз была девственницей. И почему после этого вернулась к старику? Ты же слышала про ее сестру?

— Слышала, — ответила Николь, а затем, подняв брови, посмотрела на Риган. — Ты что-то придумала.

Риган посмотрела на Николь невинным взглядом. — Посмотри-ка! — Она кивнула в сторону испуганного пастора. — Они напугали священника. Попроси Клея увести Уэса на улицу, а я попрошу Тревиса уйти. Я хочу поговорить с девушкой.

Риган пришлось протиснуться между мужем и его братом и несколько раз ударить Тревиса кулаками в грудь, чтобы привлечь его внимание.

— Замолчите! — потребовала она, обращаясь к Тревису. — Идите в другое место и кричите там.

— Если ты будешь учить меня, что делать... — начал было Тревис, но Клей схватил его за руку.

— Давай выйдем на улицу. Девушке нехорошо. — Он кивнул в сторону Лии, лежавшей на диване.

— Грешницы! Все женщины грешницы! — вскричал Илия. Клей схватил его за руку и вытащил на улицу вслед за Тревисом и Уэсли, которые опять начали ссориться. Преподобный на цыпочках вышел за ними на улицу.

— Вот так будет лучше, — со вздохом заключила Николь, когда в комнате наступила тишина. — Как ты можешь терпеть их обоих под одной крышей?

— Крыша у нас большая, — ответила Риган. — Но с годами они становятся только хуже. Нет! — сказала она, обращаясь к Лии, которая попыталась сесть. — Лежи спокойно.

— Прошу вас, — прошептала Лиа опухшими, разбитыми губами. — Пока его нет, мне нужно уйти.

— Ты не можешь уйти, да и вряд ли вообще идти сможешь. А теперь лежи спокойно, —

распорядилась Николь.

— Пожалуй, мы увезем ее к себе домой и покормим, — сказала Риган, добавив про себя: «И помоем».

— Нет, — отозвалась Лиа. — Не хочу причинять горе Уэсли. Пусть женится на своей Кимберли. Жаль, что так получилось с ребенком.

Николь и Риган удивленно взглянули друг на Друга.

— Ты давно знаешь Уэсли? — спросила Риган.

— Всю жизнь, — прошептала Лиа, откинувшись на подушки. Оставшимся невредимым глазом она видела двух женщин, подобных ангелам — необыкновенно красивых, с мягкими темными волосами и в платьях из ткани, сотканной богами. — Мне нужно уйти.

Риган осторожно уложила ее и приложила к опухшему лицу кусок влажной ткани.

— Ты знаешь Уэсли всю жизнь, но только один раз легла с ним в постель?

На губах Лии появилось подобие улыбки:

— Я только два раза видела его. — И с этими словами она погрузилась то ли в сон, то ли в полузабытье. Риган опять опустилась на колени:

— Хотела бы я услышать эту историю до конца. Ну что мог Уэсли делать с таким ребенком, коль скоро ему было положено хранить верность ее королевскому высочеству Кимберли?

— Ее королевскому... — Николь улыбнулась. — Надеюсь, Риган, ты не называла ее так при Уэсли?

— Нет, но однажды так сказала при Тревисе. Глупые мужчины! Они оба считают ее верхом женственности. Знаешь, я бы даже предпочла, чтобы Уэс женился на... ней, — она показала на покрытое синяками тело Лии, — а не на милой, прелестной мисс Шоу.

Не успела Николь ответить, как дверь распахнулась и вбежала Бесс Симмонс, сестра Лии.

— Я убью его! — закричала она и, упав на колени, схватила безжизненную руку сестры. — Она жива? Я убью его!

— Она жива, а кого из них вы хотите убить? Ее отца или Уэсли? — спросила Риган, подойдя к Бесс.

Бесс вытерла слезы:

— Старика. Лиа сама добивалась этого от мистера Стэнфорда.

— Вот как? — с интересом спросила Риган и помогла Бесс подняться на ноги. — Значит, Лиа действительно сама набросилась на Уэсли?

— Ну да. Глупышка, — она ласково посмотрела на спящую девушку. — Ради мистера Стэнфорда она была готова на все.

Николь и Риган усадили Бесс на стул.

— Ну-ка рассказывайте, — попросили они. Бесс потребовалось всего несколько минут, чтобы рассказать всю эту историю.

— Так это Лиа помогла Клею найти меня на острове, — задумчиво произнесла Николь.

— И все эти годы она любила Уэсли? — спросила Риган.

— Не было это настоящей любовью, — ответила Бесс, — потому как все эти годы она с ним не встречалась, но Лие вечно мерещилось, что она его любит.

— Больше, чем Кимберли, — прошептала Риган.

— Риган... — предупредила ее Николь. — Мне твои мысли не нравятся.

— Бесс, так хорошо, что вы пришли, — сердечно произнесла Риган и взяла ее за руку. — Клянусь, что о Лие позаботятся должным образом. — И ловко выпроводила Бесс на улицу.

С сияющими глазами она прислонилась к закрытой двери.

— Эта девушка спасла тебе жизнь и столько лет любила Уэсли.

— Риган, ты собираешься вмешаться? Эта история касается только Уэсли и Кимберли. Нам нужно забрать девушку домой, вылечить ее, дождаться рождения ребенка и, может быть, найти ей работу.

— А что будет с ребенком Уэсли? — с негодованием спросила Риган. — Мы хотим, чтобы его воспитали чужие?

— Может быть, Уэс и Ким его усыновят?.. — заговорила было Николь, но умолкла. — Пожалуй, говорить об этом преждевременно.

— Действительно, преждевременно — из-за милой, ласковой Кимберли. Вряд ли она сможет мириться с неудобствами, которые причиняют собственные дети, не говоря уже о чужих. — Риган села. — Николь, посмотри на нее и скажи, как она будет выглядеть, когда ее вымоют и вылечат?

Николь заколебалась, но уступила просьбе Риган. Она, кажется, догадывалась, что стоит за намеками Риган, и была уверена, что сможет помешать ей, но в то же время и соглашалась с ней. Уже многие месяцы она надеялась на то, что какое-нибудь событие помешает Уэсли жениться на Ким.

Стараясь сохранить беспристрастность, Николь разглядывала лицо Лии со следами побоев.

— У нее хорошие черты лица, она прекрасно сложена. При ее нынешнем состоянии не могу ничего сказать про глаза. Красавицей она, может быть, и не будет, но и безобразной не назовешь.

— Николь, конечно, сделать так, чтобы красотой она превзошла Кимберли, нам не удастся, — сказала Риган и встала. — Думаю, мы должны настоять, чтобы Уэс женился на матери своего ребенка и тем самым совершил достойный поступок.

— Риган, из этого ничего не получится, — с отчаянием отозвалась Николь. — Ты же знаешь, что Тревис способен уладить это таким образом, что девушка ни в чем не будет нуждаться, а Уэсу не придется на ней жениться.

— Он будет счастлив скорее с этой незнакомой девушкой, чем с Кимберли. Эта девушка любит Уэса, а Ким — я не сомневаюсь — не способна любить никого, кроме себя.

— Но Уэсли любит Ким, — упрямо продолжала Николь, пытаясь убедить подругу. — Он не любит эту девушку. К тому же, что мы о ней знаем? Может, она окажется еще хуже, чем Ким.

Риган с сомнением фыркнула:

— Ты слышала, что сказала ее сестра. Эта девушка могла бы вести более беззаботную жизнь в таверне, но предпочла остаться дома и помогать братьям и сестрам, хотя ей и приходилось сносить побои своего безумного отца. Как ты думаешь, многие ли на это способны? Может, мисс Шоу?

— Кимберли, может быть, и не способна, однако...

— Нам нужно выбирать между Кимберли и этой избитой девочкой, лишенной любви и заботы. При этих словах Николь рассмеялась:

— Честное слово, Риган, ты увлекаешься. Ты говоришь странные вещи. Ведь Уэсли будет решать сам. На мгновение Риган задумалась.

— Если бы вы с Клеем согласились и если бы Тревис принял сторону Ким — а Уэсли всегда поступает вопреки желаниям Тревиса, — мы смогли бы добиться своего.

— Клей не выносит Кимберли, — ответила Николь вполголоса.

— А что ты, Николь, думаешь о Кимберли? Николь пристально посмотрела на Лию.

— Я не желаю несчастья людям, которых люблю. Уэсли столько лет пришлось подчиняться Тревису.

— Разве плохо то, что у него появляется возможность начать новую жизнь в новых краях и с другой женщиной — возможность обрести подлинное счастье, а не прийти к неизбежному разочарованию? прошептала Риган.

— Клей считал, что ему следует жениться на Бианке, но вмешалась судьба, и мы с ним стали мужем и женой, — негромко отозвалась Николь.

— Но мы ведь хотим помочь судьбе, правда, Николь? — подсказала ей Риган.

Николь подняла глаза — в них затаился смех:

— Боюсь, что да, и слово «боюсь» здесь уместно.

Хотя поначалу Николь и испытывала сомнения, именно она больше всех стремилась устроить брак Уэсли и Лии. Клей смотрел в глаза жены и вспоминал, как намеревался жениться на одной женщине, а в конце концов женился на другой. К тому же слишком частые его ссоры с Кимберли мешали ему занять ее сторону.

Задумчиво потирая подбородок, Клей произнес:

— За мной долг перед Уэсом. Он помог мне избавиться от Бианки. Надо надеяться, что Лиа окажется лучше Кимберли.

— Меня это тоже волнует, — ответила Николь. Когда Клей, Риган и Николь присоединились к спокойным, как ни странно, Уэсли и Тревису, нужды убеждать Уэса не было.

— Поговори-ка с ним! — обрушился Тревис на Риган. — Он решил, что должен жениться на этой юной шлюхе. Он хочет лишиться себя будущего из-за того, что эта хитрая дрянь ловко устроила дело и он стал ее первым клиентом. Если бы он хоть немного обладал здравым смыслом и в церкви промолчал, не исключая, человек двадцать признались бы, что спали с ней. Интересно, не подстроила ли она так, что и на их плащах была девственная кровь?

Риган положила руку на плечо мужа и не стала спорить. Николь подошла к Уэсли и посмотрела в его потускневшие глаза.

— Ты же в это не веришь? Уэс покачал головой:

— Я не хочу на ней жениться, но она носит моего ребенка. В этом мой долг.

— А что же будет с Кимберли? — ласково спросила Николь.

— Она... — на секунду Уэс отвернулся. — Все было кончено, когда я признался в церкви.

— Уэсли, — сказала Николь и взяла его за руку. — Я не знаю эту девушку, но, по-моему, она обладает достоинствами, которые помогут ей стать хорошей женой.

Уэсли фыркнул:

— Она плодовита. Ну что, будем с этим заканчивать?

— Ради бога, подумай над этим хотя бы несколько дней! — Тревис взорвался:

— А вдруг ты образумишься. Мы могли бы найти ей мужа. Сын сапожника ищет себе жену. Он бы...

— Тревис, можешь взять своего сапожника и...

— Уэсли! — прервала его Риган. — Ты будешь по-прежнему ненавидеть Лию, когда она станет твоей женой?

— У нее и ребенка будет все самое лучшее. А теперь пора зайти в дом, к моей... — Его лицо исказила улыбка, больше похожая на гримасу:

— .. невесте?

В то роковое воскресенье еще до захода солнца Лиа стала госпожой Уэсли Стэнфорд. Собравшись с силами, она держалась на ногах и твердо отвечала на вопросы волновавшегося пастора. Она не вполне понимала, как все это случилось, но происходившее настолько походило на ее мечты — ведь на церемонии бракосочетания она стояла, не ощущая боли в теле, рядом с человеком, которого всегда любила.

Когда церемония закончилась, никто не произнес ни слова. Лие помогли поставить свою подпись рядом с подписью Уэсли в церковной книге, а затем Клей своими сильными руками отнес ее в ожидавшийся на улице фургон. Она слишком плохо себя чувствовала, чтобы обращать внимание на то, где находится и что ее муж со своим братом не желают смотреть на нее.

Ее посадили в лодку, которая поплыла вверх по реке, потом опять пересадили в фургон и наконец аккуратно опустили в чистую, мягкую кровать.

— В моей комнате, — фыркнул Уэсли, когда Риган и Клей уложили девушку. — Тогда мне нужно уехать.

— Уехать! — поразилась Риган. — Когда у тебя молодая жена и...

Уэсли остановил ее взглядом.

— Если ты думаешь, что я способен каждый день видеть это и не лишиться рассудка, значит, ты плохо меня знаешь. Мне нужно на время уехать и привыкнуть к этому.

Он вытащил снизу шкафа портплед и начал бросать в него одежду.

— Куда ты? — прошептала Риган. — Ты же не бросишь ее и ребенка?

— Нет, я сознаю свой долг. Я позабочусь о них, но мне нужно привыкнуть к мысли об... этом! — С мрачной улыбкой он посмотрел на Лию, спавшую на его кровати. — Я съезжу в Кентукки, поработаю на ферме и весной вернусь. К тому времени ребенок подрастет и сможет отправиться в дорогу.

— Ты не можешь оставлять нам свои отбросы, — заявил Тревис, стоя в дверях. — Ты благородно решил, что должен сделать ее честной женщиной. Женщиной! Я даже не пойму, разумное ли она существо. Забирай ее с собой. Я вовсе не хочу, чтобы мне что-то напоминало о твоей глупости.

— Вычти расходы на нее из моей половины стоимости нашей плантации! — закричал Уэсли.

— Ты не можешь уехать просто так, — взмолилась Риган, но Уэсли уже был за дверью.

— Тревис, догони его, — взмолилась она. — А мы с Николь займемся девушкой. Ты же не можешь вот так расстаться с братом.

Поколебавшись, Тревис коснулся щеки жены, потом бросился вниз по лестнице. В окно спальни Риган следила за тем, как братья обнялись, потом Уэсли направился к пристани, где была привязана лодка, на которой ему предстояло пуститься в дорогу на запад.

Глава 3

Через два дня после отъезда Уэсли Лиа родила мертвого ребенка. Она поплакала над крохотным гробом, а потом ее опять уложили спать, и она спала несколько дней подряд, просыпаясь только для того, чтобы немного поесть.

Когда в конце концов Лиа пробудилась и огляделась по сторонам, ей показалось, что она находится в раю. Она лежала в просторной кровати с пологом из ткани кремового цвета. На выкрашенных в белый цвет стенах были развешаны картины — парусные корабли, сцены охоты. Комната была заставлена стульями, столами и конторками, подобных которым ей видеть еще не приходилось.

Лишь секунду она полюбовалась этим зрелищем, а потом спустила ноги на пол. На голове у нее был чепчик, а тело укутано в ночную рубашку ослепительной белизны; она удивленно коснулась этой одежды. Головокружение наконец прекратилось.

— Что вы делаете? — спросила появившаяся в двери женщина. — Миссис Риган! — крикнула она через плечо.

Когда Риган прибежала, Лиа, вырываясь из рук служанки, пыталась встать с кровати.

— Салли, довольно!

— Вы не знаете, какие они, — всхлипнула служанка, толкая Лию руками. Риган собралась с силами.

— Салли! Уходи, мы с тобой потом поговорим. Когда служанка ушла, Риган повернулась к Лие, которая опять попыталась сесть:

— Тебе нужно отдыхать.

— Мне нужно присмотреть за детишками. Старик их уморит голодом.

Мягко, но настойчиво, Риган заставила ее лечь.

— Об этом уже позаботились. Тревис с Клеем побывали на вашей ферме, забрали всех твоих братьев и сестер и сейчас устраивают их в разных семьях. А твоего отца никто не видел несколько недель, с того самого дня, когда он... явился в церковь. Тебе пока нужно отдыхать, есть и выздоравливать. Когда ты придешь в себя, то сможешь встретиться с братьями и сестрами. А вот и еда.

Перед изумленной Лией поставили красиво раскрашенный деревянный поднос с блюдами.

— Я не знала, что бы ты хотела поесть, и заказала все разное, — продолжала Риган, снимая серебряные крышки, чтобы показать ароматные горячие блюда.

— Я... — Лиа запнулась. Риган похлопала ее по руке:

— Ешь побольше, наслаждайся, а потом поспи. Прежде чем приступить к работе, тебе надо отъестся. Кстати, горшок стоит под кроватью. — С этими словами Риган вышла.

Лиа принялась есть, как делала это всегда — руками и с невероятной быстротой. Она не обращала внимания на то, что брызги от соуса попадают на полог. Поев, она воспользовалась ночным сосудом и выплеснула его содержимое в окно, как всегда поступала дома.

Почесываясь, она опять легла в кровать и заснула, так что гнев Тревиса миновал ее, когда он услышал о том, как Лиа поступила с содержимым горшка.

Целых десять дней Лиа только спала и ела, а когда ссадины и синяки у нее зажили, Риган задумчиво посмотрела на нее. Она сообщила, что Уэсли уехал в Кентукки, куда будто бы давно уже собирался.

Лиа уяснила, что ночной горшок следует оставлять служанке, но так ни разу и не осмелилась выйти из спальни. Она сидела у окна и разглядывала огромную территорию плантации Тревиса, застроенную разнообразными зданиями, видела сотни людей, занятых делом, и постепенно ее стало охватывать беспокойство.

— А когда я должна приступить к работе, о которой вы говорили? — спросила она у Риган.

Та взяла Лию за подбородок и стала рассматривать ее лицо в свете солнца. Синяки почти совсем зажили.

— Скажем, завтра утром.

— Хорошо, — улыбнулась Лиа. — У вас есть для меня какая-нибудь старая одежда? Что-нибудь поношенное, — продолжила она, кивком показав на голубое шелковое платье Риган.

— Пожалуй, мы пока не будем думать о твоей одежде, — задумчиво ответила Риган. — Думаю, мы начнем завтра, если у Николь будет время. — Она не оставила Лие времени, чтобы задать вопросы. — Мне нужно идти. Предстоит подготовить очень и очень многое, — рассеянно добавила она и вышла из комнаты.

Когда Лиа проснулась на следующее утро, Николь и Риган, с чепчиками на голове и в старых грубых платьях из муслина, уже стояли возле кровати. На их лицах застыло суровое выражение.

— Нам придется нелегко, — негромко сказала Риган. — С чего начнем?

— С тела, а волосами займемся завтра. Не успела Лиа опомниться, как они схватили ее за руки, извлекли из кровати и повели из спальни. Пока они силой влекли Лию, та изумленно разглядывала ковры, картины и великолепную мебель. Они спустились в относительно скромную комнату, которая все же казалась замечательной по сравнению с той, в которой раньше жила девушка.

— Это будет моя комната? Да подождите! вскрикнула она, когда Риган и Николь сорвали с нее ночную рубашку. Она наклонилась, пытаясь прикрыть наготу. — Вы не можете...

— Привыкай к этому, Лиа, — распорядилась Риган. — Дня два тебе одежда вообще не понадобится.

— Вы не имеете права... — начала Лиа и подхватила рубашку с пола.

— Залезай! — приказала Риган, показывая на гигантскую ванну, установленную в середине комнаты.

Лиа стояла неподвижно, загородившись ночной рубашкой.

Теперь твердым тоном заговорила Николь:

— Лиа, отныне ты член семьи Стэнфорд, а это имя и прекрасный дом подразумевают определенные обязательства. Прежде всего, нельзя сидеть за обеденным столом, благоухая как мул, а именно так от тебя сейчас пахнет. Поэтому мы с Риган собираемся посвятить несколько недель, а если понадобится, то и месяцев, чтобы сделать из тебя истинного члена семейства Стэнфорд. Мы тебя отмоем, обучим пользоваться кремами, масками, а когда с этим закончим, то научим правильно вести себя, ходить, говорить и вообще всему, что тебе полагается знать. Лиа переводила взгляд с Риган на Николь.

— А когда вы закончите меня обучать, от меня будет так же пахнуть, как и от вас? Когда Уэсли вернется, я буду в хорошем платье?

Риган и Николь с улыбкой переглянулись.

— В замечательном платье. Уэсли будет гордиться, что у него такая жена.

Позднее Лиа задавалась вопросом, полезла бы она в тот первый раз в ванну, если бы

представляла себе, что задумали эти две жестокие женщины. Тогда она решила, что они будут рады, увидев ее чистую кожу, но Николь недовольно заметила:

— Это совсем никуда не годится: слишком много лет за ней не было никакого ухода.

Лию завернули в бумазейный халат и отвели в другую комнату, где стояла ванна с...

— Что это? — воскликнула она.

— Лечебная грязь, — засмеялась Риган в ответ. И вот Лию погрузили в грязь, заставили стоять в чем мать родила, дожидаясь, пока она высохнет, а затем вымыли еще в трех ваннах. Потом она лежала на столе, а Николь и Риган тем временем скребли ее кожу жесткими кожаными перчатками. Потом Лию погрузили в ванну с маслянистой на ощупь водой, куда добавили растительное масло, а когда она вылезла из воды, ее тело смазали огуречным кремом.

— Неплохо, — объявила Риган вечером. Выбившиеся волосы лезли ей в глаза, платье испачкалось. — Думаю, мы сделали немало.

Она шлепнула Лию по голым ягодицам, дала ей халат и проводила в комнату на втором этаже.

Ощущая, как дышит ее покрасневшая кожа, Лиа в изнеможении упала на кровать.

На следующее утро Николь и Риган пришли опять. Лиа застонала и укрылась с головой одеялом.

— Нет, Лиа, — смеясь, заявила Риган. — Начни день с улыбки.

Она сдернула с нее одеяло, но Лиа сама спустилась на первый этаж в камеры для пыток.

— У меня руки чесались заняться этим, — сообщила Николь и сняла чепчик с грязных волос Лии. — Интересно, какого они цвета?

Лиа села на стул, а Николь принялась трудиться над ее волосами, расчесывая их жесткой щеткой так, что у Лии на глазах выступили слезы.

— Перхоть, — тихо сказала Николь, но Лиа даже не поняла, о чем она говорит.

Пока Николь занималась волосами, Риган наложила на лицо Лии смесь из кукурузной муки. Когда маска высохла, они принялись мыть ей всю голову. Понадобилось четыре раза намылить волосы, чтобы смыть накопившиеся за многие годы сало и грязь.

— Клясться в этом не буду, но, по-моему, проглядывает красноватый цвет, — сообщила Николь.

Несмотря на мокрые волосы, Лиа ощущала, что голова ее впервые в жизни необыкновенно легка; но не успела она сказать и слова, как Николь стала пригоршнями наносить кислое молоко на ее только что отмытые волосы. Голову ее обернули очень горячим полотенцем и оставили девушку одну в затемненной комнате. Лиа сидела, откинувшись, а под глаза ей положили натертую сырую картофелину.

«Уэсли, — думала она. — Я действительно, на самом деле его жена, и ради него стоит терпеть эти мучения».

Вечером ее волосы опять вымыли и прополоскали дождевой водой, в которую был добавлен лимонный сок, уксус и розмарин. Николь завесила все зеркала по дороге из спальни Уэсли к

кладовым, где они работали, так что Лиа не знала, как теперь выглядит, но, погрузившись в постель, чувствовала, что пахнет от нее приятнее.

К своему ужасу Лиа узнала: Николь и Риган считали, что она будет менять нижнее белье и принимать ванну каждый день. Она-то думала, что проделала все эти процедуры раз и навсегда, но на третий день они опять усадили ее в ванну. Подруги вознамерились смягчить ее кожу, которая за годы тяжелого труда загрубела. Кожу на ее локтях и коленях счищали едва ли не до костей, а затем отбеливали лимонным соком и втирали в нее клубничный крем.

И целыми днями ей читали наставления. Николь учила ее, как ухаживать за кожей и волосами даже в том случае, если бы пришлось целый день походить в поле за упряжкой лошадей. Поскольку Лиа читать не умела, они помогали ей запомнить рецепты кремов, масок для лица, снадобий для мытья и укрепления волос и упорно заставляли Лию заучивать их наизусть до тех пор, пока та не смогла бы повторить их даже во сне.

Прошли две недели упорной работы. Николь погрузила руки в чистые, мягкие и густые волосы Лии и отступила назад, улыбаясь:

— Думаешь, теперь мы можем ее показать?

— Подожди. — Риган засмеялась. — Надень это, Лиа.

Она протянула ей пеньюар из темно-зеленой шелковой тафты, расшитой крохотными разноцветными птичками.

— Я не смогу, — попыталась возразить Лиа, но, взглянув на лицо Николь, смолкла. Она сбросила простое муслиновое платье и стала надевать пеньюар. От ощущения, которое вызывало прикосновение шелковой ткани, ее глаза слегка расширились:

— Как красиво!

— Ну и хорошо. А теперь иди сюда, — распорядилась Риган и подвела Лию к закрытому простыней зеркалу высотой в человеческий рост.

Когда Риган, раскрасневшись, сдернула простыню, Лиа ничего не сказала — она просто не поняла, кого видит в зеркале. Она повернулась, чтобы посмотреть, кто стоит за ее спиной, но когда отражение задвигалось, она замерла.

Женщина в зеркале была не просто хорошенькой, она была настоящей красавицей. Длинные густые каштановые с рыжеватым отливом волосы ниспадали ей на плечи и струились по спине, а на лице, которое отличала твердая линия, выделялись огромные зеленые глаза и крупный чувственный рот. Лиа осторожно подняла руку, чтобы коснуться своей щеки, и тут же рухнула на кровать. Риган и Николь расхохотались.

— Пожалуй, мы своего добились, — торжествующе сказала Риган, потом высоко подняла голову. — Я хочу вывести ее на люди хотя бы ненадолго.

— Сейчас еще рано, — предупредила ее Николь.

— Иди сюда, Лиа, — позвала Риган и взяла ее за руку.

Она провела Лию по той части дома, в которой та еще не была — по длинным коридорам, мимо просторной столовой.

— Этим комнатам нет конца?

— Ты скоро все здесь узнаешь. А сейчас пойдем с тобой в контору Тревиса.

— Это брат Уэсли? Риган засмеялась:

— Уэсли обычно называют младшим братишкой Тревиса.

— Для меня он не такой, — решительно отозвалась Лиа.

Тревис сидел за громадным письменным столом, перед ним были разложены бухгалтерские книги, а рядом стоял один из его служащих. Риган подвела Лию к столу, и когда служащий посмотрел на нее, у него от изумления раскрылся рот. Тревис поднял глаза, увидел удивленное лицо служащего и взглянул на Лию.

— Господи! — воскликнул он и шумно втянул воздух сквозь зубы. — Это же не ..

— Это она, — с гордостью отозвалась Риган.

— Пусть нам принесут чай, — приказал Тревис служащему. — И перестань таращиться! А ты садись. Тебя ведь зовут Лиа?

Держась так, словно привыкла к учтивому обращению, Лиа робко села в кожаное кресло, которое ей подал Тревис. Платье слегка распахнулось, обнажив ложбинку на груди девушки, и это зрелище доставило Тревису удовольствие. Он поднял глаза и встретил сердитый взгляд Риган.

— Она несколько пополнела, правда? — заметил он с улыбкой.

Почти сразу две служанки и дворецкий подали чай на большом серебряном подносе, и все трое, и служащий Тревиса, воззрились на Лию.

— Убирайтесь! Все — вон! — прикрикнул Тревис. Лиа сидела неподвижно и с любопытством разглядывала их, пытаясь понять, кто они такие и чем занимаются.

Когда они ушли, Тревис налил чай в хрупкую фарфоровую чашку и с величайшей учтивостью подал ее Лии.

— Есть хочу, — заявила Лиа и с грохотом придвинула стул к столу, на котором был поднос с пирожными и сэндвичами. Она шумно подула на чай, втянула его сквозь зубы, поставила мокрую чашку на полированную столешницу, потом взяла три маленьких пирожных, раздавила их на блюдце, полила крошево сливками из серебряного молочника и принялась чайной ложкой есть получившуюся кашу. Когда на блюдце осталась половина, девушка подняла глаза и увидела, как Тревис, Риган и Николь с удивлением разглядывают ее.

Первой пришла в себя Николь.

— Нам еще предстоит поработать, — мягко заметила она, сделав изящный глоток из своей чашки.

— Воистину так, — буркнул Тревис в ответ. Лиа продолжала насыщаться.

Спустя три дня Лиа прокляла чашечки и блюдца, которые смотрелись так красиво, но

разбивались сразу, стоило ей только прикоснуться к ним. Риган пригрозила убить ее, если она разобьет еще хоть один предмет из дорогих заморских сервизов, и Лиа снова принялась учиться обращению с посудой.

— Ну какая разница, как ты ешь — главное, чтобы еда попала в желудок! — воскликнула Лиа, когда Николь в очередной раз заставила ее правильно пользоваться вилкой.

— Подумай об Уэсли! — ответила Николь. Она пользовалась этой фразой как призывом, чтобы чего-либо добиться от Лии, и слова эти безотказно действовали. Женщины прибежали к имени Уэсли для того, чтобы увлечь ее, заставить быть терпеливой и учиться хорошим манерам. И они выудили у Лии все подробности того, как она познакомилась с Уэсли и как случилось, что она так давно любит его.

После того как Лиа прожила на плантации Стэнфодов два месяца, тело ее отца Илии нашли в реке. Тревис оплатил расходы на достойные похороны. Впервые с того времени, как Лиа стала женой Уэсли, она увидела своих братьев и сестер. Дети поправились, синяки и ушибы их зажили, и они льнули к людям, которые взяли их в свои семьи. Они удивленно взирали на Лию, с трудом узнавая ее. Потом все они уехали со своими новыми семьями. Лиа заплакала от радости — теперь ребятишки были счастливы.

Во время похорон отца Лиа подняла глаза и встретилась взглядом с молодой красавицей, стоявшей по другую сторону гроба. Однако не успела она как следует разглядеть незнакомку, как Риган слегка подтолкнула ее, и Лиа отвела глаза. Когда она снова подняла голову, красавица уже исчезла.

— Кто это такая? — спросила Лиа спустя некоторое время.

— Кимберли Шоу, — сухо ответила Риган.

«Эта женщина должна была стать женой Уэсли, неприязненно подумала Лиа. — Может, она этого и хотела, но достался он мне».

Увидев Кимберли, Лиа решила во что бы то ни стало преуспеть в учении, чтобы угодить Уэсли, когда он весной вернется домой.

Лиа аккуратно поставила чашку, даже не звякнув ею о блюде, будто всю жизнь умела красиво есть и пить, наклонилась к Тревису и ласково улыбнулась:

— Вы думаете, новый отделитель волокон поможет ускорить работу? А вам не кажется, что торговля хлопком потерпит крах так же, как это случилось с торговлей табаком?

Откинувшись на спинки стульев, Риган и Николь с удовольствием наблюдали за своей протеже. Потребовались месяцы работы, но Лиа успешно выдерживала испытание. Они ни разу не пытались внушать ей, о чем говорить, а только обучали ее правильному произношению, поэтому с удивлением обнаружили ее серьезный интерес к ведению хозяйства на ферме. Лиа не умела читать (а Риган и Николь пока еще не пытались заняться этим), поэтому говорила только о том, что было ей знакомо — о земледелии.

«А Тревис этим упивается», — с негодованием подумала Риган. Временами, когда Риган принималась обсуждать с ним домашние дела, она замечала, как глаза Тревиса начинают блуждать по сторонам; однако когда Лиа начинала свои расспросы о полях, лошадях и кузнице, Тревис едва мог усидеть на стуле.

— Утром можешь поехать со мной и осмотреть посадки табака, — предложил Тревис.

— Нет, — мягко возразила Николь. — Завтра Лиа уезжает ко мне. Я уже давно не была дома; к тому же пора заняться ее гардеробом.

— А по-моему, она одета, — убежденно произнес Тревис, глядя на муслиновое платье с глубоким вырезом.

— Тревис, — предупредила его Риган и уже приготовилась сказать, что она думает о его привычке пристально разглядывать Лию.

Николь засмеялась, и это предотвратило надвигавшуюся ссору.

— Нет, Лиа должна уехать со мной. Мне наконец-то прислали заказанные ткани, и швея уже приехала. Заодно я начну обучать Лию, как следует управлять хозяйством плантации. Ей нужно начать с малого, не такого огромного, как твое хозяйство, Тревис.

Нахмурившись, он тут же улыбнулся, взял руку Лии и поцеловал ее:

— Мне здесь будет не хватать твоего личика, но Клей о тебе позаботится.

Позже Риган проводила Лию в спальню Уэса.

— У Николь в доме живет целая армия мастеров из Франции. В прошлом году, летом, они с Клеем были во Франции и привезли сюда людей, которых Николь знала, когда жила в этой стране. Ее портниха прежде шила для королевы. А теперь выспись как следует, потому что вы уедете завтра рано утром, Спокойной ночи.

Лиа сняла платье (одно из переделанных платьев Николь), надела чистую ночную рубашку и легла. «Вот уже и июль настал», — подумала она. Впереди вся зима, потом весна, и только тогда Уэсли вернется к ней. Коснувшись своих чистых, мягких волос, она подумала о том, как изменилась ее наружность, и стала молиться о том, чтобы понравиться ему, когда он вернется. Больше всего ей хотелось нравиться Уэсли.

— Я буду для тебя самой лучшей в мире женой, — прошептала она и, улыбаясь, заснула.

Еще до рассвета Тревис проводил Николь и Лию на пристань. За прошедшие пять месяцев Лиа видела плантацию редко, главным образом из окна. Все время она проводила в доме с Риган и Николь, усваивая, как нужно ходить, как правильно говорить, как держаться за столом, как сидеть, стоять, — иными словами, претерпела все мыслимые мучения.

В порту Тревис наклонился и поцеловал ее в щеку.

Коснувшись пальцем этого места, Лиа удивленно посмотрела на него.

— Мы будем скучать без тебя! — крикнул он; тем временем один из матросов помог Лие подняться в ожидавший ее шлюп.

С улыбкой она махала ему рукой, пока причал не исчез из вида. «Как благословенна, тепла, ласкова и доброжелательна вся эта семья», — подумала она. Временами она даже забывала о том, каково было находиться в дурном настроении круглые сутки.

Она повернулась к Николь и встретила ее взглядом.

— Если бы Уэсли был здесь, все было бы просто замечательно. — Лиа засмеялась, обхватив себя руками.

— Надеюсь, так и было бы, — совсем тихо произнесла Николь и отвела глаза.

Глава 4

У причала плантации Эрэндел Николь ждали два шестилетних мальчика-близнеца и еще двое красивых близнецов по семнадцати лет; звали их Алекс и Аманда. Клей нетерпеливо ждал, пока все остальные обнимут его жену, потом подхватил ее на руки и страстно поцеловал. Они направились в сторону дома, держа мальчиков за руки и глядя друг другу в глаза.

— И они всегда себя так ведут, — с досадой сказал Алекс.

— Глупец, они любят друг друга, — бросила Аманда и повернулась к Лие. — Хотите посмотреть присланные нам ткани? Дядя Клей сказал, что они предназначены вам.

— У меня есть более веселое занятие, поэтому надеюсь, что вы, дамы, меня простите, — сказал Алекс, вскочил на великолепную чалую лошадь и ускакал.

— Вообще-то он нам не нужен, — продолжала Аманда. — Идемте, нам нужно спешить. Мадам Жизель выходит из себя, если ей приходится ждать. Если она будет слишком ругать вас, пригрозите ей, что ее отправят назад во Францию. После этого она замолчит хотя бы на несколько минут.

Пока они шли, Аманда весело болтала, и Лиа наблюдала за утренней суетой вокруг. Люди входили и выходили, как ей показалось, из сотен строений. Она стала расспрашивать.

— Это домик надсмотрщика, здесь живут рабочие, там — хранится лед, а это — конюшни и кухни, — рассказывала Аманда. А нас ждут наверху.

Они поднялись на заднее крыльцо большого кирпичного дома, прошли по богато украшенным лестницам, мимо столов, на которых были расставлены недавно срезанные цветы.

— Мама — я хочу сказать, Николь — любит, когда цветов много. А вот и мы, мадам, — вежливо произнесла Аманда, обращаясь к крохотной женщине с большим носом и пронзительными черными глазами.

— Я вас давно жду, — заявила мадам Жизель, и речь ее звучала так странно, что Лиа почти ничего не поняла.

— Это из-за ее произношения, — прошептала Аманда. — Я тоже не сразу привыкла.

— Уходи! — прикрикнула мадам. — Нам предстоит работа, а ты будешь мешать.

— Разумеется, — ответила Аманда со смехом и, сделав книксен, ушла.

— Нахальная девчонка! — бросила мадам, но голос ее звучал ласково. Затем она перевела взгляд на Лию и обошла ее со всех сторон.

— Да, да, фигура хорошая. Грудь полновата, но мужу вашему это нравится, правда?

Лиа улыбнулась, покраснела и принялась разглядывать оклеенные стены мансарды.

— Ну, ладно, хватит стоять, пора работать. Покажите мне, что вам нравится, и мы начнем.

Она указала на стоявшие вдоль стены полки, которые были завалены штуками тканей.

Лиа потрогала темно-синий бархат.

— Я... я не знаю, — сказала она. — Мне все нравится. Обычно Николь и Риган...

— А! — оборвала ее мадам Жизель. — Мадам Риган сейчас здесь нет, а Николь, конечно, пребывает в горячих объятиях своего замечательного мужа, и несколько дней она нам помочь не сможет. Так вот! Теперь вам нужно привыкать полагаться только на себя. Встаньте прямо! Ткань не будет лежать как следует, если вы станете сутулиться. Вы должны гордиться собой. Вы — красивая женщина, у вас богатый и красивый муж, который скоро вернется к вам, поэтому мы должны одеть вас самым лучшим образом. Вам есть чем гордиться, так покажите это!

«Да, она совершенно права, — подумала Лиа. — Мне действительно есть чем гордиться». Она повернулась к полкам.

— Это мне нравится, — сказала она, касаясь бархата красно-коричневого цвета.

— Очень хорошо! А что еще?

— Это, и это тоже, и... Еще это. Мадам Жизель немного отступила назад, осмотрела Лию и коротко засмеялась:

— Вид у вас, может быть, и испуганный, но вы ничего не боитесь. Я права, разве не так?

Лиа основательно задумалась над ее вопросом:

— Николь и Риган так уверены в себе. Они все делают просто безупречно.

— Они родились среди богатства, а женщины вроде вас и меня... должны постигать эту науку. Я вам помогу, но только если вы не боитесь тяжелого труда.

При этих словах Лиа улыбнулась, вспомнив, каково было ощущать на плечах ремни плуга.

— Люди, живущие в таких домах, даже не знают, что такое труд.

— Вы-то это узнаете, — со смехом ответила мадам Жизель. — Уж это вы узнаете!

И для Лии начались дни непрерывных примерок, когда на ней булавками закалывали ткань, и грозных наставлений мадам.

— Нижнее белье! — повторяла она. — На этой ферме, куда вы поедете, вы можете отказаться от будничных платьев из шелка, но под одеждой вы должны быть леди.

Сначала Лию поразили полупрозрачные одежды из индийского хлопка, но вскоре они ей понравились. Мадам с помощницами создала для Лии отличный гардероб. Он состоял из множества скромных платьев на каждый день из набивного муслина и нескольких туалетов из шелка и бархата, в которых следовало появляться в том обществе, которое обретается в новом штате Кентукки.

И мадам неизменно стремилась внушить Лие уверенность в себе:

— Отныне вы член семьи Стэнфорд и имеете право на привилегии, которыми обладают люди этой фамилии.

Подсознательно Лиа стала держаться прямее, а спустя месяц она уже вела себя так, словно всю свою жизнь обедала за столом и носила платья из шелка.

Когда осенний урожай был собран и Клей смог вздохнуть свободно, он начал уделять Лие больше времени. Каждое утро они выезжали вместе, и он учил ее верховой езде.

— Мне она нравится, — как-то вечером сказал Клей, обращаясь к Николь. — Она серьезна, старается делать все как можно лучше и как можно быстрее всему научиться.

— Она делает это ради Уэсли, — спокойно отозвалась Николь, подняв глаза от лежавшего на коленях шитья. — Даже несмотря на то что он так обошелся с ней, бросив после первой же проведенной вместе ночи, и сразу после свадьбы уехал, она по-прежнему считает, что солнце встает и заходит ради этого мужчины. Я только надеюсь...

— На что ты надеешься? — спросил Клей.

— Уэсли так похож на Тревиса, а когда они что-либо вбивают себе в голову, разубедить их трудно.

— А в чем ты хочешь его разубедить?

— В его отношении к Кимберли, — ответила Николь.

Клей презрительно хмыкнул:

— Уэса спасли, избавив от женитьбы на этой сучке. Кимберли убеждена, что весь мир должен лежать у ее ног. К сожалению, нередко так и происходит.

— И обычно этот мир бросает к ее ногам сам Уэсли. Вряд ли он скоро забудет Кимберли.

— Забудет, — ответил Клей, посмеиваясь. — Уэс не дурак, и когда проведет несколько недель наедине с такой красавицей, как Лиа, он вообще забудет о существовании Кимберли.

У Николь были собственные представления о глупости мужчин, когда дело касалось красивых женщин, но она промолчала и вернулась к шитью.

Зимой работы на плантации было немного, и Лиа познакомилась с ткацким делом. Когда Николь привела ее в ткацкую мастерскую, Лиа не хотела оттуда уходить. Она была заворожена превосходными тканями, тем, как руками ткачих создавались покрывала, как бегали челноки, как ловко двигались приводы ткацких станков.

— Хотите попробовать поработать на станке? спросила высокая светловолосая женщина, которую Николь представила как Дженни Лэнгстон.

— Вряд ли у меня получится. — Лиа колебалась. Тысячи нитей на станке двигались, образуя петли, а к деревянной перекладине была прикреплена металлическая чесалка.

— Хотите попробовать? — повторила Дженни, когда Лиа с восторгом притронулась к куску только что вытканной шерсти.

— Очень хочу, — уверенно ответила девушка. Николь провела Лию по плантации, но она мало что замечала вокруг себя, потому что мысли ее были заняты увиденными тканями.

— Вы действительно думаете, что я научусь делать нечто подобное? — спросила Лиа, когда Николь показывала ей молочную ферму. Ведь она доила коров с тех пор, как стала ходить, поэтому они ее не интересовали; ее не покидала мысль научиться создавать такую же красоту.

— Да, Лиа, думаю, у тебя это получится. Хочешь, мы вернемся в ткацкую мастерскую?

Ответ можно было прочесть в глазах Лии.

Теперь Лиа месяцами не отходила от Дженни, а та обучала ее всему: ухаживать за овцами, стричь их и красить шерсть, прясть, заправлять пряжу в станок и ткать. Лиа привыкла к этому так, будто родилась с челноком в руке.

По вечерам она сидела за прялкой, и нитки у нее выходили ровные и тонкие. Все эти дни она работала, сидя на табуретке рядом с галевом ткацкого станка, и прокладывала нитки согласно сложному узору Дженни, терпеливо и без единой ошибки. Когда Лиа ткала, она пускала челнок очень ровно, а потом с силой толкала и оттягивала чесало.

В январе Дженни объявила, что пришло время учиться создавать собственные узоры.

— Но я не умею читать, — ответила Лиа.

— Мои ткачихи тоже не умеют. Так вот, сначала ты научишься создавать собственный узор.

После этого в течение нескольких недель Николь дважды заставляла Лию, заснувшую за столом, на котором были разложены образцы узоров, хитроумные таблицы с рядами цифр, схемы работы привода ткацкого станка и порядка прядения. Чтобы находить свои ошибки, Лиа номерами обозначила шесть положений ремиза. На рисунках были надписи: «колесо двойной коляски», «двойное лекало», «бархатно-розовый», «след улитки», «колесо» и «звезда».

Николь проводила Лию в предоставленную ей комнату, а уже наутро Клей пригласил ее в свою контору.

— Думаю, тебе это пригодится, — сказал он и передал ей толстую книгу в синем кожаном переплете.

— Но я не умею...

— Открой.

Она увидела, что все листы были чистыми, и удивленно посмотрела на него. Клей подошел к ней:

— На обложке написано: «Эрандел Холл». Каждый год мне переплетают несколько таких книг для учета. Николь мне сказала, что ты делаешь рисунки для тканей, поэтому я и решил, что ты захочешь заносить их в книгу, а потом возьмешь ее с собой в Кентукки.

К глубокому изумлению Клея, Лиа упала на стул, прижала книгу к груди и заплакала.

— Я в чем-то ошибся? — спросил он. — Книга тебе не нравится?

— Все так добры ко мне! — воскликнула она. — Конечно, это из-за Уэсли, и все же...

Клей опустился перед ней на колени, взял за подбородок и приподнял ее голову:

— Теперь слушай и верь мне. Сначала мы действительно приняли тебя только потому, что ты стала женой Уэса, но уже много месяцев назад мы о нем забыли. И Николь, и я, и наши дети полюбили тебя. Помнишь, как на Рождество мальчики заболели корью и ты целыми ночами сидела с ними? Своей добротой и любовью к нам ты вознаградила нас за то небольшое, что мы сделали для тебя.

— Но вас так легко любить, — ответила она сквозь слезы. — Вы дали мне весь мир, я же так мало сделала для вас.

Выпрямившись, Клей засмеялся:

— Ну и хорошо, значит, мы квиты. Больше не хочу ничего слышать про то, что мы для тебя сделали. Так, а теперь мне нужно вернуться к делам.

Лиа встала и порывисто обняла Клея.

— Спасибо вам за все. Он тоже обнял ее.

— Если бы я знал, что ты меня вознаградишь таким образом, то отдал бы тебе не только книгу, а всю нашу плантацию. А теперь возвращайся к своим ткацким станкам.

Улыбаясь, она вышла из конторы.

В феврале Риган и Тревис приехали, чтобы забрать ее домой.

— Достаточно она у вас погостила, — сказал Тревис, обращаясь к Клею, но улыбался Лие. Риган раздраженно заметила, что Тревис, обнаружив, насколько Лиа хороша собой, сразу простил ей то, как она расставила ловушку его младшему брату.

Со слезами на глазах Лиа на прощание обняла всех членов семьи Армстронг.

— Ах, да, — вдруг сказал Клей. В его глазах прыгали чертики. — Думаю, тебе это понравится. — И он кивнул в сторону деревянного ящика, стоявшего на пристани среди других грузов.

Заинтригованная, Лиа подошла к ящику. За ним скрывался великолепный ткацкий станок из вишневого дерева с медной отделкой.

Лиа молча с восторгом разглядывала подарок, когда Клей обнял ее за плечи.

— Он разбирается, и ты возьмешь его с собой в Кентукки. Но если ты опять заплачешь, тебе его не видать, — предупредил он.

И опять Лиа обняла его, а Тревис пообещал прислать людей за станком. Не желая расстаться с машиной даже на несколько дней, Лиа схватила длинное прясло, похожее на гребень, и прижала его к груди. Даже когда Тревис подхватил ее и перенес в шлюп, она продолжала сжимать его в руке и, пока видела Армстронгов на пристани, махала им рукой.

По пути домой, на плантацию Стэнфордов, Риган засыпала Лию множеством вопросов и заметила, насколько та изменилась. Она держалась прямо, открыто смотрела людям в глаза и двигалась с естественной грацией.

Пока они шли от причала к дому, Риган думала о том, что Лиа теперь уверена в себе и твердо стоит на ногах — но только до тех пор, пока не взглянула на дом. На крыльце стояла Кимберли Шоу, изящно положив руку на железные поручни. Ее светлые волосы были подняты вверх, а выбившиеся локоны колечками покрывали шею. Хрупкую красоту Кимберли оттеняло шелковое платье и в тон ему накидка темно-розового цвета.

— Это Кимберли, которую любил Уэсли? — шепотом спросила Лиа.

— Не забывай — ты жена Уэсли, — прошептала Риган в ответ. Кимберли тем временем спустилась по лестнице и направилась к ним.

— Кимберли! — радостно воскликнул Тревис. — Давненько я тебя не видел. — Он обнял ее за плечи и поцеловал в щеку. — Ты знакома с моей невесткой Лией?

— Мы виделись мельком, — ответила Кимберли мелодичным голосом и протянула руку. — Меня зовут Кимберли Шоу.

Риган рассердилась, видя, как Лиа смутилась. Ким умела держаться настолько радушно и доброжелательно, что людям хотелось подчиняться ей.

— Я очень рада с вами познакомиться, — негромко произнесла Лиа.

— Надеюсь, дамы меня простят, — сказал Тревис. — Мне надо приниматься за работу.

После его ухода Риган пригласила Ким выпить чаю. — С удовольствием, если это не будет для вас слишком хлопотно, — ответила гостя. — Хочу сообщить вам кое-какие новости, — сообщила Ким.

— Про Уэсли? — радостно спросила Лиа, поднимаясь за Ким вверх по лестнице.

— Разве он не давал вам о себе знать? — спросила Ким, удивленно подняв брови.

— А вам? — отозвалась Риган и первой направилась в маленькую гостиную, где приказала одному из слуг принести чай.

— Да, изредка, — скромно произнесла Ким и, когда все уселись, продолжила:

— Я буду говорить откровенно: то, что произошло в прошлом году, меня, мягко говоря, очень огорчило. В течение многих месяцев после этого я и слышать не хотела имя Уэсли.

Пальцы Лии беспокойно теребили юбку. Она так мало задумывалась о чувствах этой женщины, потерявшей любимого мужчину.

— Как вы знаете, — продолжала Ким, — предполагалось, что я, Уэсли и мой брат Стивен все вместе уедем в Кентукки, и я мечтала обосноваться в новом штате с... с...

Принесли чай, и она замолчала. Когда слуга ушел, заговорила Риган:

— Вы ведь пришли не для того, чтобы сообщить нам о своих прошлогодних планах. Так зачем же вы пришли?

Крупные слезы наполнили прекрасные глаза Ким.

— С того самого дня в церкви жизнь моя стала ужасной, омерзительной. Риган, вы даже

представить себе не можете, каково мне было. Надо мной все время смеются. Каждый раз, когда я иду в церковь, кто-либо обязательно должен сказать о том, как меня... бросили. — Она взглянула на Лию, которая сидела, по-прежнему не поднимая глаз. — Даже дети сочиняют стишки о том, что произошло в тот день. — Она закрыла лицо руками. — Это ужасно. Я больше не могу это выносить.

Сама того не желая, Риган почувствовала, что в ней поднимается жалость.

— Ким, что мы можем сделать? Может быть, Тревис поговорит с горожанами, или...

— Нет, — ответила Ким. — Единственный для меня выход — уехать. Лиа, — сказала она с мольбой, и Лиа посмотрела ей в глаза. — Вы меня не знаете, но я хочу попросить вас об одной услуге, которая спасет мне жизнь.

— Что же я могу сделать? — серьезно спросила Лиа.

— В своем последнем письме Уэс написал мне о том, что вернется в конце марта, и тогда вы вдвоем и мой брат отправитесь в Кентукки.

«Один месяц!» — подумала Лиа. Всего лишь через месяц Уэсли приедет домой и она настоящему станет его женой.

— Позвольте мне уехать с вами. Я бы отправилась со Стивенсом, и вчетвером мы могли бы уехать туда, где никто не знает, что со мной приключилось. Лиа, пожалуйста: у меня нет права о чем-либо просить вас, я знаю это, но из-за вас...

Риган поднялась, прервав речь Ким.

— Думаю, вы слишком многого хотите от Лии, и вряд ли она должна...

— Прошу вас, Лиа, — продолжала Ким. — Может быть, в Кентукки я найду себе мужа. Здесь все смеются надо мной. Честное слово, это так унижительно, так мерзко, а ведь вам уже принадлежит Уэсли, единственный мужчина, которого я любила и...

— Да, — решительно сказала Лиа. — Конечно, вы сможете поехать с нами.

— Лиа, пожалуй, нам нужно это обсудить, — вмешалась Риган.

— Нет. — Лиа посмотрела на Ким. — На вас по моей вине обрушилась беда, и я сделаю все возможное, чтобы вы хотя бы что-то получили взамен утраченного.

— Это не твоя вина, Лиа, — начала Риган, но Лиа взглянула на нее так, как прежде никогда не смотрела.

— Вы разольете чай? — спросила она, обращаясь к Риган; та села и принялась выполнять ее просьбу.

Глава 5

Лиа наложила последние швы по краю покрывала, украшенного цепочкой бело-синего ирландского узора, и разгладила его на коленях. Когда Дженни засмеялась, она подняла глаза.

— Мне это только кажется, или у тебя действительно дрожат руки?

Лиа улыбнулась в ответ.

— Кажется, немного дрожат. — Она на секунду замолчала. — Это звонит колокол? Дженни громко рассмеялась.

— Боюсь, что нет.

— Они не забудут позвонить, ведь правда? Я хочу сказать, когда Уэсли приедет, они не забудут сказать мне об этом?

— Лиа, — ответила Дженни и положила руку ей на плечо. Тревис и Риган тоже ждут его. Как только Уэсли появится, они позвонят в колокол.

И тут на пристани громко и радостно зазвонил колокол. Лиа не шелохнулась, но от лица ее отхлынула кровь.

— И не смотри так испуганно. — Дженни засмеялась. — А теперь идем встречать его.

Лиа медленно поднялась со стула и с сомнением оглядела свое оттенявшее рыжеватые волосы платье из шелковой саржи темного красно-коричневого цвета, с высокой талией, которую опоясывали черные шелковые ленты. В высоко зачесанные волосы были вплетены такие же ленты.

— Какая ты красивая, — произнесла Дженни, и в это время в комнату вбежала Риган.

— Ты что, собираешься сидеть здесь целый день? спросила она. — Ты не хочешь его видеть?

— Да! — воскликнула Лиа. — Конечно же! И все трое выбежали из ткацкой мастерской. Две недели назад Уэсли сообщил Тревису, что вместе со Стивеном возвращается примерно второго апреля; сегодня же был третий день месяца. Тревис послал одного из работников вверх по реке для встречи путешественников. Было условлено, что при их появлении зазвонит большой колокол на пристани, чтобы все могли прийти и встретить их.

На бегу Лиа коснулась золотой монеты, прикрепленной к ткани внутри кармана; эту монету давным-давно дал ей Уэсли. Обрадуется ли он тому, как она изменилась? Приближаясь к причалу, она заметила, как Тревис с кем-то разговаривает, и замедлила шаги. «Я стану тебе, мой Уэсли, самой лучшей в мире женой, — поклялась она. — Ты никогда не пожалеешь, что потерял свою Кимберли».

Лиа стояла за спинами собравшихся, которые, толкаясь, спешили поздороваться с вернувшимися путниками, но когда толпа расступилась, Лиа наконец увидела его. Он стал еще крупнее, чем был до отъезда, и казался таким же высоким, как Тревис. Его широкие плечи покрывал необычный костюм из светлой кожи с бахромой на плечах и по швам брюк. Плечи Уэсли крест-накрест опоясывали лямки двух мешков, один из которых был украшен сложной вышивкой из мелкого бисера. На нем была широкополая шляпа: по ее виду можно было подумать, будто она путешествовала в Кентукки и обратно, привязанной к колесу фургона.

Лиа посмотрела на Уэса, и сердце ее забилось еще сильнее, а горло перехватила судорога. Сколько лет она ждала этой минуты!

— Вот она, — объявил Тревис, хлопнув брата по плечу. При этих словах, как заметила Лиа, выражение радости на лице Уэсли исчезло, сменившись безразличием, и ее охватило сомнение.

Риган подошла и взяла Лию за руку.

— Идем, он даже не узнает тебя.

В смущении Лиа робко подошла к мужу.

— Она изменилась, видишь, — гордо проговорил Тревис. — Когда ее привели в порядок, она оказалась такой красивой, что я чуть не упал.

Зардевшись, но польщенная, Лиа взглянула на Уэсли из-под ресниц. Он смотрел поверх ее головы в сторону полей.

— Расскажите, каким был прошлогодний урожай, — тем временем говорил Уэс. — Кстати, мне нужно будет захватить отсюда семена. А! — Он улыбнулся. — Это ты, Дженнифер? — позвал он бежавшую к дяде пятилетнюю дочь Тревиса и Риган. — Извините, — сказал он и сквозь толпу направился к девочке.

Встречавшие в растерянности молчали. Сочувственно поглядывая на Лию, толпа начала расходиться.

Пораженная тем, что Уэс не поздоровался с ней, Лиа смотрела, как ее муж направился к дому вместе с Дженнифер.

— Вот негодяй! — начал было Тревис, но Риган положила руку ему на плечо и покачала головой. — Поговорю-ка я с ним, — закончил Тревис и ушел, оставив Лию и Риган одних.

— Лиа... — обратилась к ней Риган.

— Оставьте меня, — резко ответила Лиа. — Не нужно мне сочувствовать. Я, глупая, верила, что между нами что-то возможно. Я же — всего лишь бедная девушка, живущая на болоте, моя сестра — гулящая. Так с чего бы это ему смотреть на меня?

— Довольно! — крикнула Риган. — Уэсли не такой. Может быть, увидев, как ты красива, он растерялся. В конце концов, он еще ни разу не видел тебя такой, какой ты стала.

Лиа с тоской посмотрела на нее.

— Я не настолько глупа.

— Пойдем в дом, — позвала ее Риган. — Тревис выяснит у него, в чем дело. — Она взяла Лию за руку. — Прощу тебя.

Лиа позволила Риган увлечь себя и, пока они шли, все работники с плантации сочувственно провожали ее взглядом, но девушка шла, гордо подняв голову.

Не успели они войти в дом, как услышали крики, и, поняв, что происходит, замерли.

— Ты думаешь, я перестану ненавидеть ее только потому, что она отмылась? — кричал Уэсли. — Я ненавижу ее с той самой минуты, как женился на ней, когда из-за нее я потерял любимую женщину. Всю зиму я изо дня в день работал допоздна, хотел тяжелым трудом избавиться от ненависти к ней, но это мне не удалось. Я даже спать в доме не буду, раз эта дрянь живет здесь. Она погубила мою жизнь, а ты теперь хочешь, чтобы я запрыгал от радости только потому, что она умылась?

Риган не дала Лие слушать дальше; раздался шум борьбы — судя по всему, братья подрались. Она подтолкнула Лию вверх по лестнице в комнату, которую та должна была делить с мужем. Риган прислонилась к двери. От унижения и обиды она оцепенела.

Но Лиа взяла себя в руки и подошла к шкафу, где вместе с костюмами Уэсли висели ее новые платья.

— Все я не возьму, но немного одежды мне понадобится. Может, оставшееся вы продадите, и эти деньги хоть немного возместят вам расходы на меня.

Смысл слов Лии не сразу дошел до Риган.

— О чем ты говоришь?

Лиа сложила два платья — она вся дрожала.

— Я возвращаюсь на ферму. Раньше я одна тащила на себе все хозяйство, так что сейчас вполне могу заработать себе на жизнь. Ведь у меня есть ткацкий станок, подаренный Клеем. Я могла бы продавать то, что сотку.

— Ты собираешься сбежать? — воскликнула Риган. Лиа повернулась; на ее лице отразилась ярость.

— Вы все считаете меня ничтожеством только потому, что я выросла в убогой обстановке, вы считаете, что я ничего не стою. Но у меня есть гордость, и я не останусь в доме, где меня ненавидят.

— Да как ты смеешь! — процедила Риган сквозь зубы. — До сих пор все относились к тебе с уважением, а теперь ты смеешь утверждать, будто этого не было!

Они стояли вплотную друг к другу.

— Простите меня, — едва слышно, прошептала она. — Я виновата.

— Лиа, — негромко позвала Риган. — Не делай того, о чем потом пожалеешь. Жаль, что ты услышала Уэса, но я уверена — что-то можно сделать.

— Что, например? — Лиа резко повернулась к ней. — Должна ли я жить с ним в одном доме? Отец всегда меня ненавидел, но он ненавидел всех вокруг. В его ненависти не было ничего личного. А теперь мой... мой муж ненавидит меня, и только меня. Я никогда ему себя не навязывала. Лучше бы отец убил меня, лишь бы мы не оказались сейчас в этом положении.

Она опять подошла к шкафу и достала соломенную шляпку.

— Лиа, ты не можешь вернуться на ферму. Там только пастбище для комаров, а Тревис говорит, что прошлой зимой в доме провалилась крыша. Ты не можешь...

— И что же тогда остается делать? Только не говорите, что я должна остаться здесь, у вас. Я никогда не пользовалась благотворительностью, и сейчас этого не будет., — Черт бы побрал этого Уэсли! — рассердилась Риган. — Я думала, что за год он наберется ума. Если бы он только взгляделся внимательнее, то понял бы, что Кимберли... — Она замолчала и посмотрела на Лию широко раскрытыми глазами. — Если ты вернешься на ферму, а Уэс уедет в Кентукки со Стивеном и Кимберли, что же люди скажут?

Лиа с отчаянием вздохнула:

— Люди моего круга никогда не позволяли себе роскошь задумываться над тем, что скажут другие. Когда собственный отец тащит тебя, беременную, в церковь, приставив к голове пистолет, вряд ли в твоей жизни может случиться что-либо хуже этого. Люди просто скажут, что я еще одна шлюха из семьи Симмонс и что они всегда об этом догадывались.

— Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы в лавке или в церкви люди начинали шептаться о тебе?

— Как у одной из Симмонс, у меня никогда не было выбора.

— Ты не Симмонс, ты — Стэнфорд. Ты забыла?

— Не надо об этом беспокоиться. Либо я разведусь с Уэсли, либо мы аннулируем брак, либо он поступит, как ему будет угодно. Ребенка у нас нет, так что он ничем мне не обязан.

— Лиа, — настаивала Риган, взяв ее за руку. — Сядь, давай поговорим. Нельзя же убежать при каждой передрыге. Однажды я вздумала убежать от сложностей, возникших в моей жизни, вместо того, чтобы остаться и разрешить их. Я сама причинила себе много горя, а можно было бы обойтись без этого. Подумай о себе, и не надо жертвовать собой ради одного глупца.

Впервые Лиа поняла, что Риган возмущена поведением Уэсли.

— Да, именно так, я на него сердита, — ответила Риган на немой вопрос. — Уэсли не понимает, от чего он был избавлен. Я-то давно уже знала, что такое его драгоценная Кимберли, и верила, что ты не такая, как она. Ты прожила с нами почти год, и все мы, включая Клея и Николь, полюбили тебя. И черт побери Уэсли! Я так на него сердита — теперь мне кажется, он действительно заслуживает такую, как Кимберли.

Внезапно Риган осеклась.

— Вот оно! Вот оно! — Она поднялась и сделала несколько шагов. — Я знаю, как все уладить. Мы... Мы... — Она рассмеялась. — Мы дадим Уэсу то, что, как он считает, ему нужно, — Кимберли.

— Ну и ладно, — устало откликнулась Лиа, собирая свои платья. — Надеюсь, вдвоем они будут очень счастливы. Теперь, если вы позволите, я уйду.

— Нет, Лиа, — ответила Риган. — Теперь послушай...

В тот вечер Лиа оделась к ужину особенно тщательно — в подходившее к ее глазам платье темно-зеленого цвета, с глубоким вырезом. Несмотря на все ее усилия на протяжении ужина, во время которого царил напряженная атмосфера, никто, кажется, не обратил на нее внимание. На подбородке Уэсли красовалась ссадина, а Тревис иногда потряхивал левой рукой, как будто она болела. Риган не сказала ничего, за исключением нескольких замечаний о сломанной мебели. Мужчины ели молча, женщины тоже хранили молчание и едва прикасались к блюдам.

Когда терпение Лии иссякло, она поднялась из-за стола.

— Мне нужно поговорить с тобой — в библиотеке, — произнесла она, обращаясь к затылку Уэсли, и когда он холодно взглянул на нее, в ответ одарила его столь же холодным взглядом.

Он ничего не ответил, но когда Лиа повернулась к выходу, то услышала, что он идет за ней.

Войдя в библиотеку, она мысленно взмолилась, чтобы ей удалось найти нужные слова. Риган замыслила хороший план, который позволил бы спасти гордость Лии, но пока еще он не вызывал у нее доверия. Ей совсем не нужен тот, кто столь очевидно ненавидит ее.

— Хочу сделать вам одно предложение, мистер Стэнфорд, — начала она.

— Да ладно, зови меня Уэсли. Ты же добила этого права, — презрительно произнес он.

Стоя к нему спиной, Лиа сжала руки в кулаки и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, потом повернулась к нему.

— Мне хотелось бы побыстрее с этим закончить, поскольку мне, как и тебе, наше общение не доставляет удовольствия.

— Должно быть, это так, — хмыкнул он. — Не сомневаюсь, что ты скорее добивалась права жить в этом доме и носить это платье, чем жить с человеком, который сломал твою жизнь.

— До сих пор не могу понять, почему я провела с тобой ту ночь. Но случилось так, что мы теперь супружеская пара, и я бы хотела что-то сделать с этим.

— А, ты вымогаешь, — удовлетворенно заключил он.

— Возможно, — ответила она как можно спокойнее. — Я придумала один план. — И чтобы он не успел ее оборвать, Лиа продолжала:

— По-моему, я знаю, как нам получить то, что каждый из нас хочет. Тебе нужна Кимберли, а я хочу жить в достойном месте.

— Плантация Стэнфордов тебе не годится? Она не обратила внимания на его слова.

— Я жалею, что мы с тобой женаты, жалею, что мой отец принудил нас к браку. Я даже виновата в том, что... в ту ночь отдалась тебе, но теперь изменить ничего не могу. Если бы сейчас я позволила тебе объявить наш брак недействительным, мне все равно пришлось бы жить здесь, в Виргинии, и терпеть все эти пересуды о происшедшем. Но у меня есть другое предложение.

Она вдохнула всей грудью..

— Несколько недель назад твоя Кимберли приехала сюда и попросила согласия на то, чтобы уехать с нами в Кентукки, надеясь, что избавится от разговоров про то, как ее отшвырнули, и в новом штате, может быть, найдет себе мужа.

Лиа не испытала удовольствия, заметив, как Уэсли нахмурился при мысли о том, что кто-то другой женится на той, кого он любит.

— Похоже, что теперь наши роли переменялись, продолжала Лиа. — Я слышала твои слова о том, как ты ненавидишь меня и не сможешь спать под одной крышей со мной, в доме, где я, возможно, буду когда-либо жить. Веришь ты моим словам или нет, но у меня хватит гордости не навязываться человеку, который меня презирает. Так вот. Я предлагаю тебе следующее: мы вчетвером уедем из Виргинии, но как только мы расстанемся с людьми, которым все известно, я больше не буду называться твоей женой. Наш брак — всего лишь фикция. Я буду твоей

двоюродной сестрой, это, пожалуй, подойдет. Или же я назовусь двоюродной сестрой мисс Шоу, если тебе так противно быть моим родственником. Кимберли будет считаться твоей невестой, и когда мы приедем в Кентукки, то расторгнем брак или совершим какой-либо другой акт, освобождающий нас обоих.

— И сколько я должен тебе заплатить за столь щедрое предложение?

Она бросила на него презрительный взгляд.

— По пути в Кентукки я буду работать, чтобы оплатить расходы на дорогу, на свое содержание, а в Кентукки открою собственную ткацкую мастерскую и начну зарабатывать деньги. Риган дала мне кое-какие средства, и мы договорились о том, каким способом я верну ей деньги. Как только мы окажемся на новом месте, у тебя не будет передо мной никаких обязательств.

Не веря собственным ушам, он воззрился на нее.

— Ты хочешь избавить меня от брака, которого так упорно добивалась?

Лианна пришла в бешенство:

— Я никогда не добивалась брака! Я не обратилась к тебе, узнав, что ношу твоего ребенка. Я пыталась скрывать это, но когда отец узнал правду, он избил меня до потери сознания. В церкви я едва ли сознавала, что происходит. Если бы ты не был таким «благородным», а проявил терпение, я бы воспротивилась бракосочетанию. Теперь же я пытаюсь найти выход из нынешнего положения. Если тебе противна мысль о том, что я уеду в Кентукки с тобой, только скажи, и я вернусь на землю своего отца. Поразмыслив, я, честно говоря, думаю, что в любом случае должна это сделать, потому что не уверена, что совместная поездка доставит мне удовольствие. А теперь прости — мне нужно посоветоваться с Тревисом о юридических вопросах, связанных с прекращением брака.

Выйдя, она закрыла дверь и на секунду прислонилась к ней. В жизни ей никогда еще не было так досадно, даже оскорбления отца не были так тягостны для нее, как этот разговор. Видимо, объяснялось это тем, что пришел конец ее мечте. Сначала план Риган показался ей разумным; Лианна действительно хотела зарабатывать себе на жизнь с помощью ткацкого станка и оказаться подальше от тех, кто всегда будет называть ее «одна из этих Симмонс», но мечта эта была неосуществима. Она провела рукой по своему бархатному платью. На ферме бархатные платья ей не понадобятся. Расправив плечи, она отправилась искать Тревиса.

Какое-то время ошарашенный Уэсли сидел неподвижно, затем с силой бросил шляпу в закрытую дверь. Он не мог понять, что больше задело его — то, что девушка услышала его слова, или то, что она восприняла происходившее с таким достоинством. Она сохраняла спокойствие, хотя, может быть, и гневалась; но, несомненно, вела себя не так, как это свойственно женщинам.

— Проклятие! — выругался он и подобрал шляпу с пола. Меньше всего в жизни он хотел, чтобы женщина поучала его, что и как делать. Всю жизнь он прожил, подчиняясь Тревису. Даже пока их родители были живы, Тревис командовал своим младшим братом. Когда Уэс был совсем маленьким, рядом постоянно находился Тревис и, покрикивая, отдавал распоряжения и приказания. Уэсу представлялось, что Тревис всегда был взрослым, никогда не был ребенком, никогда не испытывал детских сомнений — в отличие от простых смертных.

Тревис в жизни ни в ком не нуждался. К четырнадцати годам он управлял большей частью дел на плантации. Тревис не прочитал ни одной книги и избегал занятий, имевших целью только

развлечение. С рождения он знал, что плантация Стэнфордов будет принадлежать ему, и без зазрения совести обращался со всеми, включая собственных родителей, как со своими служащими.

Когда Тревис познакомился со своей женой, он обходился с ней так, будто она была одним из его работников, и поэтому она бежала из дома. Вдали от Тревиса она стала самостоятельной, а оставаясь в тени властного характера Тревиса добиться этого не смогла бы.

Уэсли всегда работал на Тревиса, но, чтобы хоть изредка ускользнуть из-под его влияния, странствовал по всему свету. В Париже пил шампанское из тувельки одной красавицы, в Англии спал с герцогиней, а в Италии чуть не увлекся темноволосой певицей.

В конце концов осознал, что заблуждается. Он фермер и вдали от земли никогда не будет счастлив. Но сразу по возвращении Уэса домой, спустя пять минут после его приезда, Тревис опять начал отдавать ему распоряжения. И вот тогда Уэс решил уехать навсегда. По слухам, в новом штате Кентукки была богатая плодородная земля, и он отправился туда, чтобы осмотреться на месте. Ему понравились и сам штат, и жившие в нем люди, понимавшие, что жизнь идет вперед, меняется. Он купил несколько сот акров земли рядом с городком Суитбрайар, привел в порядок дом, построенный много лет назад, и в последний раз вернулся в Виргинию.

По возвращении жизнь его навсегда изменилась: он встретил мисс Кимберли Шоу. Впервые Уэс почувствовал, что перед ним настоящая женщина, гордая тем, что она леди. Кимберли не умела разбираться в счетах, даже толком не умела ездить верхом. Ким умела шить, давить масло из цветочных лепестков, знала, какой краской покрасить дом, а самое главное, как держать себя с мужчинами так, чтобы они действительно чувствовали себя мужчинами.

Уэсли стал мечтать о том, как после работы в поле будет возвращаться в красивый домик, который Кимберли украсит для него, как будет класть голову ей на колени, чтобы она снимала накопившееся за день напряжение. Конечно, в течение дня у нее будет немало трудностей по хозяйству, и Уэсли будет помогать ей справляться с ними. Кимберли нуждалась в нем. Впервые в жизни Уэсли ощущал, что нужен кому-то, что он не просто опора, которая стодится для дела так же, как любая другая. Под взглядом Ким Уэс чувствовал свое могущество.

Многие предупреждали его, что Ким беспомощна, но люди не могли понять, что именно этого он и хотел. Зачем ему нужна такая же самостоятельная, как Тревис, женщина, которая могла легко управляться с плантацией и успевать заниматься воспитанием детей? Кимберли обладала мягким, ласковым, уступчивым характером, она нуждалась в покровительстве.

А теперь он ее потерял! Прошлой зимой, упорно работая на своей новой ферме, Уэсли так жалел о том, что поспешно женился на этой Симмонс. Ему было известно, что она осталась на отцовской ферме, хотя могла уйти оттуда навсегда. Однако она осталась с младшими братьями и сестрами и выполняла работу за двоих.

Ким казалась Уэсу кладезем всех добродетелей. Если завтра он умрет и оставит ей ферму в Кентукки, она, конечно же, сумеет и без него управляться с ней, а может быть, и лучше, чем он сам. Но никто из тех, кто «для его же собственного блага» внушал Уэсли, что Ким — беспомощный мотылек, не понимал, что именно такой она ему и мила.

Сняв шляпу в руке, он взялся за дверную ручку. Как бы то ни было, эта Лиа была его женой, и он имел перед ней обязательства. Может быть, она и бросилась ему в объятия, может быть, и хотела выудить у него деньги, но коль скоро он по собственной глупости попался на ее уловки,

то и заслужил то, что получилось.

«Боже, защити меня от искушенных женщин», взмолился он и отправился на поиски Лии.

Глава 6

Расставшись с Уэсом, Лиа почувствовала озноб. Сначала она подумала, что причиной тому гнев, но вскоре поняла, что причина в страхе. Весь последний год она пыталась не думать о том, что будет, когда Уэсли вернется. Она сохраняла надежду, что он обнимет ее, полюбит, а вместо этого оттолкнул у всех на глазах.

Гнев был привычным для нее чувством. Гнев питал ее, когда она работала на отцовской ферме. Гнев не позволял ей сдаться и рухнуть на землю от побоев. Отец лишил ее всего, кроме гнева и гордости, а из-за Уэсли оба эти качества ярко проявились.

Но теперь, дав выход гневу, она испугалась. Ей не хотелось оказаться одной на ферме. Целый год она прожила в семьях, где царила любовь, и надеялась создать собственную семью. Если она вернется на болото, то, конечно, останется там до конца жизни. Может быть, со своим ткацким станком...

— Лиа!

Голос Уэсли прервал ее мысли. Она сразу же гордо выпрямилась. Она не могла вспомнить, сколько времени провела здесь, сетуя на свою судьбу.

— Да? — ровным голосом ответила она и подготовилась к очередному нападению Уэса. Она так давно мечтала об этом мужчине и надеялась, что, когда добьется его, все ее беды исчезнут. Однако же сейчас они только начинались.

— Я хотел попросить прощения, — заговорил он, глядя на нее. «Она красива, держится с достоинством», — подумал он. Необычный изгиб бровей придавал ей уверенный и решительный вид.

— Я пока не успел обдумать твой план, но похоже, из него что-то выйдет. Вряд ли ты захочешь остаться в Виргинии, да и я тоже не хочу. К тому же у меня есть перед тобой обязательства.

— Нет, — спокойно ответила Лиа, и глаза ее потемнели. — У тебя нет передо мной никаких обязательств. Я всегда сама распоряжалась собственной жизнью, и так будет и дальше. Брак наш будет расторгнут, и ты от меня избавишься.

Край губы Уэсли дернулся, но это вовсе не означало, что он улыбается.

— Я уверен, что ты способна заботиться о целой толпе, но мне хотелось бы знать, что ты предпочтешь: работать на своем болоте или уехать в Кентукки и... Чем бы ты хотела заняться?

— Ткать.

В мозгу Лии молнией промелькнула мысль о том, что же такого она увидела в этом властном человеке, чтобы решить, будто любит его? Он согласился на подобный выход из положения только потому что знал: иного выхода и быть не может. Как ей хотелось швырнуть ему это предложение в лицо! Но ради того, чтобы сохранить остатки гордости, она не будет совершать неразумные поступки.

— Я хотела бы уехать в Кентукки, — сердито бросила она. — Но пусть все знают, что я — Симмонс и не принадлежу к вашему кругу. А за дорогу заплачу сама. Я никогда не буду тебе в тягость.

— Речь и не шла о том, что ты будешь мне в тягость. Не сомневаюсь, что ты можешь справиться с любым делом, — с оттенком презрения ответил он.

Уэс хотел сказать и многое другое, но повернулся, услышав за спиной свое имя, произнесенное шепотом. Он увидел Кимберли: ее хрупкое тело облегал светло-розовый шелк, а в больших глазах стояли слезы.

Уэс не успел сделать и шага, как Ким прижала тыльную сторону ладони к губам и тут же стала медленно опускаться на пол, при этом ее ресницы изящно подрагивали.

Уэсли подхватил ее на руки. Вокруг него в воздухе плавал розовый шелк. Он поднял ее и озабоченно взглянул ей в лицо.

— Воды! — бросил он стоявшей неподвижно Лие. — И бренди! — добавил он, когда Лиа направилась к двери. — Любимая, — прошептал Уэсли и сел на длинную скамью у стены, продолжая держать Ким на руках.

Лиа еще никогда не видела, чтобы теряли сознание, и решила, что Кимберли умирает. Подобрав юбки, она бросилась на кухню.

— Лиа, — позвала ее Риган и поспешила вслед за ней. — В чем дело? Неужели Уэсли?..

— Бренди и воды, — попросила Лиа у старшего повара. — И побыстрее.

Подхватив переданный ей поднос, она повернулась к Риган.

— Мисс Шоу только что упала на пол. Боюсь, она умирает. — С этими словами она вернулась назад.

— Кимберли постоянно теряет сознание, — отозвалась Риган. И не давай ей много бренди, она чересчур его любит.

— Постоянно? — не веря своим ушам, переспросила Лиа. — Она, должно быть, больна.

Когда она вбежала в гостиную, Ким лежала на скамье, а Уэсли, стоя рядом с ней на коленях, держал ее за руку и целовал пальцы.

— Мой дорогой Уэсли, я такая обуза для тебя, прошептала она. — Ты такой милый, что терпишь меня, особенно теперь, когда мы никогда... я никогда не смогу...

— Тише, любовь моя, — прошептал Уэсли в ответ. — Ты увидишь, все будет хорошо. — Он повернулся, увидел Лию, и тон его изменился:

— Долго же ты ходила. Возьми, дорогая, — продолжал он, приподнял Ким и поднес к ее губам бокал с бренди.

Кимберли выпила его залпом.

— Не так быстро! Ты захлебнешься, — предупредил ее Уэс.

— Боже мой! Я так расстроена, что даже не сознаю, что делаю. А что ты говорил? Что все будет хорошо?

Она подняла глаза на Лию, которая молча созерцала эту сцену. Уэс ласково убрал прядь волос с лица Кимберли.

— Мы вчетвером: я, Стивен, ты и... Лиа уедем в Кентукки, а когда доберемся до места, мой нынешний брак будет расторгнут, и тогда мы сможем пожениться.

Ким ответила не сразу:

— А как мы поедем?

— Лиа будет считаться моей двоюродной сестрой, а ты — моей невестой.

Ким опять бросила взгляд на Лию.

— А нельзя ли расторгнуть брак еще здесь, в Виргинии?

Уэсли слегка нахмурился.

— Думаю, это можно было бы сделать, но по закону Лиа моя жена, и я несу за нее ответственность. Если она останется здесь, сплетни сведут ее в могилу.

— Разумеется, Уэсли, мой дорогой, — слабым голосом произнесла Ким, и ресницы ее дрогнули. — Ты меня простишь когда-нибудь за то, что я такая бесчувственная? О да! Мне вдруг стало так холодно. Прошу, принеси мне шаль. Мне так жаль, что я тебя беспокою.

— Ты никогда меня не беспокоишь, — ответил Уэс и вышел. Услышав на лестнице его удаляющиеся шаги, Ким открыла глаза, села и посмотрела на Лию.

— Это правда? Вы в самом деле готовы отказаться от Уэсли?

— Как вы себя чувствуете? — спросила Лиа, еще не придя в себя от зрелища потерявшей сознания Ким.

— О, великолепно. Но я хотела бы выпить еще бренди, мне от него стало так хорошо. Я постоянно чувствую, что бренди — награда мне за ту радость, которую я доставляю Уэсли. Он так любит, когда я падаю в обморок. Я знала, Лиа, что вы — добрая душа. Я поняла это, когда вы согласились взять меня с собой в Кентукки. Я уже слышала, как вы управлялись со своей ужасной фермой, и думаю, что в дороге вы будете полезны. Я не умею готовить еду и носить тяжелые вещи. И лошадей я боюсь. Конечно, будет так мило иметь вас под рукой, и мы с вами подружимся. Ой, ой, это идет Уэс.

Она поспешно поставила пустой стакан на поднос, бросилась на скамейку и вновь приняла беспомощный вид.

— Возьми, дорогая, — ласково произнес Уэс, набрасывая ей на плечи шаль.

Лиа отошла и с удивлением созерцала, как Ким позволяет Уэсу обращаться с собой, как с беспомощной калеккой. Они не заметили, как Лиа ушла и унесла поднос на кухню. Она не знала, смеяться ли ей или плакать. Вспомнив слова Ким: «Уэсли так любит, когда я падаю в обморок», она едва не рассмеялась, но ей стало противно при мысли о том, что женщина способна разыгрывать комедию, чтобы привлечь внимание мужчины, и Лиа поклялась себе,

что никогда не потеряет сознание, как бы это ни нравилось мужчинам.

В течение последующих нескольких дней Лие удавалось избегать Уэсли, хотя время от времени она видела его мельком за окном или в доме. Каждое утро она тщательно одевалась, сознавая, что хочет обратить на себя его внимание. Вечером того дня, когда он вернулся на плантацию, она надела свою самую лучшую ночную рубашку (на всякий случай), но муж не пришел к ней. Встретив ее, он держался достаточно учтиво, но и только. По мере того, как Лиа занималась сборами к предстоящему путешествию, оскорбленная гордость все больше преобладала над другими чувствами. Она отказывалась признать, что ей больно из-за того, что Уэсли пренебрегает ею.

Когда в день отъезда рассвело, на небе не было ни облачка. Фургон был доверху нагружен вещами, и сверху Тревис привязал кусок брезента. Уэсли уже сидел на месте кучера, держа в руках вожжи. Сзади была привязана клетка с курами, а за фургоном шла на веревке молочная корова.

— Мы будем скучать по тебе, — сказала Риган, обнимая Лию. — Передавай Уэсли то, что хочешь сообщить нам, и он это напишет, но не прекращай связь с нами. — Она наклонилась и прошептала:

— Осенью у меня будет ребенок.

— Поздравляю! — Лиа засмеялась и еще раз обняла ее. — Надеюсь, у вас будет мальчик, похожий на Тревиса. До свидания, Дженнифер, — крикнула она, опять обняла Тревиса, а затем ее посадили, и она заняла место на сиденье рядом с Уэсли.

Лиа повернулась и стала махать рукой, а Уэсли прикрикнул на лошадей, и путешествие началось.

Оставшись наедине с Уэсли, Лиа почувствовала себя скованно. Она стала разглядывать ногти, но быстро прекратила это занятие и спрятала руки под себя.

— Мы встретимся с Шоу возле их дома? — поинтересовалась она, но Уэсли в ответ только кивнул, и она прекратила расспросы.

Они проехали мимо таверны, в которой работала Бесс, и Лие захотелось остановиться и попрощаться с сестрой, но, видя напряженный профиль Уэса, она решила ни о чем его не просить. Она выпрямилась и стала смотреть перед собой.

Солнце только встало, когда они приехали на плантацию, где жили Стивен и Кимберли. По сравнению с хозяйством Клея плантация была маленькой, и видно было, что некоторые из строений требуют ремонта. Но внимание Лии привлекло то, в каком хаосе находились вещи, разложенные вокруг фургона, который был нагружен только наполовину. Громко звучали голоса, горками лежали коробки, кричали домашние животные. Ким бросилась к Уэсу.

— Уэсли, дорогой мой, — обратилась она к нему. — Ты должен нам помочь. Стивен отказывается брать все мои платья и все прелестные вещицы, которые нужны для нашего дома. Умоляю тебя, поговори с ним.

Уэсли спрыгнул на землю, быстро и ласково погладил ее по щеке и направился к фургону. Лие пришлось самой спуститься на землю. Подойдя к фургону Шоу, она сразу поняла, в чем дело, но, обойдя гору беспорядочно наваленных вещей, не поверила собственным глазам. Ни один из

свертков или ящиков не был уложен как должно. Маленькая хрупкая шляпная коробка была раздавлена двумя мешками семян по пятьдесят фунтов каждый. Отделанный железными полосками сундук громоздился на подлокотниках позолоченного кресла.

— Ты же видишь, что места больше нет, — донесся из-за вещей мужской голос.

Лиа присела и из-под подлокотников впервые разглядела Стивена Шоу. Он был так же красив, как и Кимберли: светловолосый, голубоглазый, с ямочкой на подбородке — безупречный.

— Уэсли, дорогой, — продолжала твердить Ким. — Я не могу обойтись без этих вещей. Ты же не хочешь, чтобы я была несчастна?

«Избави Бог от подобной беды», — подумала Лиа и принялась развязывать веревки, державшие сложенные в фургоне вещи. Если скарб переложить, начиная снизу, может быть, все загрузить и удастся.

Когда Уэсли подошел к развязывавшей веревки Лие, он бросил на нее удивленный, но одновременно и пренебрежительный взгляд, потом отвел глаза.

— Ты могла бы залезть наверх и передать мне сундучок?

— Могу, конечно, — ответила Лиа, едва удержавшись от смеха. Может, до него дошло, что его драгоценная Кимберли всего лишь красивая безделушка.

— Почему-то я был уверен, что ты сможешь это сделать, — вполголоса произнес Уэсли, и что-то в его тоне удивило Лию.

Лиа и Уэсли вместе работали споро и успели разгрузить, а потом заново уложить вещи в фургон, пока Стивен и Ким ссорились. Ким всплакнула над испорченной шляпкой, а Стивен жаловался на то, что Ким ему не помогает.

Несколько раз Лиа ловила на себе взгляд Стивена, но, когда она смотрела на него, он отводил глаза.

Когда они закончили работу, Лиа посмотрела на Уэсли, ожидая хотя бы нескольких слов благодарности, но он только промычал, завязывая последнюю веревку:

— Ты можешь ехать со Стивеном. Пораженная, Лиа посмотрела ему вслед.

— С радостью, — бросила она ему в спину и подавила желание запустить ему в голову камнем. Пожалуй, стоит поджечь бахрому на его куртке из оленьей кожи.

Ее руки коснулись чьи-то пальцы, и, подняв голову, она встретилась с голубыми глазами Стивена Шоу, в которых мелькнуло что-то недоброе.

— Приглашаю вас, — он кивнул в сторону фургона. Лиа сразу почувствовала к нему недоверие. Когда она была еще девочкой, старшие братья приводили домой каких-то мужчин, и изредка она замечала в их глазах то же выражение, что и во взгляде Стивена. «Но, возможно, я ошибаюсь», решила девушка.

Уэсли и Ким первыми выехали на дорогу. Никто не вышел из дома попрощаться с ними, и внезапно Лиа почувствовала себя совсем одинокой, среди чужих. И уезжала она в чужие края.

— Вы будете скучать по друзьям? — спросила она у Стивена, но вместо ответа он искоса бросил

на нее такой взгляд, что она умолкла.

Много часов они ехали на запад, но Лиа больше ни разу не попыталась заговорить со Стивеном. Они остановились, чтобы съесть приготовленные Риган сэндвичи; Уэсли стоял, возвышаясь над Ким, которая обмахивала себя веером, украшенным блестками, и расстегнула верхние пуговицы своего платья из бледно-голубого шелка. Уэсли оценил эту картину, и Ким скромно потупила глаза.

— Этот Уэсли — любитель женщин, — заявил Стивен, обращаясь к Лие. — Но только вас обеих ему не заполучить. — Он окинул ее оценивающим взглядом с ног до головы.

Нахмурившись, она отошла.

Пополудни, когда вдали появились дома, они увидели, что к ним скачут четыре всадника. Уэсли дал знак, и Стивен остановил лошадей.

— Пусть Лиа придет сюда! — рявкнул Уэсли, повернувшись назад.

Лиа замерла. Она не собиралась повиноваться тому, кто целый день пренебрегал ею, однако в случае необходимости считал возможным отдавать ей распоряжения.

Стивен посмотрел ей в лицо и, лукаво улыбнувшись, крикнул в ответ:

— Ты ей не нужен, Стэнфорд. Пусть она останется со мной.

Рассыпая проклятия, Уэсли спрыгнул на землю.

— Они собираются приветствовать новобранцев, недовольно объявил он, подняв голову и глядя на Лию. — Если не хочешь, чтобы в Виргинии повсюду узнали про нас, иди-ка в фургон со мной.

— А какое мне дело до Виргинии? Это твое имя надо спасать.

— Будь ты проклята! — крикнул Уэсли, схватил ее за руку и потянул к себе.

Лиа не ожидала от него таких резких жестов и не предполагала, что он настолько силен. Задохнувшись, она взлетела в воздух и оказалась в объятиях Уэсли как раз в тот момент, когда к ним подскакали всадники.

— Что, Уэс, не можешь выпустить ее из рук? спросил один из них, хохоча.

— Стоит только посмотреть на вас, мэм, и понятно, почему Уэс утащил вас сразу, как вышел из церкви.

— Опустите меня! — прошептала Лиа Уэсу, который держал ее так, будто она была невесома.

— Мы подготовили маленькое торжество на прощание, и вы почетные гости. Будем рады, если вы хотя бы ненадолго окажете нам честь.

Один из мужчин смотрел на Лию во все глаза.

— Кто бы мог подумать, что одна из Симмонс, если ее отмыть, будет такой?

Другой сердито посмотрел на него.

— Не обижайтесь на него, мэм. Верн никогда не умел быть обходительным. В гостинице все уже готово. Бесс Симмонс тоже там.

— Конечно, мы придем, — ответил Уэсли.

— Тогда до встречи! — И с этими словами всадники ускакали.

— Теперь-то ты опустишь меня на землю? — спросила Лиа. Продолжая держать жену на руках, Уэсли повернул к ней голову и, пожалуй, впервые посмотрел на нее, но очень быстро отвел глаза.

— Уэсли! — всхлипнула Ким. — Я была так унижена. Это мне надлежало быть в твоих объятиях. Именно в нашу честь они должны были устраивать прощальный прием.

Бросившись успокаивать Ким, Уэс едва не уронил Лию. Прислонившись к фургону, она все же удержалась на ногах, а Стивен, сидя наверху, нагло рассмеялся.

— Неужели ты не научилась добиваться своего слезами? А вот моя сестра — мастерица этого дела. Лиа не обратила внимания на его слова и направилась к задней части фургона, чтобы проверить, как себя чувствуют животные. Здесь Уэс и нашел ее.

— Пожалуй, тебе лучше ехать со мной, — жестко сказал он.

Сурово взглянув на него, она ответила:

— Если ты пытаешься защитить мою репутацию, то не старайся. Твои друзья должны быть готовы ко всему, когда в дело замешана одна из Симмонс.

Она двинулась к корове, но Уэсли схватил ее за руку и рывком повернул к себе.

— Если тебе безразлична твоя репутация, мне на это наплевать. Но я не допущу, чтобы говорили, будто мы с тобой порвали из-за Кимберли. Здесь нет ее вины, и я не позволю, чтобы ее имя трепали еще больше.

Она вырвалась из его рук.

— Мне следовало догадаться, что тебя заботит только нежнейшая Кимберли. Так это ради твоей Кимберли я должна сегодня весь вечер исполнять роль твоей жены? Мне даже думать об этом тошно.

Злобно глядя на нее, Уэсли понизил голос:

— Выслушай меня раз и навсегда. Не смей больше дурно говорить о Кимберли. Она немало настрадалась по твоей вине. Если для защиты ее доброго имени нам придется провести один вечер вместе, ты так и сделаешь, иначе я переломаю тебе кости. На сегодняшний вечер мы влюбленная пара. Тебе это понятно?

— Безусловно, — стиснув зубы, процедила она. Уэсли развернулся и ушел, и когда Лиа подняла глаза, то вдали увидела Кимберли, которая сладко и самодовольно улыбалась, а потом повернулась, шурша шелком платья, и Уэсли затрусил за ней.

— Черт, черт, черт! — ругалась Лиа шепотом, сердито поправляя веревку на шее коровы.

— Моя сестрица умеет подчинять себе мужчин, — раздался голос Стивена за ее спиной. Не

обращая внимания на его ласковый тон, Лиа сдержала слезы. Она ни за что не заплачет!

— Но и ты по-своему умеешь пробудить в мужчине интерес, — объявил Стивен и коснулся ее руки. — Дружки Уэсли удивились, увидев такую Симмонс, как ты. Старине Уэсу повезло в ту ночь, когда ты прыгнула в его постель. Правда, ему меньше повезло, когда он был вынужден на тебе жениться. Женятся на таких, как моя сестра, а женщины вроде тебя созданы только для одного — для любви. Я, пожалуй, мог бы дать тебе...

Не успел он закончить, как Лиа схватила мешок с кормом для коровы и ударила им по глупому улыбающемуся лицу Стивена Шоу.

— Стерва! — заорал он, потирая лицо, но Лиа уже бросилась к первому фургону, где ее ждал Уэсли. Она молча влезла на сиденье.

«Будь они все прокляты, — подумала она. — Будь они все, как один, прокляты». Стивен решил, что она гулящая, Уэсли угрожал ей побоями, если она не будет ему повиноваться, а Кимберли улыбалась и пила бренди, как матрос. «Я сделаю то, что хочет Уэсли, — успокоила она себя. — Сегодня вечером я буду самой ласковой женой по эту сторону гор. Мы уедем из Виргинии, и все будут убеждены, что мы так любим друг друга, что Кимберли просто не может встать между нами. Я спасу репутацию мисс Шоу, но не думаю, что ей понравится то, как это произойдет».

Глава 7

За все то время, что они ехали в гостиницу, Лиа не произнесла ни слова. План действий на время путешествия у нее был, но вот вопрос: надолго ли у нее хватит терпения сносить постоянное присутствие Уэса, делая вид, будто она его жена. Ее стала заботить мысль и о том, как будут относиться к ней его друзья. Один из них уже высказался, что она — из семейства Симмонс. Может, и они будут вести себя с ней так, как Стивен Шоу?

Когда они подъехали к гостинице, нервы Лии были напряжены: их ожидало человек десять. Едва фургон остановился, как все они бросились к ним, отталкивая друг друга. Каждый хотел иметь честь помочь ей спуститься на землю.

— Добро пожаловать, миссис Стэнфорд!

— Уэсли не стоит такой красавицы!

— Клей говорит, вы умеете ткать. Сестра прислала для вас образцы узоров.

— А моя мать прислала для вас семена цветов...

Лиа в изумлении переводила взгляд с одного улыбающегося лица на другое.

— Благодарю вас... — Она запнулась. — Я даже не представляла себе...

Один из них сурово взглянул на Уэсли:

— Наши женщины очень огорчились, что на плантации Стэнфордов не устроили праздника по случаю вашей женитьбы. Мы хотели, чтобы они сегодня собрались с нами здесь, только они решили — раз их не пригласили, значит, их и не ждут.

Настала очередь Уэсли невнятно пробормотать:

— Нет, просто дело в том, что мы... то есть, никто...

— Ребята, посмотрите на нее, — засмеялся один из встречавших. — Будь у вас такая жена, разве вы захотели бы делить ее с другими?

Обрадовавшись этим добрым словам, Лиа покраснела.

— Заходите в дом. Вы ведь устали. Вам помочь?

Кто-то протянул Лие руку.

— С каких это пор ты претендуешь на такую честь?

— заявил другой и тоже протянул руку.

— По-моему, я первым увидел ее, — вмешался третий.

— Послушайте! — прервал их Уэсли. — Пока вы не передрались, я готов сам проводить свою жену.

Стараясь не выдать удивления, Лиа взяла Уэсли за руку и вместе с ним направилась в таверну.

Бесс ждала ее внутри.

— Да тебя узнать нельзя, — только и смогла она сказать, глядя на сестру.

Лиа отпустила руку мужа и раскрыла объятия.

Прижав ее к себе, Бесс засмеялась:

— Неужели это ты?

— Я, и грязная с головы до ног, — парировала Лиа.

— Сейчас тебе наполняют ванну водой. Риган сказала, что ты, как любая леди, захочешь принять ванну. — Она взглянула на Уэса. — А вы пока ведите себя пристойно, скоро я вам ее верну.

Бесс торопливо повела Лию по лестнице в комнату, где двое мужчин наполняли большую ванну. Когда сестры остались одни, Бесс стала раздевать Лию.

— Бесс, я и сама могу это сделать. Ты не должна вести себя как служанка.

— Кто-то должен это сделать, — бросила Бесс. — Тебя нужно беречь после того, что с тобой приключилось: Риган мне обо всем рассказала. Ты и впрямь готова отказаться от собственного мужа, даже не будешь бороться?

— Я не собираюсь бороться за мужчину, которому я не нужна, — резко ответила Лиа. — Послушай-ка, ты говоришь совсем как наш папаша. Если ты вобьешь себе что-то в голову, тебя не переспорить. Хоть раз не будь такой упрямой. И не отдавай Уэсли.

— Бесс, ты говоришь глупости. Уэсли мне никогда не принадлежал. Ему нужна мисс Шоу. Пусть он ее и получит. После сегодняшней ночи я даже не буду носить его имя. Я буду считаться его кузиной.

— Кузиной, музиной... Ты его жена! Изменить это невозможно!

— Возможно, когда мы приедем в Кентукки. — Раздевшись, Лиа погрузила одну ногу в воду. — Насколько легко привыкаешь к чистоте. Пожалуй, я останусь в воде на всю ночь. Тогда мне не придется делать вид, будто я любящая и преданная жена.

— Хорошо придумано, — быстро отозвалась Бесс. — Оставайся здесь, я сейчас принесу тебе чистую одежду.

Сидя в ванне, Лиа откинулась и закрыла глаза, но спустя всего несколько минут Бесс вернулась, широко улыбаясь.

— В раю началась склока, — с ликованием сообщила она. Уэсли и эта самая мисс Шоу поссорились.

— Она простит его, — устало отозвалась Лиа.

— Мисс Шоу не понравилось, что Уэсли взял тебя за руку, а Уэс ответил, что должен делать вид, будто он твой муж. Мисс Шоу захотела узнать, насколько серьезно он собирается поддерживать видимость этого. Уэсли попытался ее успокоить, но мисс Шоу ответила, что в игре участвуют двое и если он коснется тебя хоть пальцем, то пожалеет об этом.

— И что же? — спросила Лиа, пытаясь скрыть заинтересованность.

— Уэсли ответил, что не боится угроз, что все это он делает ради нее и что он выполнит свои обязанности, как подобает.

— Обязанности? — прошептала Лиа и выпрямилась.

Бесс улыбнулась:

— Он, видимо, хочет сказать, что в его обязанности входит прикасаться к тебе. Лиа откинулась назад.

— Бесс, в задней части фургона с левой стороны стоит черный сундук. В нем лежит платье из золотистого бархата. Принеси его мне.

— Это особенное платье? — спросила Бесс.

— Особенное тем, что его совсем немного, — объяснила Лиа и, когда Бесс вышла, закрыла глаза.

Лиа думала об этом платье, понимая, что если она и безразлична Уэсли, то хотя бы другие мужчины обратят на нее внимание, когда она наденет его. Возможно, она не произведет такое же впечатление, как Кимберли, но все равно это будет гораздо лучше, чем то внимание, которого она удостоивалась, сидя на сиденье фургона.

Дверь распахнулась.

— Быстро ты успела.

Лиа открыла глаза и увидела Уэсли. Он стоял неподвижно и смотрел на нее. В воде было хорошо видно ее замечательное тело, грудь едва поднималась над поверхностью, а ноги были вытянуты и раздвинуты.

— Если ты нагляделся, то можешь уйти. Уэс неохотно перевел глаза на ее лицо. Покрытые паром завитки ее волос прикрывали шею.

— Бесс сказала... — Не договорив, он повернулся и ушел.

Лиа стала мыться, руки ее дрожали, и она не знала, от гнева ли это или от того, что ей вдруг сразу вспомнилась та ночь, когда Уэсли сжимал ее в объятиях.

Когда Бесс принесла платье, на ее лице было такое всезнающее и в то же время лукавое выражение, что Лиа ни слова не сказала о том, что Уэсли заходил в комнату. Она даже оставила без ответа прозрачные намеки Бесс.

Золотистый бархат платья оттенял кожу Лии, казавшуюся еще белее на его фоне, а из-за откровенного декольте воображения требовалось совсем немного.

— Нет, это не подойдет, — решительно промолвила Лиа, рассматривая себя в зеркале. — Тело видно слишком хорошо, а ткани слишком мало. Я ведь говорила Риган, что ни за что не надену это платье.

Бесс поправила локон в причёске Лии. Ее длинная нежная шея плавно переходила в изящные линии плеч и груди.

— Не снимай его! Мне доводилось видеть дам, на которых одежды было еще меньше. Лиа недоверчиво посмотрела на сестру.

— По сравнению с тобой им было почти нечего показывать, поэтому они и обнажались побольше.

— Как я буду скучать без тебя, Бесс. — Лиа рассмеялась.

— Не будешь, если я добьюсь своего и ты получишь мужа назад, — фыркнула Бесс.

— Прежде всего — он мне никогда не принадлежал, — возразила Лиа.

Бесс молча подтолкнула младшую сестру к двери.

Остановившись на верхней ступени лестницы, Лиа смотрела на то, что происходило на первом этаже. Кимберли, в шелковом платье спокойного бирюзового цвета, сидела на стуле. Она была невероятно красива. Вокруг нее стояли шестеро мужчин. Облокотившись о погасший камин, Уэсли сквозь зубы разговаривал с двумя друзьями и постоянно бросал гневные взгляды на Ким. Лиа не знала, смеяться или сердиться, однако в глубине ее души стала подниматься ревность.

Спускаясь по лестнице, она с удовлетворением заметила, как в ее сторону повернулась сначала одна голова, потом другая. На плантации Стэнфордов с ней всегда обращались учтиво, но она нередко задавалась вопросом, не от того ли это, что она замужем за Уэсли.

— Позвольте! — произнес один из них, подняв голову, и протянул ей руку. Остальные девять друзей встали, и то, как они смотрели на нее, вселило в Лию уверенность.

— Благодарю вас, — ласково ответила она и взяла его под руку.

Ким резко поднялась со стула и так, что было не вполне ясно, просьба это или приказ, произнесла:

— Я, что же, должна оставаться одна? А внимания заслуживают только замужние женщины?

Двое мужчин бросились к ней, но остальные продолжали окружать Лию.

— Все готово. Будем садиться за стол? — спросил один из них.

Лиан видела, что Уэсли, по-прежнему стоя возле камина, не отрывал глаз от спины удалявшейся Ким. Похоже, он не сознавал, что в зале есть кто-либо еще.

Лию охватил гнев; она обратилась к стоявшим рядом друзьям Уэсли:

— Может быть, вы войдете в обеденный зал первыми? Мы с мужем пойдем следом за вами. — Лиан встала перед Уэсли. — Ты выставляешь себя в дурацком свете! — прошептала она сквозь зубы.

Он не сразу услышал ее.

С чувством отвращения Лиан резко ткнула его пальцем в бок.

— Ты что делаешь? — сердито спросил он, а потом опустил на нее глаза, и они на секунду подернулись дымкой. Он быстро пришел в себя. — Пытаешься показать им, что они упустили? — спросил он и приподнял бровь, заметив глубокий вырез на ее платье. Ей стоило больших усилий не покраснеть.

— Ты смотришь на Кимберли так, будто это сука в период течки. Если ты хочешь спасти ее от конфуза, тебе, пожалуй, стоило бы держать себя в руках.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Ты всегда такая самоотверженная?

— Пытаюсь быть такой, — не без удивления ответила она.

— Так я и думал. Идем изображать из себя влюбленную пару.

Он взял ее за руку выше локтя и повел в обеденный зал. Их встретили приветственно поднятыми кружками и множеством тостов.

— За Уэсли, которому хватило сообразительности отыскать сокровище там, где и предположить было нельзя.

— За Лию. Она готова мириться со скандальным упрямым мулом, который лишь немногим лучше Тревиса!

Уэс, который усаживал Лию на почетное место, чуть не застонал, услышав имя Тревис.

Кимберли сидела прямо напротив Лии и с упреком смотрела на нее, уверенная, что та предала ее. Чувствуя себя виноватой, Лиан заметила, как Ким отвела глаза и заговорила со своим соседом.

Несмотря на полученное предостережение, Уэсли по-прежнему не спускал с Ким пламенных взоров.

Внушая себе, что она делает это ради спасения Уэсли и его дорогой Ким, Лиан наклонилась и,

потянувшись за перочницей, прижалась грудью к его руке. Уэс тут же отозвался, с удивлением и интересом обратив взор на жену. Лиа ласково улыбнулась ему.

— Если ты передашь перец, мне не придется за ним тянуться, — тихо проговорила она.

Уэсли опустил глаза.

— Да, конечно, тянись. Тянись за всем, что тебе понадобится.

— Уэсли! — резко бросила Кимберли, и он отвел глаза от Лии. — Напомни мне, когда мы видели Эллингтонов последний раз? Кажется, это было на балу по случаю окончания уборки урожая?

Лиа не сомневалась, что Ким напоминает Уэсу о некоей исключительной, может быть, даже интимной встрече.

Неужели Ким не понимает, что спасают ее репутацию? Лиа схватила Уэсли под руку и посмотрела на него:

— Бал по случаю уборки урожая и лунные ночи, прошептала она. — Иногда луна вынуждает людей совершать незабываемые поступки.

Глаза Уэсли сузились, потом он наклонился к ее уху:

— Ты бы лучше прекратила свою игру, а то получишь то, чего и не ожидаешь.

Лиа резко отодвинулась от него. Какое ей дело, раз Уэс выставляет себя дураком перед друзьями? Но и у нее есть самолюбие. Ей не хотелось, чтобы после отъезда из Виргинии говорили, что, мол, женщина из семьи Симмонс и сумела добыть себе мужчину, но удержать его не смогла. Вероятно, они никогда не узнают про ее развод, если только им не скажут об этом Риган или Тревис. Так что стоило убедить этих людей в том, что она достойна оставаться с одним из выдающихся и могущественных Стэнфордов.

Выслушав отповедь, Лиа утратила уверенность в себе. Теперь она обратила все свое внимание на еду, неохотно пробуя блюда. Она сидела, опустив голову, и отвечала только тогда, когда с вопросами обращались именно к ней. Она больше не испытывала желания соперничать с Кимберли. Лиа равнодушно наблюдала за тем, как Ким кокетничает то с одним, то с другим.

Чем дольше тянулся ужин, тем заметнее менялась атмосфера. Сосед Лии завел разговор о новом отделителе хлопковых волокон, и Лиа очень быстро забыла о Кимберли. С хлопка разговор перешел на овец, на то, как избежать болезней в стаде. В разговор включалось все больше мужчин. Спустя двадцать минут Бесс и две другие женщины начали убирать со стола, а Лиа, друзья Уэсли и сам он увлеченно беседовали об урожае и домашних животных. Стивен продолжал есть и не вмешивался в разговор, Кимберли была на грани истерики, хотя Лиа и не замечала обращенные на нее взгляды.

— Мой отец потерял почти все деньги, когда торговля табаком потерпела крах, и сейчас я все средства вложу в разведение хлопка, — сказал один из друзей Уэса.

— Согласна с вами, — отозвалась Лиа. — Мы намерены разводить овец, и, как мне кажется, настанет день, когда спрос на шерсть из Америки появится.

— Вы не сможете конкурировать с английскими рынками.

— Я найму прядильщиц, которые не уступят английским, — заявила Лиа.

— Уэс, а сама-то она умеет прясть? — насмешливо спросил один из его друзей.

Внезапно Лиа вспомнила, кто она такая и где находится, и опустила глаза на свою тарелку с остатками яблочного пирога.

— Боюсь, я была слишком самоуверенна, — негромко заявила она.

К удивлению Лии, Уэс обнял ее за плечи. — По правде говоря, я женат не так давно, потому не знаю, умеет она прясть или нет.

Лиа удивленно посмотрела на мужа. В его глазах светилась радость. Могло показаться, что он гордится ею.

— Поцелуйте-ка ее, мистер Уэсли, — обратилась к нему Бесс. — Похоже, вам очень этого хочется, и нам бы хотелось увидеть доказательство того, что вы ее любите. Я права, друзья?

Уэс бросил взгляд на Ким, и Лию это возмутило. Ему не удастся унижить ее.

— Меня не нужно уговаривать поцеловать моего мужа, — ласково произнесла она и обняла Уэса за шею.

Целуя его в губы, она сразу пожалела об этом. Ей хотелось что-то доказать сидевшим вокруг чужим людям, показать, что она достойна любви такого значительного человека, как Уэсли, но она забыла о том, что было причиной, вынудившей ее поцеловать Уэса. В течение года Лиа жила с двумя семейными парами, где супруги страстно любили друг друга, и, только поцеловав Уэса, она вдруг задумалась о том, как он это воспримет. Ей так хотелось ощутить на себе его прикосновение, дать волю своей страсти.

Сначала Уэсли сдерживался, но, ощутив возбуждение Лии, понял значение поцелуя и ответил на ее зов. С силой, пылом, страстью целуя ее, он забыл о сидевших вокруг людях. Ладонью он придерживал голову Лии, пальцы его смяли тщательно уложенные пряди.

— Уэсли, ты мог бы заняться этим позже, — смущенно сказал один из друзей.

Лиа ослабела в объятиях Уэсли так же, как и в тот единственный раз, когда он коснулся ее"

Когда Уэсли начал искать ее грудь, его плечо сжала рука:

— Уэс!

Постепенно Уэс начал приходить в себя, и когда он оторвался от Лии, перед глазами его еще какое-то время плыли круги.

В течение нескольких секунд рука Уэсли удерживала Лию в этом положении. Глаза ее закрылись, а темные волосы разметались по его куртке из оленьей кожи. Открыв глаза, Лиа вспомнила, где находится, резко выпрямилась, и лицо ее залила краска. Она увидела, как на лице Уэсли появилось озадаченное выражение, и жилка на его шее быстро запульсировала.

— Я... — Она освободилась из его объятий. Коснувшись рукой своей головы, она поняла, что ее прическа растрепалась. — Простите, мне нужно...

Не договорив, она повернулась, выбежала из комнаты и по лестнице поднялась в спальню.

Не успела она закрыть за собой дверь, как в комнату ворвалась Бесс.

— В жизни еще не видывала такого поцелуя! За всю жизнь не привелось увидеть, чтобы человека так целовали. Ну и парень, этот Уэсли! Он не только самый красивый парень по эту сторону гор, но и любовник что надо.

— Может быть, замолчишь? — воскликнула Лиа. — Как я посмотрю им в глаза? Теперь они не поверят, что я настоящая дама. Как бы я хотела, чтобы после моего отъезда из Виргинии обо мне говорили, что я стала настоящей дамой, а я веду себя как шлюха Симмонс. — Она запнулась и прошептала:

— Бесс, прости меня.

— Ты меня не обидела. А люди внизу сегодня ночью будут мечтать о тебе.

— Только этого мне не хватало, — отозвалась Лиа и устало опустилась на кровать. — Как по-твоему, я могу убежать через заднюю дверь и больше с ними не встречаться?

Бесс захихикала:

— Я поправлю твои волосы, и ты опять спустишься к ним. Если бы ты видела лицо этой Кимберли она чуть ногти себе не обгрызла.

— А я думала, что ты считаешь мисс Шоу образцовой дамой.

— Сиди спокойно! — приказала Бесс, погружая руки в густые волосы Лии. — Я думала это раньше, до того, как моя собственная сестра превратилась в самую красивую и изящную даму в Виргинии.

— Бесс, уезжай с нами, — попросила Лиа, поворачиваясь к ней. — Мне нужна подруга. Я научу тебя ткать, и ты войдешь со мной в дело.

— И брошу мою чудесную теплую таверну и чудесных теплых мужчин ради грохота ткацкого станка? Стэнфорды так и не обучили тебя уму-разуму. Разве ты не видишь? Можешь взять своего Уэсли, поселиться на ферме и каждый день доить сотни коров, только это не по мне. Мне по душе вольготная жизнь. Ну вот, у тебя опять вид чопорный и аккуратный. А теперь идем вниз, да не забывай улыбаться. Надо пользоваться смятением Кимберли.

Лиа засмеялась:

— Я буду очень скучать по тебе. Ким бросится в объятия Уэсли, как только наступит утро, и он поцелует ее так крепко, что наш поцелуй... — Вспоминая эту сцену, она запнулась. — Наш поцелуй ничего не будет значить, — тихо договорила она. — Ладно, в общем, я готова. Раз мой муж способен разыграть сцену с поцелуем, я, во всяком случае, могу понять, что он играет.

— Он ничего не разыгрывал, — бросила Бесс ей вслед, но Лиа то ли не расслышала, то ли не обратила на ее слова внимания.

Глава 8

Лие пришлось собраться с силами, чтобы посмотреть в глаза собравшимся на первом этаже людям. Она была убеждена, что они станут относиться к ней как к уличной девке, поэтому сюрпризом для нее оказалось то, как тепло они ее приветствовали. Пока она была наверху,

пришли еще трое мужчин — двое со скрипками, один с банджо — и уже приготовились играть.

Не успела Лиа опомниться, как ее подтолкнули в объятия Уэсли, и он повел ее исполнить первый менуэт.

— Похоже, ты опять пришла в себя, — сказал Уэсли, прежде чем они поменялись партнерами.

Пока бал продолжался, то один, то другой танцор перехватывали Лию. В какой-то момент она заметила, что Ким танцует с Уэсли, который с беспокойством поглядывал на партнершу. Лиа сделала вид, что не видит их.

В течение вечера ей дважды пришлось слышать, как в разговорах упоминали имя Джастина Старка, но она так и не успела спросить, кто это.

В полночь Уэсли объявил, что праздник закончен, что они уезжают рано утром. Он взял Лию за руку и решительно повлек к лестнице.

Лиа ощущала себя на вершине блаженства. Она выпила чересчур много великолепного пунша, который подала ей Бесс, и, вернувшись в свою с Уэсли комнату, тихо напевала. На кровати лежала ее лучшая ночная сорочка, прозрачное сочетание шелка и кружевных оборок. Лиа взяла ее в руки, прижала к груди и стала танцевать, кружась по комнате.

— Ты пьяна? — спокойно спросил Уэсли, снимая рубашку из оленьей кожи.

— Как ты красив! — выдохнула Лиа, разглядывая голого по пояс Уэсли.

В его глазах мелькнул интерес — это не был мимолетный взгляд.

Лиа остановилась, хотя ее голова продолжала кружиться.

— Ты будешь заниматься со мной любовью? — прошептала она.

В золотистом цвете единственной горевшей в комнате лампы было видно, как изменилось выражение лица Уэсли. Он шагнул к ней.

— Думаю, меня можно уговорить.

Лиа отбросила ночную сорочку и застыла в ожидании, сдерживая дыхание. Сердце ее бешено стучало. Больше всего в жизни ей хотелось, чтобы он опять обнял и поцеловал ее. Когда он к ней приблизился, она коснулась его обнаженной груди, поросшей густыми волосами.

— Уэсли! — прошептала она, и Уэсли наклонился к ней.

В дверь громко и быстро постучали, но они этого не услышали. Дверь открылась, вошел Стивен Шоу:

— Похоже, моя сестричка не ошиблась.

— Что, черт возьми, тебе здесь нужно? — сердито спросил Уэсли.

— В отличие от тебя, Стэнфорд, меня не ждут две женщины в двух разных комнатах. Моя сестричка выплакала себе все глаза, потому как подозревает тебя в том, чем ты и вправду занимаешься. — Он исподтишка бросил взгляд на Лию. — Я убеждал ее, что ты человек чести, что тебе можно доверять. Только вот наблюдая, как эта девчонка преследовала тебя весь

вечер, я понял, что обманывал сестру.

— Убирайся отсюда, — устало сказал Уэсли и отступил от Лии. — Скажи Кимберли, что через несколько минут я приду к ней.

— Когда закончишь здесь? — злорадно рассмеялся Стивен и вышел из комнаты, пока Уэс не успел ему ответить.

— Лиа, прости меня, — заговорил было Уэсли. Лиа сердито взглянула на него. Под воздействием выпитого она перестала владеть собой, и теперь ее настроение мгновенно изменилось, любовь уступила место ненависти.

— Простить за то, что ты не довел до конца начатое дело? Простить за то, что ты не воспользовался слабостью одной из гулящих Симмонс?

— Не пойму, о чем ты, — заговорил он и потянулся за своей ночной рубашкой. — Ты моя жена, и...

— Я твоя жена? Это ты говоришь про меня, кто весь вечер умоляла тебя не изнывать по божественной мисс Шоу?

— Ты бы придержала язык, — предупредил Уэсли.

— Мой язык? — Она от негодования задохнулась. — А разве ты не знаешь, что мы, Симмонс, умеем пользоваться языком не только для разговора? Разве это не у нас в крови?

Уэсли молча натянул рубашку.

— Слушай, не могу понять, о чем ты. Ты была готова пуститься в дорогу под видом моей двоюродной сестры, ты всегда знала о моих чувствах к Ким. Я с самого начала пытался вести себя честно и достойно.

— Достойно? Ты готов был наброситься на меня и это ты называешь достойным? Уэсли удержался от улыбки:

— Ты целый вечер всеми силами пыталась завлечь меня, и демонстрация твоей ночной сорочки была совсем не для того, чтобы успокоить человека.

— Я надела ее не для тебя, — тихо отозвалась она и отвернулась, чтобы скрыть свое унижение. Уэсли улыбнулся:

— Честное слово, Лиа, я польщен, что ты так старалась залучить меня в свою кровать. Мне было хорошо, пока ты со мной кокетничала, даже танцуя с другими; поэтому я думаю, ты могла бы соблазнить меня, если бы Стивен нам не помешал. Но, по правде говоря, мне действительно нужно соблюдать наше соглашение. Ради Ким я попробую сопротивляться твоим чарам.

— Что ты собираешься делать? — прошептала она, повернувшись к Уэсли.

— Я в долгу перед той, кого люблю, и я нужен ей весь, до конца, и впредь буду всеми силами противиться тебе.

— Тому, что уже случилось раньше? — прошептала Лиа. — Как ты ни старался, ты поддался на мои чары?

— Послушай, мне действительно пора идти, поэтому давай поговорим об этом в другой раз. Но ты права. Когда-то ты ведь уже бросилась на меня.

— Бросилась на тебя? Как сегодня?

— Лиа. — Он шагнул к ней. — Видно, я тебя обидел.

— Обидел? Такие, как я, не обижаются. Разве ты этого не знал? Женщины моего происхождения, которые с детства не носят шелковых одеяний, способны только соблазнять и завлекать. Когда мы приедем в Кентукки, я не стану открывать ткацкую мастерскую. Я... я просто пойду по рукам.

На лице Уэсли появилось жесткое выражение:

— Ты меня не правильно поняла. Я только хотел тебя поблагодарить за готовность отдаться мне.

— Больше это не повторится, — холодно ответила она. — В следующий раз я предложу себя другому.

— Ты этого не сделаешь, пока остаешься моей женой, — рявкнул он.

Она вызывающе улыбнулась:

— Не пора ли тебе идти к твоей Кимберли? Если из-за тебя ей придется плакать слишком долго, ее глазки покраснеют. А как она тебя соблазняет? Она заманивает тебя в кровать слезами?

— Кимберли девственница, — резко произнес Уэс, сузив глаза.

Лиа развела руками:

— За тебя борются продажная девка и девственница. Бедный Уэсли, тебе, видно, выпадают бессонные ночи. Ступай к ней.

— Лиа, я ни разу не сказал, что ты продажная девка, — заговорил было Уэсли.

— Убирайся! — пронзительно закричала она.

— Если я тебе нужен...

— Ты мне нужен? — крикнула она в ответ. — Меньше всего ты мне нужен. Жаль, что я не могу сама уехать в Кентукки, и дай Бог, никогда больше тебя не видеть. А теперь ступай к своей милой Кимберли. Она ждет тебя.

Уэсли хотел было ответить ей, но промолчал, повернулся и вышел. Лиа упала на колени, ее тело сотрясали рыдания. Он сказал: «Нужен ей». Нет, не он был ей нужен, она жаждала его, ждала того, кто не был бы равнодушен к ней, кто при виде слезы на ее щеке бросился бы к ней. Того, кто не знал ее семью, кто не посчитал бы ее продажной, еще даже не встретив.

Позже, когда настала ночь, Лиа сняла платье и надела ночную сорочку. Она выплакала все слезы, ей остались только опустошенность и ощущение, что жизнь так никогда и не переменится. Она родилась на болоте и обречена всю жизнь быть частью болота. Изящная одежда так никогда и не сможет скрыть ее низкого происхождения, Когда Лиа проснулась

утром, в комнату украдкой скользнул Уэсли. Она понимала: ему не хочется, чтобы посторонние знали, что он провел ночь не с женой.

— Ты проснулась, — произнес он, когда свет раннего утра осветил комнату. — Лиа, возвращаясь к тому, что было вечером...

Она перекатилась на край кровати, встала и через всю комнату направилась к сундуку, в котором лежала ее одежда. Ей казалось, что душа ее умерла, и ей все было безразлично. Ни о чем не думая, она сбросила ночную сорочку, не обращая внимания на то, что стоит перед Уэсли обнаженной, и стала одеваться.

— Ты от своего так и не отказалась! — взорвался Уэсли.

Но Лиа даже не захотела повернуться. Она оделась и обратилась к нему:

— Раз ты готов, и я всегда готова. Твои друзья так и не узнают, где ты ночевал.

Нахмурившись, он взял ее за руку:

— Лиа, у меня в мыслях не было тебя обидеть. Она посмотрела на его руку, потом на лицо:

— Больше трогать меня не смей. Ты понял? Больше никогда не смей меня касаться.

С этими словами она вышла из комнаты, они вместе спустились по лестнице, и любой встречный мог принять их за семейную пару, которая провела ночь вместе.

Лиа простилась с сестрой без лишних слов и молча забралась на сиденье фургона рядом с Уэсом. Он подал руку, чтобы помочь ей, но она взглянула на него так, что руку он убрал.

В полдень она собрала хворост, разожгла костер и на скорую руку приготовила обед, пока Кимберли смывала пыль с лица. Очень кстати Стивен куда-то исчез, а Уэс занимался лошадьми. За едой Кимберли болтала о последнем празднике, на котором они были в Виргинии, и несколько раз повторила, что Лие неплохо было бы побывать на нем. Лиа заставила ее замолчать, сообщив, что в тот раз на праздник пойти не смогла бы, потому что была на последних месяцах беременности.

Когда Лиа вымыла посуду, Ким объявила, что теперь Лиа поедет со Стивеном, и отныне она невеста Уэсли, а Лиа его двоюродная сестра. Она, очевидно, ожидала возражений, но никто не стал с ней спорить.

Лиа села рядом со Стивеном. Он заметил было, что с радостью заменит Уэса, если ей захочется, но Лиа промолчала, и тогда он взялся за поводья и умолк.

Когда Лиа вечером готовила ужин, Уэс съездил на лошади на ближайший постоялый двор, но, вернувшись, сообщил, что там слишком грязно и лучше ночевать в фургонах.

Ким слезливо промолвила, что хочет помыться, поэтому Уэс приволок несколько ведер воды, согрел ее, соорудил из одеял штору и приготовил для Ким ванну. Она ловко зажгла позади одеял фонарь, чтобы окружающие смогли насладиться зрелищем того, как она неспешно моется.

— Что же ты не кричишь от зависти? — шепнул Стивен, обращаясь к Лие, пока Уэс восторженно любовался силуэтом Ким.

Лиа, убиравшая посуду, оставила его слова без ответа.

С рассветом наступила жара, и Лиа расстегнула ворот платья.

— Это ради меня или него? — поинтересовался Стивен. — Если ради Стэнфорда, не утруждайте себя, застегнитесь. Его интересует только моя сестра, а она мастерица удерживать мужчину возле своей юбки. Тебе стоило бы кое-чему поучиться у нее. Нельзя быть очень честным, во всяком случае, по отношению к господам вроде Стэнфорда. Он охотнее разглядывал бы женщину через занавеску. Но мы с тобой любим обнаженное тело. Он ехидно засмеялся и погнал лошадей. Лиа изо всех сил старалась быть сдержанной. Она мысленно благодарила Бога за то, что не походит на Стивена Шоу. В середине дня они достигли реки, которую им предстояло пересечь. Она разлилась из-за таяния снега, и вода покрывала ступицы колес.

— Если мы будем продвигаться осторожно, то благополучно переберемся на другой берег, — заявил Уэс, обращаясь к Стивену.

— Уэсли, мне страшно, — заныла Ким и вцепилась в его руку.

— Не бойся. Мы переберемся через реку. А ты боишься, Лиа?

— Нет, — ответила она спокойно. — Думаю, нам это удастся, как до нас удавалось другим.

— Я так и знал, что ты не испугаешься. — Уэс отвернулся.

— Эй! — раздался мужской голос с другой стороны реки. Им махал рукой высокий худощавый мужчина в такой же, как у Уэсли, одежде из оленьей кожи.

— Это Джастин Старк. — Уэс улыбнулся. — Он едет с нами.

Не обращая на него внимания, Лиа вернулась к фургону. С предельной осторожностью Уэсли направил лошадей и фургон в воду. Лошади переступали боязливо, но Уэс правил ими твердой рукой.

— Он боится! — презрительно бросил Стивен. — Он дрожит за свою шкуру. Но! Но! — понукал он лошадей и щелкнул кнутом над головой. — Я не собираюсь торчать здесь целый день и не желаю, чтобы этот малый Старк считал меня трусом.

И Стивен погнал лошадей туда, где было глубоко.

— Что ты творишь? — закричал Уэсли.

— Не хочу хлебать поднятую тобою муть, — отозвался Стивен и поравнялся с фургоном Уэса.

— Правее! Держи правее! — командовал Старк с другого берега.

Лиа, державшаяся за сиденье обеими руками, крикнула Стивену то же самое, но он не обратил на нее никакого внимания и опять щелкнул кнутом.

Передняя правая лошадь ступила в яму, пронзительно заржала и увлекла за собой всю упряжку. Тяжело нагруженный фургон наклонился, и Стивен рухнул в воду. Лиа поднялась с сиденья и схватила вожжи, которые тот выпустил из рук.

— Натягивай поводья! — закричал Старк. — Держи лошадь!

Лиа попыталась действовать по его подсказке и намотала вожжи на руку, одновременно пытаясь присесть как можно ниже, чтобы достать болтающиеся вожжи, которыми управлялись остальные лошади.

— Помоги ей, Уэс! — прокричал Старк. — Пусть правит твоя соседка, а ты помоги рыжей!

Смысл этих подсказок едва доходил до Лии, потому что она была занята, пытаясь добраться до обвисших вожжей. Она вскрикнула, когда перепуганные лошади натянули поводья так, что едва не оторвали ей руку.

— Лиа! — услышала она голос Уэсли, но слов не разобрала, потому что Кимберли принялась истерически кричать.

Когда пальцы Лии наконец подцепили остальные вожжи, на ее глазах появились и сразу же высохли слезы облегчения. Собрав все силы, она сумела удержать перепуганных лошадей, направила фургон так, чтобы миновать яму на глубине, и направила лошадей к противоположному берегу.

Незнакомец бросился в воду и подплыл к ней:

— Молодец! А теперь держи поводья прямо.

— Стивен! — окликнула Лиа, когда лошади выбрались на берег. Задняя часть фургона все еще находилась в воде. Она не знала, дошло ли до остальных, что Стивен упал в воду.

Лиа сбросила туфли: она с детства хорошо плавала.

— Держите! — Она бросила незнакомцу поводья и прыгнула в воду.

— Какого черта! — крикнул он и перевел взгляд на лошадей.

— Что Лиа делает, куда она? — прокричал Уэсли.

— Она что-то крикнула про Стивена.

— А где же он? Исчез? — спросил Уэс и сам бросился в реку.

Лие показалось, что она ныряла целую вечность, но Стивена нигде не было. Спустя несколько секунд Уэсли с незнакомцем добрались до нее. Вынырнув, она показала им, где уже искала Стивена.

Под вечер они нашли его на изгибе реки; он лежал на дне. Голова его была разбита от удара после падения. Уэсли вытащил тело на берег.

Лиа стояла над ним в изнеможении от долгих поисков. Через час после начала поисков она сбросила мешавшее ей нырять длинное платье. Теперь же, в нижнем белье, с которого стекала вода, она так устала и замерзла, что не могла думать о приличиях.

Заметив, как Джастин разглядывает Лию, Уэсли снял рубашку и накинул ей на плечи. Она укрыла ее до колен.

— Нет! Нет! Нет! — закричала Кимберли, подбегая к ним, глаза ее были прикованы к телу брата.

Уэсли оставил Лию, чтобы утешить горюющую Ким, и плечи его жены поникли еще больше. Ким и Уэс скрылись в наступающей темноте, ночную тишину нарушали только рыдания Ким.

Несколько минут Лиа и незнакомец молчали.

— Вам бы надеть сухую одежду, — ласково сказал он.

Лиа только кивнула. Ее бил озноб. Он подошел к ней:

— Меня зовут Джастин Старк, а вы?..

Лиа не смогла ничего ответить, а только разглядывала холодное неподвижное тело Стивена. По ее щекам покатались слезы.

Джастин молча обнял Лию.

Она попыталась освободиться, но была слишком измучена, а скорее, нуждалась в утешении, пусть даже и со стороны чужого человека.

— Не стесняйтесь, поплачьте, — шепнул ей Джастин. — Такая отважная девочка имеет право поплакать.

Лиа разрыдалась так, как не бывало еще никогда в жизни. Приятно было ощущать близость человека, чувствовать поддержку сильных мужских рук.

Она не заметила, как Старк снял с лошади притороченное одеяло. Она не стала сопротивляться даже тогда, когда он снял с нее промокшую одежду и укутал ее мокрое нагое тело в одеяло. Он обнял ее и присел рядом на упавшее дерево. Спустя некоторое время Старк начал укачивать ее, и постепенно Лиа затихла, продолжая прижиматься к нему. Она оставалась в этом положении, погрузившись в глубокий сон.

— Она спит? — шепотом спросил Уэсли у Джастина. Тот кивнул и спросил:

— Ты приготовил ей постель? Уэс опустил глаза на носки сапог.

— Я приготовил постель только для Ким. Обычно Лиа готовит себе постель сама.

Джастин ничего не ответил, и тогда Уэс отлучился на несколько минут.

— Готово, — сообщил он по возвращении. Джастин осторожно поднялся, бережно, как драгоценный сосуд, держа спящую Лию на руках, и опустил ее на приготовленное Уэсли ложе из нескольких одеял.

На секунду Джастин опустился рядом с ней на колени, потом выпрямился и увлек Уэса за собой в безмолвный лес.

— Кто это?

— Моя... двоюродная сестра, — ответил Уэсли. — А какая разница, кто она?

Джастин воззрился на Уэса, видимо решив, что он сошел с ума.

— Разница? Пожалуй, это важно для меня, потому что я в жизни еще не видел такой изумительной женщины. Ты видел, как она обращалась с упряжкой? И как она рисковала

жизнью, ныряя в поисках утонувшего парня? Я-то видел, что у тебя руки были заняты этой визгливой бестолочью. Храпи меня Господь от таких женщин! Так кто она такая?

— Я собираюсь жениться на ней, — резко ответил Уэсли.

— Вот как... Э-э-э... Я не хотел сказать ничего плохого. — Джастин запнулся. — Просто когда видишь их рядом, светловолосая кажется такой никчемной. Хотя нет, я не это хотел сказать.

— А по-моему, ты сказал более чем достаточно.

— Верно, — испуганно ответил Джастин, но быстро поднял голову. — Кто она?

— Кимберли Шоу. Она сестра утонувшего.

— Вот оно что. То-то она так старалась спасти его. Интересно, стала бы рисковать жизнью хоть одна из моих сестер ради моего спасения. Ему повезло, что у него такая сестра.

— Нет, — ответил Уэс слабым голосом. — Это светловолосая Кимберли. А ныряла Лиа.

— А она родственница погибшего?

— Вовсе нет, — ответил Уэс. Джастин отвел глаза в сторону леса:

— Говоришь, твоя двоюродная сестра? Ты родился под счастливой звездой. У нее есть близкий человек?

Хотя нет, лучше ничего не говори. Мне все равно, собирается ли она выходить замуж. Я, пожалуй, начну за ней ухаживать, сколько бы мужчин между нами ни стояло. Тебе бы хотелось, чтобы я стал твоим двоюродным братом по жене?

— Подожди-ка, Джастин, ты слишком спешишь. Ты про Лию ничего не знаешь. Она красивая, я согласен, но при такой женщине мужчина ощущает себя лишним. Побудь рядом с ней только час, так призадуматься, нужны ли вообще мужчины. Нет такого дела, какое она не может сделать собственными руками, и при этом дает тебе понять, что ни в ком не нуждается. Женись на ней, и через год она станет управлять твоей фермой, распоряжаться твоей жизнью, а сам ты для нее будешь значить меньше, чем груда конского навоза в твой рост.

Помолчав, озадаченный Джастин рассмеялся и хлопнул Уэсли по плечу:

— Пусть тебе достанутся все светловолосые красавицы, такие, что сидят в фургоне и верещат, пока их братья тонут, а вот мне нужна женщина.

— Ты сам не знаешь, чего добиваешься, — предостерег его Уэс. — Побудь с ней две недели, и начнешь искать такую, рядом с которой почувствуешь себя мужчиной.

Джастин улыбнулся:

— Мне нужно только одно — чтобы она была женщиной, и от одного этого я почувствую себя мужчиной. А сейчас я, пожалуй, лягу спать. Завтра же начну за ней ухаживать.

— Ухаживать? Но ведь...

— Ты что, возражаешь? — холодно спросил Джастин. В ответ Уэсли только покачал головой. — Вот и ладно. Давай ложиться. Наутро нам предстоят похороны.

Уэсли наблюдал, как Джастин устраивает себе ложе так, чтобы видеть спящую Лию. Потом Уэс направился к собственной постели.

— Бедняга, — пробормотал он и подумал, что следовало бы каким-то образом удержать Джастина от его устремлений.

Глава 9

Рано утром Лию разбудили рыдания Кимберли. Уэсли обнимал ее, пытаясь успокоить, но утешить ее было невозможно. Застонав от мучившей ее головной боли, Лиа отбросила одеяло и поразилась — на ней совсем не было одежды. Покраснев, она вспомнила, что приключилось накануне. Оглядевшись по сторонам, она убедилась, что незнакомца нигде нет.

— Уэсли, — хрипло позвала Лиа. Уэс, занятый переживаниями Ким, ее не услышал. Лиа откашлялась и настойчиво позвала:

— Уэсли!

Он обернулся; на его лице было написано раздражение.

— Да?

— Принеси мне одежду.

Ей было противно просить его о помощи, но она не собиралась обнажаться перед ним, завернувшись в маленькое одеяло.

Приподняв одну бровь, Уэс оставил Ким, направился к фургону и достал для Лии коричневое хлопковое платье, даже не подумав о нижнем белье.

— Ты умеешь произвести впечатление на человека с первого же взгляда, — заявил он, оглядывая ее обнаженные плечи.

Лиа выхватила платье из его рук.

— Возвращайся к своей Кимберли, — сердито сказала она, и как раз в этот момент Ким испустила пронзительный вопль.

Лиа покорно оделась под одеялом, потом встала и взяла ведра. Направляясь к реке, она увидела Джастина — того, кто недавно присоединился к ним. Раздевшись по пояс, он рыл могилу.

— Доброе утро, — с веселым блеском в глазах поздоровался он с Лией.

В ответ Лиа шепотом поздоровалась и стыдливо опустила голову, вспоминая, как он раздевал ее.

Джастин подбежал к ней и забрал из рук ведра.

— Выспались?

Она кивнула, не поднимая на него глаз, и он засмеялся.

— Вы же не позволите встать между друзьями такой мелочи, как отсутствие одежды? Да и

вообще, мне пришлось раздевать сотни женщин.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Допустим, не сотни. — Он улыбался, пожирая ее глазами. — Но ни одна из них не была такой красивой, как вы. И не отворачивайтесь. Вы всегда такая стыдливая?

Вздернув подбородок, она посмотрела ему в глаза.

— Вряд ли я стыдлива, но сейчас... — Она решила сменить тему разговора. — Вы едете с нами?

— До самого Кейнтакка. — Они уже подошли к реке, и он взял ведра из рук Лии и наполнил водой. — Я вырос в городке, где Уэс купил ферму. Всю зиму он проработал на ней, как проклятый. Думаю, он готовил ее для мисс Шоу.

— Думаю, что да. А вы тоже работаете на ферме?

— Конечно, да и охочусь помаленьку. Нет, нет, я сам понесу ведра. — Он перехватил у Лии полные воды ведра.

— Спасибо, свою работу я могу выполнять сама, — сухо ответила она.

Джастин улыбнулся ей, и его красивое лицо стало еще привлекательнее.

— Не сомневаюсь, что вы можете нести сотню ведер, но неужели вы так жестокосердны, что лишите меня удовольствия помочь вам и отнести их?

Лиа ответила не сразу, потом улыбнулась.

— Не хотелось бы, чтобы меня называли жестокосердной. Конечно, мистер Старк, отнесите воду.

— Меня зовут Джастин. — Он засмеялся. — Все мои дамы называют меня Джастин.

— Все? — Она тоже засмеялась и внезапно почувствовала облегчение, чего не было уже много недель.

— Похоже, что вы оба забыли, что случилось вчера, — заявил Уэсли, злобно глядя на них. — Пожалуй, вы могли бы продемонстрировать Кимберли хоть немного больше внимания.

Улыбка исчезла с лица Джастина. Ростом он уступал Уэсу, но слабости не показал:

— А по-моему, Лиа продемонстрировала большое внимание, рискуя утонуть, когда спасала человека, который даже не приходится ей родственником. И хотя твоя женщина и рыдает во весь голос, это вовсе не значит, что она готова рисковать чем-либо, разве только рыдать.

Лиа посмотрела на взбешенных мужчин и удалилась, опасаясь, что они увидят ее улыбку. От слов Джастина ей стало радостно. С чувством облегчения она принялась за работу: покормила животных, приготовила завтрак и подготовила в дорогу фургон. Она не знала, продолжают ли ссориться Уэс и Джастин, но когда вчетвером они собрались около могилы, было видно, что они помирились. Ким тяжело опиралась на руку Уэсли, пока он произносил речь о том, каким хорошим был Стивен Шоу. После импровизированной панихиды Ким позволила Уэсу помочь ей подняться в фургон, где и улеглась.

Джастин бросил свою сумку и седло во второй фургон, привязал лошадь к фургону, влез на сиденье рядом с Лией и взял у нее вожжи.

— Не знаю, смогу ли я вообще найти общий язык с этой женщиной.

Хотя в разговоре Лиа и не согласилась с тем, что она стыдлива, но она не знала, что сказать Джастину. Однако беспокоиться ей не следовало. Джастин поведал ей о своем родном городке Суитбрайар, о своих трех сестрах и четырех братьях, о племянницах и племянниках. Он рассказывал о том, кто в кого в городе влюблен, о красавице Миранде Макалистер, сводящей с ума всех холостяков.

— И вас тоже? — робко спросила Лиа.

— Несколько раз я на нее взглянул, а вообще я всегда знал, какая женщина мне нужна.

— И какая же? — подзадорила его Лиа.

— Вроде вас, Лиа, — негромко ответил он и отвел глаза только после того, как первая лошадь ступила в выбоину.

Лию охватила паника. Этот человек ничего о ней не знал: не знал, что она из семьи Симмонс, живущей на болотах Виргинии, не знал, что ее сестра гулящая, а отцом был сумасшедший. Разговорилась она не сразу, да и то очень скупо рассказала о том, что умеет ткать.

Путники ненадолго устроили привал, поели холодного мяса и картошки; Ким из фургона не вылезла. Ночью Лиа приготовила ужин на костре, который сама же и разложила, потом напоила и накормила животных. Джастин нарубил дров, пока Уэсли ухаживал за Ким, охваченной смятением и ни на что не способной от скорби по погибшему брату.

Путь на запад тянулся долго, и все время сидевший рядом с Лией Джастин вел с ней беседу, расспрашивал ее, и с каждым днем чувство вины в ее душе усиливалось. Риган и Николь были добры с ней, хотя она и была родом с болот. Но они знали о ней все. Она же продолжала держать Джастина в неведении, лжет ему, а ведь он был так добр с ней. Знай Джастин, кто она такая и откуда родом, вероятно, и он бы обходился с ней так же, как Уэсли.

Прошла неделя, горе Кимберли не проходило. Лиа стала носить ей еду в фургон, где Ким обнимала ее и плакала.

— Не надо, — как-то вечером заявил Джастин и взял Лию за руку, когда она накладывала на тарелку еду для Ким. Он повернулся к Уэсу:

— А не пора ли ей прекратить вести себя как принцесса? Лиа ей не служанка.

— Ким все еще горюет по брату, — упрямо заявил Уэс.

— Тогда ты и прислуживай ей, а Лиа не будет'.

Он выхватил из рук Лии тарелку и сунул ее в руки Уэсу. Они ели молча. Ким вылезла из фургона и села, прислонившись спиной к дереву, пока Уэс стоял над ней.

Не скрывая отвращения, Джастин выплеснул остатки кофе в огонь.

— Всем нам нужно отдохнуть. В нескольких милях отсюда есть водопад. Может быть, мы с Лией могли бы завтра съездить туда. — Он улыбнулся ей, глядя поверх языков пламени. —

Может быть, помоемся. Лиа опустила глаза на чашку и прошептала:

— Мне действительно нужно помыться.

Еще не совсем рассвело, когда Джастин подошел к Лие и предложил поторапливаться.

— А завтрак? — спросила она, собирая в узел грязную одежду.

— Пусть сегодня герцогиня сама за собой поухаживает.

Лиа подавила улыбку:

— Я готова.

— Лиа, — позвала Ким и бросилась к ним. В свете раннего утра она казалась очень красивой. Ким протянула Лие два платья и нижнее белье:

— Ты постираешь?

Похоже, сегодня на мне все хозяйственные дела, пока вы будете там развлекаться.

Ты окажешь мне такую мелкую услугу?

— Конечно, — ответила Лиа, но Джастин схватил одежду и заговорил:

— Вы и сами можете постирать свою одежду.

Лиа взяла из его рук одежду Ким:

— Конечно, я постираю.

— Поехали, — разозлившись, объявил Джастин и за руку повел Лию к своей лошади. — Ну почему вы позволяете ей так использовать вас? Вы же стоите пятидесяти таких, как она.

Он вскочил в седло и помог ей устроиться за своей спиной.

— Нет, не стою, — прошептала Лиа, но вряд ли Джастин ее услышал.

Более часа они ехали к северу, удаляясь от изредка возникавших в поле домов, от фургонов, направлявшихся на запад. Прошел еще один час. Джастин спрыгнул с лошади и протянул руки к Лие. Он взял ее за талию, медленно опустил на землю и нежно поцеловал. Лиа не ощутила головокружения, но поцелуй был ей приятен. Когда он опустил Лию на землю, она отвела глаза.

Нахмурившись, он смотрел на нее с недоумением.

— Лиа, кто вас обидел? — спросил он ласково. — Я еще не встречал такую красавицу, как вы, которая всегда сидела бы с опущенной головой и считала бы себя рабыней другой женщины.

— Вы не все знаете про меня, — ответила она, отступив от Джастина, но держалась горделиво. — И я ничья не рабыня.

— Тогда почему вы так боитесь Уэса?

— Боюсь? — Она смешалась. — Я не боюсь его, и вообще никого не боюсь. — Ее голос упал до

шепота. — Но между Уэсом и мной есть нечто, чего вы не знаете. Пожалуй, я примусь за стирку, — сердито бросила она.

— Забудьте про стирку, — яростно крикнул Джастин и выхватил из ее рук грязную одежду. — Что такого есть между вами и Стэнфордом?

— Не то, о чем вы думаете, — бросила она. В глазах ее светился гнев. — Уэсли Стэнфорд ненавидит меня так же, как я ненавижу его и всех ему подобных, которые тратят деньги на дорогую одежду и лошадей. Их не беспокоило то, что моя семья голодала. Одна лошадь Уэсли стоила больше тех денег, на которые вдвоем мы жили больше года.

Она отвернулась, полагая, что вызвала у него отвращение. Теперь, узнав о том, кто она такая, он станет ее презирать. Но она не позволит, чтобы он заметил, насколько эта перемена оскорбит ее.

— Вы, с вашими замечательными манерами, с вашим прекрасным обхождением! — воскликнула она. — Вы, все мужчины, одинаковы. По-вашему, раз мы бедны, вы можете добиваться от нас всего, что угодно. Но я вам скажу, что в нашей семье, Симмонс, всего лишь одна блудница.

— Так вот что вы думаете обо мне! — Джастин потерял дар речи. — Вы думаете, будто я считаю вас...

— Так и скажите! — закричала она. — Поверьте, я это слово не раз слышала от таких, как вы, мужчин и женщин. Красивое платье, а в душе грязь.

Джастин стоял неподвижно — казалось, его поразили гром.

— Так вот что вы думаете обо мне? Будто я — богатый франт, который вырос в большом доме с кучей слуг? — Он резко повернулся и широко улыбнулся. — Хотел бы я, чтобы это слышали люди из Суитбрайара. Будто один из Старков обладает прекрасными манерами и деньгами. Вот это да, Лиа. — Он засмеялся. — Не знаю, насколько бедна ваша семья, но вам нелегко будет сравниться со мной. Сядьте, я расскажу вам подлинную историю моей семьи.

Озадаченная, Лиа села на землю рядом с ним, и он рассказал ей истинную историю своей жизни. Джастин не обманывал ее, когда, рассказывая про свою семью, не стал говорить про все дурное. Думая, что Лиа — леди по рождению и воспитанию, он не стал делиться с ней самыми тяжелыми событиями в своей жизни.

Теперь Джастин рассказал про своего отца: звали его Долл Старк, и, по слухам, он был самым отъявленным лентяем к востоку от Миссисипи. Для посторонних это могло быть предметом шуток, но для остальных членов семьи это означало постоянную борьбу за выживание. Долл проводил все время в фактории Макалистера, веселясь и наслаждаясь жизнью, пока его жена и дети пытались прокормиться, обрабатывая несколько акров истощенной земли. Старший сын, Джастин, вырос, в душе ненавидя отца. Долл съедал обильный завтрак, ради которого семья надрывалась, исчезал до глубокой ночи, потом возвращался, наедался и приступал к своему обычному делу, после которого появлялись новые дети. Джастин лежал без сна, слыша все происходящее, и еще больше ненавидел, отца. Долл никогда не спрашивал, как идут дела в семье, и не имел понятия о том, сколько Джастину приходилось работать, чтобы на их столе было мясо.

А жители города только посмеивались над ленью Долла. Единственный раз они вмешались в дела семьи, когда старшая сестра Джастина, Коринн, как-то солгала, чем создала неудобство

для замечательной семьи Макалистер.

— Это та семья, в которой есть красивая дочь? — До Лии стало доходить, что Джастин — человек ее круга, не того, к которому принадлежит Уэсли. Может быть, в отличие от Уэса, он и не станет презирать ее за низкое происхождение.

— Те самые, — отозвался Джастин. — А теперь расскажите мне про свою семью.

Лиа заколебалась. По крайней мере, бездельник отец Джастина пользовался в городе любовью. А что хорошего может она рассказать про свою семью? Одного взгляда на Джастина было достаточно, чтобы понять: он готов ждать ее рассказа до Судного дня.

Она начала свое повествование неторопливо, боясь заметить на его лице гримасу отвращения, но увидела только заинтересованность и сочувствие. Речь ее стала стремительнее. Она поведала о том, как ее старший брат украл женщину, как сестра стала распутной, о безумии отца, о том, как он бил жену и детей. И в заключение Лиа рассказала о своем непрерывном каторжном труде в семье.

В лесу, как ей показалось, наступила полная тишина, когда она замолчала, сдерживая дыхание, ждала, что скажет Джастин, и боялась взглянуть на него.

— И это несмотря на то что вы — двоюродная сестра Стэнфорда? Он спокойно смотрел на ваши мучения? Хотя он мне этого не говорил, но ведь он богат?

— Невероятно богат, — прошептала Лиа, по-прежнему не поднимая глаз.

— Так почему же он в конце концов смилостивился? Или он определил вас служанкой к своей принцессе Кимберли?

Лиа глубоко вздохнула:

— Мой отец умер, а братьев и сестер взяли в семьи других плантаторов. Мне... хотелось уехать на запад, где никто меня не знает. Невестка Уэсли дала мне денег на то, чтобы открыть ткацкую мастерскую, а Уэсли позволил мне уехать с ним.

Джастин помолчал, и Лиа пыталась понять, поверил ли он в заключительную часть ее рассказа.

— Где вы обучились умению держать себя? — спросила она.

— У жены Макалистера. Она английская леди. А вы?

С улыбкой Лиа рассказала о том, как Риган и Николь преобразили ее. Она стала понимать: для него не имеет значения, что она из семьи Симмонс. Должно быть, не все мужчины похожи на Уэсли. Возможно, на новом месте о ней не будут судить по тому, кем был ее отец.

— Правду сказать, успеха они добились. — Джастин засмеялся и встал с земли. — На сегодня хватит серьезных разговоров. Теперь идем смотреть водопад.

Он взял ее за руку и повел вверх по крутому каменистому склону. На вершине находился водоем и небольшой водопад, скрытый между камнями.

— Не из самых больших, что мне доводилось видеть, но из самых укромных. Хотите вымыться?

Лиа подозрительно прищурила глаза.

Он не обратил внимания на ее очевидную подозрительность:

— Полезайте в воду первой, я подожду вас внизу. Когда закончите, крикните мне. — Он повернулся и ушел.

Лиа немного поколебалась, а потом разделась и опустилась в воду. Взятым для стирки мылом она вымыла голову и прополоскала волосы в водопаде. Сила воды едва не увлекла ее за собой. Выбравшись наконец на берег, она почувствовала себя лучше, чем за все последние месяцы. На душе ее больше не висел груз укрывательства собственного прошлого; ее ждал красивый мужчина; она уезжала в новые края, к новым людям; она умела ткать; а сейчас еще и вымыла голову. Что еще нужно женщине от жизни?

Смеясь, она спустилась к подножию горы, где ее ждал Джастин.

— Я мигом вернусь, — бросил он и побежал к вершине, чтобы тоже помыться.

Обретя новую энергию, Лиа опустилась на колени и принялась за стирку. Скоро появился Джастин. С гримасой он принялся вместе с ней полоскать белье.

— А эта маленькая изящная штучка принадлежит принцессе Кимберли? — спросил он, держа в руке полупрозрачную сорочку, отделанную крохотными шелковыми оборками.

Покраснев, Лиа выхватила ее из рук Джастина:

— Это мое.

— Вот как? — Он вопросительно поднял бровь. — Тогда, значит, это принадлежит ее светлости. — Он поднял пару заношенных до желтизны и порванных в поясе панталон. — Снаружи она леди, только не там, где это действительно важно. Сделаем для нее доброе дело, потеряем их.

И не успела Лиа моргнуть глазом, как Джастин швырнул затрепанные панталоны в реку.

— Нет! — воскликнула Лиа. Рассмеявшись, она подобрала юбку до колен и бросилась в реку за панталонами, которые стремительно уплывали вниз по течению.

Джастин бросился за ней в воду, подхватил панталоны и, схватив Лию за руку, слегка толкнул, так что она едва не упала.

— Осторожно! — Он улыбнулся, когда Лиа вцепилась в него. Он обнял и начал целовать ее, и ей это понравилось гораздо больше, чем его первый поцелуй.

Они не слышали, как Уэсли шел к ним, шумно брызгая водой, пока он не схватил Джастина за плечо и не толкнул его в реку.

— Вот так-то на тебя можно полагаться! — заревел Уэсли. — Ты всегда нападаешь на женщин, которых тебе поручено опекать?

Джастин выскочил из воды, кипя от ярости, и Лиа поняла, что сейчас начнется драка. Она встала между ними:

— Ты не смеешь вторгаться в мою жизнь! — закричала она, обращаясь к Уэсли.

— Вторгаться? — бросил он в ответ. — Ты — моя... ты моя подопечная, — закончил он. — Черт тебя побери, Джастин, а что бы ты делал, если бы застал свою собственную сестру с мужчиной в таком положении?

— Я бы потребовал, чтобы он на ней женился, — спокойно ответил Джастин. — Я уезжаю, Уэс. Не хочу, чтобы началась драка. Не хочу, чтобы между мужем женщины и ее родственниками угнездилась ненависть.

Он выбрался из воды и направился к своей лошади.

Уэсли молчал, пока лошадь Джастина не тронулась с места.

— Что он называет «мужем»? — спросил он тоном обвинителя.

Лиа подхватила белье Ким, которое затянуло под топляк, и стала выбираться из воды. Юбка промокла, поэтому поднимать ее больше не было надобности.

— Я задал тебе вопрос, — требовательно заявил Уэс, когда они выбрались на берег.

— Можешь успокоиться. Если тебя волнует именно это, я ничего ему про нас не сказала, — бросила она ему. — Я не запачкаю твое незапятнанное имя Стэнфорд. А теперь, если ты не против, я должна перестирать одежду твоей невесты.

Губы Уэсли напряглись:

— Это вы о Ким так долго разговаривали? Она бросила мокрые панталоны Ким к его сапогам:

— Тебя это может удивить, но мы, люди низшего слоя, не ведем разговоры о личностях более достойных, чем мы.

— Когда я приехал, мне почему-то не показалось, что вы много разговариваете. Вы оба промокли. Вы купались вместе? Ты опять позволила ему раздеть себя? — Он взял ее за плечи и обнял. — А когда он поцеловал тебя, ты почувствовала то же самое, что и от моих поцелуев?

Лиа много бы дала, чтобы сохранить спокойствие при прикосновении Уэсли, но не смогла сопротивляться. Это было не так, как после поцелуя Джастина, это была капитуляция. Он сильно прижал ее к себе, целуя в губы, и Лиа больше ничего уже не видела и не слышала. Мысли о ненависти исчезли, она вообще ни о чем не могла думать.

Когда Уэс разжал объятия, она была в шоке и едва удержалась на ногах.

— Как я понял, в объятиях Джастина тебе так хорошо не было, — изрек Уэс с таким самодовольством, что глаза Лии широко раскрылись.

Всем своим существом она поняла, что должна согнать с его лица улыбку. Без раздумья она прибегла к приему, которому ее обучил брат: она ударила коленом между ног Уэсли.

Он тут же рухнул на землю, а Лиа бросилась к его лошади, вскочила верхом и поскакала к их лагерю. Вспомнив, что ему придется возвращаться пешком, она засмеялась, но спустя несколько минут остановила лошадь. Что если она ранила Уэсли? Рассердиться она имела право, но не чувствовала за собой права причинить ему боль.

Она по-прежнему пребывала в сомнениях, когда с дерева спрыгнул Уэсли и схватил лошадь под уздцы.

— Каким образом?.. — хотела спросить Лиа. Но он не ответил и повел лошадь назад к водопаду.

Ей не понравилось выражение слепой ярости на его лице, она не осмелилась заговорить с ним. Не собирается ли он расправиться с ней?

На берегу реки он остановился.

— Слезай и принеси белье, — приказал он, и голос его был жестким. Лиа повиновалась.

Он вскочил в седло, взял из ее рук мокрую одежду, протянул ей руку и помог сесть за своей спиной. Она испугалась, взглянув на его лицо, боялась спорить с ним. Сидя в седле, Лиа старалась не касаться его, не хотела, чтобы он помнил о том, что она рядом.

По дороге лошадь оступилась, и Лиа едва не упала.

— Если тебе тошно касаться меня, хотя бы держись за чертово седло, — пробурчал он, и на этот раз Лиа не стала спорить.

Всю дорогу до лагеря они молчали. Если раньше Лиа и думала, что Уэс ее ненавидит, то теперь бешенство как бы пронизывало его существо. Тот, кто осмелился бы коснуться его, обжег бы себе пальцы. Лиа всеми силами старалась этого избежать.

Глава 10

Спустя два дня они встретили семью Гринвуд — Хэнка, Сейди и трех их маленьких сыновей. Лиа предложила им дальше ехать вместе. Последние два дня общество Ким, Уэса и Джастина не приносило ей радости. Уэс все время не спускал с нее сумрачного взгляда, Джастин же обращался с ней так, будто она вот-вот рассыплется, и Лиа уже начала испытывать раздражение из-за его чрезмерной заботы. Ким, видимо, не испытывала подобных ощущений и требовала от Уэса все большего и большего внимания.

Гринвуды и их шумные, подвижные ребята помогли, хотя бы отчасти, избавиться от возникшего напряжения. По дороге им встретилось множество переселенцев, которые двигались и в Кентукки, и еще дальше на запад. Их влекли неописуемые богатства: плодородные нераспаханные земли, получить которые ничего не стоило. Угрозы со стороны индейцев больше не существовало, а Кентукки уже был штатом, поэтому они чувствовали себя в безопасности, защищенными от тягот. Некоторые из путников собрались в дорогу тщательно, их фургоны были загружены вещами. Эти люди распродали свои фермы, чтобы на вырученные деньги купить новую землю на западе. Но многие переселенцы просто бросили привычные, обжитые места, и за ними тянулись их семьи, не имевшие ничего, кроме одежды да мешка с провизией.

На пути переселенцев во множестве расположились гостиницы, но, несмотря на царившую в них грязь, за ночлег и еду здесь запрашивали чрезмерно высокую плату, и путники были вынуждены платить.

Лиа вспоминала собственное детство, когда ей на глаза попадались семьи с изможденными, измученными детьми, в лохмотьях, покорно бредущими на запад вслед за своими родителями. Она начала украдкой подкармливать некоторых из детей, скрываясь, чтобы Уэсли этого не видел — ведь продукты были куплены на его деньги. Вечером того дня, когда им встретились Гринвуды, ее попутчики сидели вокруг костра, и Лиа робко предложила дать немного припасов вставшей лагерем неподалеку от них семье, в которой было несколько детей.

Это был один из немногих случаев, когда Ким проявила решительность.

— А вам не кажется, что вы чересчур вольно распоряжаетесь чужим добром? — спросила она. — Люди должны привыкнуть сами заботиться о себе. Если мы начнем раздавать им все, они никогда не научатся полагаться на свои силы и будут рассчитывать на то, что мы станем их кормить.

Какое-то время все молчали, и когда разговор возобновился, то касался он совсем иных дел.

В ту ночь Лиа долго не засыпала, а когда решила, что все уже спят, отбросила одеяло, бесшумно подкралась к фургону, достала приготовленный тайком мешок со съестными припасами и в темноте направилась к заночевавшей поблизости семье. Детей у них было четверо, и они везли с собой ручную тележку со своим добром. Лиа беззвучно опустила принесенный мешок с едой рядом с тележкой и направилась было к своему фургону. Однако едва она сделала несколько шагов, как раздался шепот Уэса, и от неожиданности девушка вздрогнула.

— Тише, ты их разбудишь. — Уэс жестом позвал ее за собой в сторону леса.

Лиа сглотнула застрявший в горле комок, зная, что он застал ее за кражей принадлежавшей ему провизии. Она взмолилась, чтобы он не отправил ее домой, в Виргинию. Когда Уэс остановился, Лиа замерла на месте, но не осмелилась взглянуть ему в глаза.

— Что ты дала им? — спросил он.

— Бекон, муку и к-к-картошку, — ответила она, запинаясь. Лиа с мольбой посмотрела на него. — Я верну тебе деньги. Я не собиралась брать твои припасы тайком. Просто у этих людей такой голодный вид, и...

— Тс-с-с, — прошептал он, и в лунном свете на его лице появилась улыбка. — Посмотри-ка.

Повернув голову в ту сторону, куда он указывал, Лиа увидела костер путников, огороженный насыпью. Около тележки лежал ее мешок, а рядом с ним еще один, точно такой же. Она резко повернулась к нему.

— Это твой? — удивленно спросила она. Он улыбнулся:

— Мой. Мне тоже было не по себе оттого, что эти люди голодают.

Минуту они молчали, думая об объединившей их тайне.

— Ты давно?.. — начал Уэс.

Лиа опустила глаза на свои босые ноги.

— С самого начала. Поэтому я и согласилась взять на себя обязанность следить за припасами. Никто, кроме меня, не знает, сколько их у нас, и я рассчитываю, сколько можно отдать. И никто этого не заметит. Я не хотела брать провизию украдкой, — продолжала она, глядя на Уэса.

— Я могу позволить отдать немного картошки, — отозвался он. — Полагаю, еще что-то осталось? Лиа почувствовала себя виноватой:

— Очень мало. Я собиралась вскоре сказать тебе об этом, однако...

Он насмешливо фыркнул:

— Уверен, что ты сказала бы, когда этого избежать уже было бы невозможно. Утром составь мне список необходимого, и я все добуду. Может быть, тебе придется удвоить количество всего, что нам потребуется. А теперь пора возвращаться, пока нас не хватились.

Лиa заколебалась.

— Уэсли, — пролепетала она. — Я не умею писать. Как же я составлю список?

Он повернулся, взглянул на нее, и Лиa покраснела. Прежде она бросилась бы в его объятия. Да, надо забыть, что некогда она его любила.

— Думаю, тебе придется поехать со мной, — прошептал он так тихо, что она едва расслышала.

Они вместе вернулись к своим фургонам. Уэсли проводил Лию к ее постели, и когда они остановились, заговорщически подмигнул ей и направился к своему фургону.

Улыбаясь, Лиa заснула.

Наутро ей не хотелось смотреть на Уэсли, потому что она боялась увидеть в его глазах ненависть. Вдруг происшедшее ночью окажется лишь сном!

— Вы и вправду согласны, чтобы мы ехали с вами? — в сотый раз спросила миссис Гринвуд. Лиa улыбнулась:

— Разумеется, согласны. Мне очень хочется побыть с вашими ребятами. До отъезда я всегда жила в окружении детей, и теперь мне недостает их.

Сейди Гринвуд засмеялась:

— Их может оказаться больше, чем вам хочется. Трое моих — это уже не мало.

Тем временем самый маленький заплакал.

— Я помогу, — сказала Лиa и бросилась к упавшему мальчику по имени Эйса. Он не боялся чужих, поэтому прильнул к Лиe, и когда она взяла его на руки, на глазах ее выступили слезы.

— Все в порядке? — спросил Уэсли, подойдя сзади. Он, видимо, наблюдал за ней и пришел как раз в тот момент, когда она нуждалась в нем.

— Мой ребенок был бы примерно его возраста. — Лиa сдержала слезы, обнимая мальчика, который перестал плакать. Она направилась к фургонам.

— Наш ребенок, — пробормотал Уэс, но она его не услышала.

Следующие несколько дней оказались приятными. Лиa ехала вместе с миссис Гринвуд, они обменивались опытом. Сейди давала рецепты разных блюд, Лиa рассказывала, как готовить кремы для ухода за лицом и телом, и без усталости они говорили о детях.

— А кого из этих мужчин ты выберешь? — спросила Сейди.

Лиa, не повернув головы, продолжала смотреть на лошадей.

— Не знаю, на что вы намекаете. Сейди рассмеялась:

— Сначала я думала про Джастина, потому что он постоянно тебя опекает, но красавец Уэсли глаз с тебя на сводит, потому я и спросила его, близкие ли вы родственники.

— Ты его спросила? — Лиа поперхнулась.

— Много лет назад я поняла, что изжить в себе любопытство мне не удастся, и Хэнк тоже это понял. А может быть, он просто отчаялся в успехе и оставил меня в покое. Это мой бич, я всегда интересуюсь чужими делами.

— И что же сказал Уэсли про наши родственные отношения? — тихо спросила Лиа. Сейди искоса посмотрела на нее:

— Он сказал, что вы — двоюродные брат и сестра; не по крови, а через брак родственников. Лиа засмеялась.

— Воистину это так, — ответила она и, чтобы сменить тему разговора, стала расспрашивать Сейди о детях.

В тот вечер Сейди впервые повздорила с Кимберли. Началось это вполне невинно. Сейди привыкла брать на себя инициативу, распределять работу между окружающими. Лиа, Уэс, Джастин и Хэнк ухаживали за скотом, а Сейди готовила ужин и возилась с детьми, которые, проведя целый день в фургоне, были непоседливы. Она стала давать работу и Кимберли. Сначала Ким шла ей навстречу, подчинялась, однако, получив подряд пять разных поручений, отставила сковородку, пробормотала: «Мне нужно отлучиться в лес», и вернулась только тогда, когда все уже приступали к еде.

За ужином Сейди все время молчала, но дважды, когда Ким послала Уэса что-либо принести ей, она недоброжелательно посматривала на нее. После ужина Лиа стала убирать посуду, и тут Сейди встала во весь рост и громко заявила:

— Пожалуй, мисс Кимберли должна убирать, раз она не снисходит до работы, когда нужно разбивать лагерь или стряпать.

Казалось, ее муж был готов провалиться сквозь землю.

— Слушай, Сейди, — попытался вмешаться он. — Я помогу с уборкой.

Кимберли уже была возле фургонов, очевидно собираясь уклониться от работы.

Лиа взглянула на Уэса, но тот как раз изучал свою тарелку. Джастин с интересом рассматривал Сейди, а она стояла на своем:

— Ни утром, ни в обед помощи от нее не было. И за животными ухаживать она не помогала, и ужин не готовила. Лошадьми она управлять не хочет, грузить и разгружать вещи — тоже. Я не хочу никому прислуживать, Хэнк Гринвуд, я свободная американка.

Кимберли была слишком ошеломлена, чтобы говорить, и с мольбой обратила свой взор на Уэса.

Он медленно поднялся.

— Идем, Ким, — тихо позвал он. — Я помогу тебе убрать посуду.

Все тут же разошлись. Хэнк схватил Сейди за руку.

— Теперь ты довольна, устроив сцену? Их дело решать, кто чем занимается в лагере. — И он увлек ее в сторону.

Ким зарыдала.

— Почему ты позволил ей говорить про меня такое? — Заливаясь слезами, она упала на руки Уэсли. — Ты же знаешь, что я не такая сильная, как вы. Жаль, что я не такая, как Лиа, но мне это не по силам. И никого не трогает, что смерть Стивена расстроила меня. А мне трудно привыкнуть к тому, что он погиб. Уэсли, умоляю тебя, не оставляй меня. Ты так мне нужен. Я не смогу жить без тебя.

Лиа не двинулась с места, пока Уэс на ее глазах утешал Кимберли.

— Пойдем, — позвал Джастин и увлек Лию за руку во тьму.

— Сейди сказала именно то, что меня подмывало сказать уже давно. Поражаюсь, как Уэс может терпеть ее.

Лиа вырвалась из его рук.

— Мне надоело выслушивать от всех вас, насколько Ким плоха. А может быть, она чувствует вашу неприязнь, поэтому и не хочет помогать. — Она замолчала. — Простите меня. Видно, я просто очень устала. Пожалуй, мне нужно вернуться.

Резко повернувшись, она побежала к лагерю. Уэсли в это время наливал в кастрюлю горячую воду, чтобы мыть посуду, а Ким, надувшись, готовилась вытирать ее.

— уйди, — мягко попросила Лиа, обращаясь к Уэсу. — Мы с Ким помоем посуду.

Она едва взглянула на него, но он тут же удалился.

— Я не хотела... — заговорила Ким. — Эта женщина просто ужасна. Известно ли ей, что мой брат погиб совсем недавно?

Лиа принялась мыть посуду.

— Как мне кажется, она считает, что даже горе не причина, чтобы отлынивать от работы. Завтра утром держитесь ко мне поближе, и я помогу вам заниматься делом.

— Но я ведь все время занята, Лиа. Мне постоянно приходится столько делать. Я должна быть красивой ради Уэсли, и уход за волосами занимает у меня столько времени. Иногда я хотела бы походить на вас и не огорчаться, когда у меня на одежде появляются жирные пятна или сажа на носу. Вы нравитесь Джастину такой, какая есть, но Уэсли хочет, чтобы я была красива, и мне приходится ему подчиняться. Неужели никто этого не понимает?

Лиа потерлась щекой о свое плечо и посмотрела на собственное платье. И правда, на нем были грязные пятна.

Ким подошла к Лие и зашептала:

— Уэсли начинает меня беспокоить. Он уже не целует меня так часто, как раньше. Прежде он все время старался касаться меня, а сейчас только поглядывает.

— Ким, — раздраженно отозвалась Лиа. — Зачем вы мне это рассказываете? Разве я могу помочь вам?

— Просто мне подумалось, что вы умеете завлекать, потому что вы... потому что вы — не девственница, и мне казалось, что ваша сестра, наверное, вам кое-что подсказала. — Увидев, какое выражение появилось на лице Лии, она смолкла. — Я не хотела вас обидеть, — спустя несколько секунд заявила она с оскорбленным видом. — Просто я подумала, что вам известны разные уловки.

— Кимберли, помойте-ка посуду, — спокойно заявила Лиа и ушла.

Ночью Лию разбудило прикосновение к плечу. Открыв глаза, она увидела склонившегося над ней Уэсли.

Он прижал палец к губам и жестом позвал ее за собой. Она быстро надела платье и направилась вслед за ним в лес. Отойдя от лагеря подальше, он повернулся к ней.

— Примерно в миле отсюда, позади нас, ночует семья, которой нужна помощь. Я приготовил для нее сверток с разными вещами и решил, — может быть, ты поможешь мне отнести их, если только не слишком устала?

Он был похож на мальчишку, который боится, что ему откажут.

— Я с радостью помогу тебе, — ответила она. Довольно долго они шли молча.

— Красивая ночь сегодня, правда? — заметил Уэс.

— Очень.

— У тебя с Джастином была стычка? — спросил он без обиняков.

Лиа с вызовом посмотрела на него:

— А у тебя с Кимберли была стычка? Он усмехнулся, она усмехнулась в ответ.

— Он ведь нравится тебе? — настаивал Уэс.

— Он — человек моего круга. Мы оба выросли в бедности.

— Вот оно что, — заявил Уэс. — У меня всегда были деньги, но всегда рядом был и Тревис. Пожалуй, я отказался бы от денег, если бы мог жить без надзора Тревиса.

— Такое способен заявить только богатый человек. Брат, каким бы он ни был, не может быть хуже, чем бедность.

— Во всяком случае, ты имела право на собственное мнение. Тревис же всегда внушал мне, что именно я должен думать. Вот поэтому Ким... — он осекся.

— Поэтому что — Ким? — спокойно спросила Лиа.

— Ким во мне нуждается, — упрямо ответил он.

— Ким действительно в чем-то нуждается, — отозвалась Лиа. — Только вряд ли кому-нибудь известно, в чем. А это и есть тот лагерь?

— Нет, их ночевка дальше. Трудно понять, почему они устроились в небольшом каньоне. Если бы начался дождь, они бы не успели выбраться. Ты согласна лезть в гору в темноте?

Лиа кивнула, но позже пожалела, что не выяснила у него смысл слов «лезть в гору». Им пришлось буквально вжиматься в каменную стену, чтобы потом добраться до дна каньона. Первым спустился Уэсли, а когда Лиа оказалась над ним, он взял ее за щиколотки, провел руками по ее ногам, бедрам — Лиа подумала, что нужды в этом нет, — потом снял ее со стены и опустил на землю. Она уже приготовилась сказать, что думает о его поступке, но он улыбнулся так обезоруживающе, что она засмеялась. Взяв Лию за руку, он повел ее по каньону.

— Вот они, — показал он. — Жди здесь, а я отнесу мешок, потом мы отправимся в обратный путь.

Лиа присела за камнем и смотрела, как Уэс пробирается к спящим путникам. Она ощущала себя чуть ли не преступницей, ей казалось, будто они совершали нечто предосудительное, глубокой ночью украдкой подбираясь к спящим.

Уэсли как раз входил в лагерь, когда с противоположной стороны появился человек с длинноствольным охотничьим ружьем, рядом с ним бежала большая собака. Лиа сразу поняла — быть беде. Когда Уэс заметил человека с собакой, Лиа встала из-за камней. Уэс приветственно поднял руку, но собака зарычала и бросилась на него, а незнакомец вскинул ружье. Уэсли благоразумно бросил мешок, повернулся и побежал к Лие.

— Беги! — закричал он, перекрывая шум голосов и лай собак.

— Вернись, вор, мошенник! — раздался голос совсем рядом с Уэсом.

Лиа подобрала юбки и во всю прыть помчалась вперед, лишь немного опережая Уэсли.

Раздался выстрел, эхом прогремевший в воздухе. За ее спиной что-то прорычал Уэс, но когда Лиа оглянулась, он толкнул ее в плечо.

— Поднимайся по чертовой стене! — рявкнул он. Лиа тут же почувствовала, что его широкая рука подхватила ее за ягодицы и так сильно толкнула вверх, что она оцарапала щеку о камень. Она взлетела, перекатилась через край и поползла на четвереньках, а потом бросилась бежать изо всех сил. Уэсли догнал ее и сильным толчком повалил на землю. Именно в эту секунду над их головой прогремел еще один выстрел.

— Что это? — с трудом спросила она, лежа под ним.

— Молчи! — прошипел он, прикрыв ее голову своими руками и защищая своим телом. У Лии от страха перехватило дыхание.

— Они убежали! — донесся чей-то голос снизу. — Ну, я не собираюсь лезть за ними наверх. Теперь, прежде чем воровать, они хорошенько подумают.

Они долго лежали, боясь произнести хоть слово.

— Уэсли, мне трудно дышать, — едва проговорила Лиа.

Он скатился с нее, встал и взял за руку:

— Давай выбиратья.

Они побежали, и Уэс тащил ее за собой. Вскоре они остановились, тяжело дыша, и прислонились к дереву.

Отдышавшись, они переглянулись. Первым улыбнулся Уэсли.

— Вот она — награда за деяния доброго самаритянина.

Лиа тихонько засмеялась:

— Нас могли убить.

Уэс улыбнулся еще шире:

— Интересно, что он подумает, когда найдет мешок с провизией?

Лиа не смогла сдержать смех.

— Хорошо, если собака не доберется до еды раньше. Знаешь, Уэсли, я в жизни так быстро не забиралась на гору. Мне даже показалось, что ты собираешься перекинуть меня через вершину горы.

— Я этого и хотел. Собака подбежала ко мне так близко, что я ощутил ее дыхание. — Он засмеялся. — Ты не ранена?

— Всего несколько царапин и синяков. Завтра у меня все будет болеть. А ты не ранен? Он продолжал смеяться:

— Бок кровоточит, но не сильно. Она сразу осеклась.

— Покажи! — потребовала она и стала расстегивать его рубашку.

— Женщина, тебе действительно не терпится раздеть меня. — Он улыбнулся ей с высоты своего роста.

— Помолчи, Уэсли, — ответила она спокойно, расстегивая пуговицы. В лунном свете она увидела две глубокие царапины.

— Ничего страшного, но их надо промыть.

— Слушаюсь, мэ, — радостно откликнулся он, и они двинулись к ближайшему ручью.

Уэсли снял рубашку, а Лиа тем временем оторвала кусок нижней юбки, чтобы промыть царапины.

— Ну что бы делали мужчины, не будь у женщин нижних юбок? — негромко сказал Уэс. — Ты хорошенькая юная женщина, Лиа, — прошептал он и коснулся ее подбородка; она подняла на него глаза.

Между ними как бы проскочил электрический разряд; пляшущий свет луны на воде подталкивал их друг к другу.

Пальцы Лии, которые касались царапин на боку Уэса, двинулись по его теплой смуглой коже к

темным завиткам волос на груди. Когда его губы приблизились к ее лицу, она была не в силах шевельнуться.

— Мы ведь пока еще женаты, — шепнул он. Лиа спохватилась:

— Если ты, Уэсли Стэнфорд, пытаешься меня соблазнить, у тебя ничего не выйдет. Так вот! Сам промойвай свои раны. — И она бросилась назад к лагерю.

Схватив рубашку, Уэс побежал за ней.

— Честное слово, Лиа, я ничего дурного не хотел, — крикнул он с мольбой. — Просто мне подумалось... Остановившись, она резко повернулась к нему:

— Ты решил, что я — доступна и нахожусь под рукой, поэтому ты добьешься своего, правда ведь? А почему ты не пригласил свою невинную Кимберли прогуляться этой ночью и не попытался соблазнить ее? Потому что она хорошая, а я плохая? Можно попробовать получить кое-что у одной из Симмонс, но нельзя этого добиваться от леди вроде мисс Шоу. Так вот, ты ошибся! Однажды я отдалась тебе, потому что мне этого хотелось. В следующий раз я сама выберу мужчину, который меня не обманет.

— Ты говоришь про Джастина? — сердито спросил Уэс, затем тон его изменился. — Лиа, я не собирался тебя обманывать. Все произошло само собой. Я вовсе не собирался соблазнять тебя потому, что решил, будто ты искусенная женщина. Ведь ты красивая и...

— И, значит, подойдет любая красивая искусенная девушка?

Выражение лица Уэсли изменилось, гордость одержала верх над его смятением:

— Я — не Джастин, а ты не Кимберли, так что мы квиты.

И он поспешно направился к лагерю. Гнев Лии сразу иссяк. Она поняла, что была не права, а прав был Уэсли. Случившееся не было замыслено заранее, она напрасно все испортила. Она хотела было позвать его, но сдержалась. Так будет лучше. Последнее время отношения между ними стали слишком тесными. Ее любовь должна угаснуть к тому времени, когда придет пора расставаться, когда он заключит брак с Кимберли. Да, лучше держаться в стороне от Уэсли и обратить все внимание на Джастина. Возможно, он поможет ей избавиться от тех чувств, которые она когда-то питала к Уэсу.

Глава 11

Для Лии не составило труда все свое внимание обратить на Джастина. Он всегда был рядом с ней, всегда был готов помочь. Он часто улыбался ей и дарил цветы.

Как-то вечером, когда Лиа стояла около фургона, держа подаренные Джестином полевые цветы, к ней подошла Сейди.

— Стало быть, ты решила выбрать того, что поменьше, — сказала она.

— Вряд ли Джастина можно назвать маленьким, — ответила Лиа, не скрывая, что поняла намек. — Кстати, речь и не идет о выборе. Уэсли Стэнфорд обручен с Кимберли и очень ее любит.

Сейди хмыкнула:

— Может, так оно и было раньше, но только до тех пор, пока ему не пришлось проводить с ней все время.

— Что ты хочешь сказать?

— Не надо изображать из себя невинность, юная леди, — заворчала Сейди. — Я-то вижу: ты чувствуешь, что происходит между ними.

— Я ничего не заметила, — ответила Лиа. — К тому же дела Уэсли меня не касаются. Мне кажется, я начинаю влюбляться в Джастина.

Бормоча что-то себе под нос, Сейди направилась в лес, чтобы вылить из кастрюли грязную воду.

Спустя два дня они разбили лагерь на ночь рядом с тремя семьями, в одной из которых были скрипачи, и всех пригласили на импровизированные танцы.

Лиа долго выбирала платье, мылась и расчесывала волосы, пока они не стали блестеть подобно расплавленному рубину. Она надела платье из темно-розового шелка с глубоким вырезом, которое при ходьбе сверкало, вплела в волосы ленты еще более глубокого розового цвета и повязала такие же ленты на талии под грудью.

— Ты похожа на принцессу, — с восторгом заявил ей старший сын Сейди.

На танцы собралось пять женщин и пятнадцать мужчин, в том числе четверо сыновей одной из попутчиц — высоких, красивых, энергичных. Они сразу подхватили Лию и Кимберли за руки и увлекли за собой, шумно и весело танцуя вокруг костра, на котором варился ужин.

— Мне это не нравится, — заявила Кимберли, переводя дыхание в перерыве между танцами.

Не успела Лиа ответить, как очередной партнер увлек ее на танец.

— Похоже, тебе это нравится, — спустя некоторое время заметил Уэсли, когда она оказалась в его объятиях.

— Не хочу ссориться с тобой, — ответила она, наслаждаясь музыкой и светом луны.

— Ты такая красивая, Лиа, — прошептал Уэсли. — Ты так изменилась после...

Он смолк, услышав настойчивый призыв Кимберли с противоположной стороны лагеря: «Уэсли!»

— Тебе лучше пойти, — сказала Лиа, пытаясь освободиться.

Уэсли не выпускал ее руки из своих:

— Пока не хочу. Я пойду, когда буду готов, — процедил он сквозь зубы.

Она холодно посмотрела на него и решительно ответила:

— Ты пойдешь, когда мисс Шоу потянет за поводок. А теперь, если ты позволишь, я хотела бы потанцевать с кем-нибудь другим.

Когда она ушла, ее стало трясти. Увидев Джастина, она схватила его за руку и прошептала:

— Мне хочется уйти от этой толпы.

Джастин увлек ее в лесную темень.

Как только костер скрылся из виду, Лиа бросилась в объятия Джастина и поцеловала его в губы. Ей нужно было почувствовать себя женщиной. Ее утомили ощущение отверженности, чувство заброшенности. Она швырнула свое тело и любовь к ногам Уэсли, а он воспользовался этим, а потом заявил, что больше в ней не нуждается. Кимберли восседала на троне, а Уэсли стоял перед ней на коленях, осыпая ее подарками.

— Выходи за меня замуж, — прошептал Джастин, целуя ее лицо и шею. — Сегодня же выходи за меня замуж.

Она отпрянула:

— Ты не обязан жениться на мне. То, что я иногда... бросаюсь на мужчин, не означает, что один из них должен на мне жениться. Или навсегда взять меня в жены, — добавила она.

— Лиа! — Джастин схватил ее за плечи. — Не знаю, о чем ты говоришь. Я люблю тебя. Я люблю тебя с первой минуты и хочу на тебе жениться. Хочу, чтобы ты стала моей женой и жила со мной.

— Надолго ли? — бросила она в ответ. — Разве у тебя дома нет девушки? — Она отстранилась. — Я не могу стать чьей-либо женой.

Повернувшись, она побежала к лагерю. Когда она оказалась около фургонов, до нее донеслись голоса Уэсли и Ким.

— Не хочу туда возвращаться, — говорила Ким, и чувствовалось, что она вот-вот расплечется. — Я так устала, а эти мужчины постоянно меня обнимали. Мне это не нравится.

— Не похоже, чтобы тебе вообще нравились прикосновения мужчин, — ответил Уэсли. — Даже мои.

— Это не правда. Я согласна на то, чтобы ты прикасался ко мне, но только если не делаешь мне больно. Уэсли, прошу тебя, не спорь со мной. Я хочу спать.

Лиа не хотела подслушивать их разговор и подошла к ним.

— Я отведу Ким, — спокойно сказала она и обняла красавицу, которая уже приготовилась заплакать. Почему-то предложение Лии рассердило Уэсли.

— Ты можешь ей помочь, да? — процедил он сквозь зубы. — Ты можешь помочь кому угодно и при любых обстоятельствах. Это так? Могучая Лиа может одной рукой спасти мужчину, а другой воспитывать полдюжины детей. Нет такого, что было бы Лие не по плечу, не так ли? Она прекрасна даже в грязной одежде. — Он помолчал. — Иди помогать кому-либо другому. А Ким я сам помогу.

С этими словами он с силой оторвал Ким от Лии и увел ее к фургону. Пораженная, Лиа смотрела им вслед. Она в жизни не слышала ничего более странного, чем гневная тирада Уэса. Неужели он хочет, чтобы все женщины были такими, как Ким? В делах толка не будет, если все женщины просто сядут и начнут заниматься только своими волосами. Конечно, Уэсли не может не понимать этого. Как видно, он опять рассердился, потому что подумал, будто она

плохо относится к его любимой Кимберли.

Лиa решительно повернула в другую сторону. Ну почему она постоянно пытается угадать намерения Уэса? А ведь ей только что сделали предложение. И почему это Джастин решил на ней жениться?

Лиa легла в постель, голова у нее болела. Неожиданно она заплакала, но никак не могла понять, почему плачет.

В течение последующих трех дней шел дождь. Хляби небесные разверзлись и пролились потопом, которому, казалось, не будет конца.

Джастин управлял упряжкой, Лиa сидела рядом с ним, они ехали по глубоким грязным лужам, в которых застревали колеса. Их поливал дождь, и от него не спасали ни шляпы, ни промасленные плащи.

Уэсли оборудовал в фургоне место для Ким и носил ей туда еду. Дважды Лиa замечала, как Джастин нахально ухмылялся в лицо Уэсли, и подумала, что кончится это тем, что Уэс выбьет ему несколько зубов.

На четвертый день появилось бледное солнце, отражавшееся в грязевых лужах. Вечером они с трудом оборудовали лагерь для ночлега, бродя вокруг луж, размерами не уступавших рыбным садкам.

Лиa пробралась к фургону между двумя глубокими ямами, наполненными грязью. Лагерь пришлось разбить на некотором удалении, и теперь она тащила тяжелые связки одеял, пытаясь удержаться на ногах на узкой перемычке между лужами.

Около фургона стоял Уэсли, наблюдая за ней из-под полей шляпы. Его одежда? из оленьей кожи местами еще не просохла.

Лиa извлекла из фургона большой мешок со съестными припасами и пошла назад, в лагерь.

— Возьми, — предложил Уэс и протянул ей мешок, в котором, как она знала, лежала сковородка. — Она тебе понадобится.

Лиa посмотрела на мешок в своей руке, потом вернулась и взяла сковородку.

— И это тоже, — скомандовал Уэсли и набросил ей на плечо упряжь.

— Лучше я потом вернусь за некоторыми из этих вещей. — Лиa взглянула на свое плечо, потом перевела глаза на узкую полоску земли, по которой ей предстояло идти.

— Значит, ты не можешь нести все сразу? — спросил Уэс, подняв одну бровь.

— Пожалуй, нет, — начала она. В это время Уэс набросил ей на другое плечо сбрую еще одной лошади.

— И, конечно, это тоже. — Он перебросил ей на шею лямки мешка, который тяжело повис у нее на спине.

— Это все? — с отчаянием спросила она; под тяжестью груза ее ноги подогнулись.

— Пожалуй, все. Хотя нет, вот самое последнее — шляпа Джастина. — И он надел Лие на голову слишком большую шляпу, которая тут же сползла ей на глаза.

— Мне плохо видно, — еле выговорила она, откинув голову назад.

— Так тебя же это не должно слишком беспокоить. Лию ничто не остановит. Лиа способна на все. А теперь ступай — люди ждут. — Он взял ее за плечи, направил к узкой дорожке и слегка подтолкнул в спину.

Лиа была слишком занята тем, как пройти по узкой полоске земли между лужами, поэтому ей было не до размышлений о том, чего Уэсли добивается от нее. После первого же шага шляпа сползла ей на глаза. Она еще больше запрокинула голову назад, и от этого боль в спине от болтавшегося за спиной мешка стала еще сильнее.

Шагов десять она прошла довольно легко, а потом ее левая нога погрузилась в размокшую землю, и когда она попыталась вытянуть ее, то стала терять равновесие. К тому же одна упряжь сползла с ее плеча на руку. Она хотела подтянуть ее повыше, но тут выдернула ногу из грязи. Секунду она балансировала, а потом упала на спину прямо в жидкую липкую грязь.

Моргая, она села, не выпуская поклажу из рук. По ее лбу скользнула густая капля грязи, стекла на нос, а когда докатилась до губы, Лиа подула на нее.

Внезапно раздался смех Уэсли, и она подняла голову. Он стоял на сухой земле и, склонившись над Лией, насмешливо разглядывал ее.

— Похоже, кое-кому удалось найти такое дело, которое искусная Лиа выполнить не может. Ты решила, что сможешь тащить на себе половину вещей из фургона, ловко пробираясь через грязь. Похоже, однако, что у тебя ничего не получается, — заявил он, потешаясь.

Лиа подняла одну руку, и грязь потекла ей прямо под мышку; тогда она попыталась убрать намокшие волосы. Рядом с ней по воде плыла шляпа Джастина, уже начавшая тонуть. Она не могла понять, о чем говорит Уэсли, и стала медленно собирать мешки, прочую поклажу и складывать их на сухой земле.

— Ты даже не попросила о помощи, когда упала, — продолжал Уэс и взял из ее рук сумку с едой. — Не будь я поблизости, никто не помог бы тебе выбраться.

— Я бы здесь не оказалась, если бы ты так не нагрузил меня, — ответила она, снимая мешок, подвешенный ей на шею.

— А тебе, Лиа, никогда не хотелось сказать «нет»? — Он перестал смеяться. — Ну почему ты все должна делать своими руками? Почему ты никогда и никого не просишь о помощи?

Глядя на него, Лиа внезапно поняла, что погрузилась в грязь едва ли не по самую шею только из-за того, что он хотел преподать ей урок. Разумеется, временами она нуждалась в помощи! Но в последнее время она стремилась делать работу за себя и за Ким. Она пыталась помочь, защитить женщину, которую он любит.

Уэс не заметил, как выражение ее глаз изменилось. Он не заметил и того, как она опустила руки в грязную жижу, и когда протянул руку за последним мешком, Лиа швырнула полную пригоршню грязи в его улыбающееся лицо.

Когда он зафыркал, отплевываясь, она стала забрасывать его жижей. Наконец она

остановилась. Уэсли оглядел себя — он был весь покрыт комками грязи. Продолжая сидеть, Лиа подняла на него глаза.

— Думаешь, твоя Ким встретит тебя с распростертыми объятиями? — спросила она с улыбкой.

— Ах ты, маленькая!.. — крикнул он и ринулся на нее.

Лиа откатилась именно в тот момент, когда Уэс попытался ее ударить, и он шлепнулся в грязь лицом. Когда он поднял голову, на его лице выделялись только глаза, и Лиа рассмеялась.

— Уэсли... — сквозь смех проговорила она и стала подниматься. — Я помогу тебе.

Слабо улыбаясь, Уэс протянул ей свою грязную руку, но когда она взялась за нее, отдернул ее.

— Нет! — вскрикнула она и опять погрузилась в лужу. Теперь уже вся ее одежда была покрыта грязью.

— Ты — ужасный... — заговорила она. — Как ты мог сделать это? Ты посмотри на меня.

— Я такой, — ответил он со смешком. — Я такой. — Глаза его не отрывались от платья, облепившего ее грудь.

Трудно, просто невозможно сохранять достоинство, когда ты покрыта грязью с ног до головы. Лиа была вбешена: Уэсли сначала толкнул ее, а теперь еще и бросает на нее страстные взгляды. Она была сыта по горло его «играми». Она — не просто «тело».

Сжав кулаки, Лиа вскочила на ноги и бросилась на Уэсли. Смеясь, он развел руки в стороны, и когда она попыталась ударить его, он обнял ее, и они начали кататься.

— Хватит! — закричала она, вырываясь из его рук. — Уэсли!

— Не все тебе под силу, правда, Лиа? — Смеясь, он прижал одной своей сильной ногой обе ее ноги. — Или все?

Лежа под ним, она отбивалась из всех сил.

— Конечно, я не все могу. Я никогда и не говорила этого.

Он улыбался ей, его глаза и зубы белели на черном от грязи лице.

— " Ну ты и вымазалась.

— Благодарить тебя я не собираюсь, — резко ответила она. Но потом выражение ее лица смягчилось. Она не могла удержаться от смеха. У обоих вид был устрашающий. — Ты и сам не сверкаешь чистотой.

Она перестала отбиваться и посмотрела ему в лицо.

— Скажи, что ты не можешь сделать?

— Что? Уэсли, ты не мог бы повременить со своими дурацкими вопросами? Помоги мне встать, мне нужно помыться.

Маска из грязи на его лице оставалась неподвижной, и она толкнула его, но он по-прежнему

не шевельнулся. Тогда Лиа выдавила из себя:

— Есть много такого, что я сделать не могу.

— Что, например?

Ей пришлось немного подумать:

— Ты видел меня только за работой по дому. Я всегда занималась работой на ферме, поэтому умею хорошо выполнять ее.

— Я жду, — упрямо настаивал Уэс.

— Охота! — ответила она с удовольствием. — Как-то раз я пошла с братом на охоту и так напугалась, что ему пришлось отвести меня домой. Ночью мы услышали рев медведя, и мне стало страшно. Вот! Это я делать не умею.

— А что еще?

— С тобой невозможно разговаривать. У меня грязь даже в ушах! Пожалуйста, помоги мне встать. Ну, хорошо. Я не умею читать, писать, боюсь ружей, боюсь оставаться вдаль от людей. Я ненавижу тех, для кого имеет значение только то, что моя фамилия Симмонс. — Последнюю фразу она произнесла с немалой долей яда.

— Ружей, да? — отозвался Уэс, не обратив внимания на ее заключительные слова. Еще сильнее сжав ее в объятиях, он опять начал кататься с ней.

— Уэсли!

— Ружья и охота! — хохотал он, катаясь в грязи. А Лиа только прижималась к нему, чтобы не захлебнуться.

— Посмотрите-ка сюда! — раздался над их головой голос Сейди. — Ну чем не пара поросят, купающихся в грязи!

Лиа почувствовала, как под коркой грязи ее лицо покраснело, но Уэс по-прежнему улыбался.

— Как я слышал, вы, женщины, считаете, что грязь — это крем для красоты. Вот я и решил его попробовать, а Лиа согласилась показать, что с ним делают. Правда ведь, Лиа?

— Отпусти меня, нахал! — ответила она сердито.

— Уэсли! — раздался голос Ким. — Что это вы с Лией делаете вдвоем в грязи? Вы упали?

— Кажется, упали, — прошептал Уэс, обращаясь только к Лие и вопросительно глядя на нее. Он скатился с нее и посмотрел на Ким. — Лиа упала, и я бросился за ней.

В его голосе звучало нечто, похожее на вызов.

— О! — Ким хлопала ресницами. — Вряд ли люди могут плавать по грязи.

Надо было отдать Лие должное — ей удалось сдержать смех. Уэс начал медленно подниматься.

— Пожалуй, нам бы стоило почиститься. — И он протянул руку Лие.

Она не знала, можно ли опять довериться ему, но на этот раз его глаза смотрели серьезно, и она взяла его протянутую руку. Он поднял ее, обнял, и Лиа не стала сопротивляться.

— Уэсли... — раздался голос Ким.

— Я отведу Лию к реке, — ласково ответил он и обошел ее.

Посмотрев в лицо Уэсли, Лиа решила промолчать. Сзади раздался голос Сейди:

— Идемте со мной, Кимберли, я вам приготовлю какой-нибудь вкусный напиток.

На берегу Уэсли оставил Лию одну и зашагал в лагерь. Лицо его было хмурым.

Кимберли принесла Лие полотенце и чистую одежду.

— Лиа, вряд ли леди должна ложиться в грязную лужу с мужчиной, — заявила она озабоченно. — Мне кажется, это не вполне пристойно.

— Конечно, я это сделала без умысла, Ким. Я просто упала.

— А Уэсли помогал вам? — Ким хотела получить подтверждение.

Лиа только кивнула.

— Уэсли теперь не так любезен со мной, как раньше, — продолжала Ким. — Вчера вечером он был со мной ужасно груб, а сегодня вообще едва разговаривает.

Лиа замерла.

— А что вы сказали ему такого, что он начал грубить?

— Я говорила о том, что мы поженимся и что я этого очень жду и рада, что смогу нарядиться во все белое. Вы понимаете, из-за того, как произошла его первая женитьба, вы не могли... — Увидев лицо Лии, она запнулась. — Я ничего не хотела сказать про вас. Когда вы будете выходить замуж за Джастина, то сможете надеть белое платье. В Кентукки никто не узнает правду, и ни Уэсли, ни я никому ничего не скажем.

Вскинув голову, Лиа направилась к фургонам. Она так и забыла спросить, что же именно ответил Уэсли на речи Ким о ее целомудрии.

Глава 12

Спустя несколько недель они были уже неподалеку от Кентукки. Но вместо того, чтобы радоваться этому, Лиа стала беспокоиться — как примут ее, разведенную женщину, на новом месте. Уезжая из Виргинии, она хотела, чтобы хоть одна из Симмонс оставила о себе добрую память. Ей не хотелось, чтобы шли толки о том, как на ней женился джентльмен, но у него достало ума от нее отделаться. Когда она уезжала, ей казалось, что новое место далеко-далеко.

Но теперь она жалела, что не расторгла брак в Виргинии. В этом случае она бы приехала в Кентукки свободной женщиной. Теперь же ей придется начинать жизнь на новом месте с неприятностей, которые запятнают ее имя так же, как когда-то испортили репутацию всей ее семьи в Виргинии.

Сидя рядом с Джастинном, она хранила молчание. Он по-прежнему был готов на ней жениться,

хотя уже был осведомлен о том, что представляет собой ее семья. Но захочет ли какой-либо мужчина взять ее в жены, когда узнает, что она уже побывала замужем и родила мертвого ребенка? Ким знала, какое значение имеет ее девственность, и была готова любой ценой сохранить ее.

Риган и Николь говорили, что Лиа — настоящая леди, но она была в сомнении. Вот Ким и впрямь была леди. Все обращались к ней учтиво. Любивший ее мужчина всячески ей прислуживал. Он был преисполнен уважения к ней, и даже после долгого пути она все еще сохранила невинность. Но Лиа неизменно вызывала у мужчин влечение. Ким права: леди не станет барахтаться в грязи с мужчиной, не бросится на него, чтобы в конце концов оказаться беременной.

— О чем ты думаешь, Лиа? — спросил Джастин.

— Такими мыслями делиться не положено.

— А я надеялся, что ты обдумываешь ответ на мое предложение.

— В некотором смысле да. Тебе нужно знать обо мне кое-что.

— Меня смутить не так легко. Лиа, тебя что-то гнетет. Даже если ты не ответишь на мою любовь, я все равно друг тебе, и ты можешь рассказать мне все.

Минуту она молчала — ей очень хотелось верить ему. Однако, если сейчас она ему все расскажет, он никогда уже не захочет видеть ее, говорить с ней. Ей нужны были эти несколько последних дней игры, ей хотелось верить, что красивый мужчина готов на ней жениться, пока не узнает правду и не возненавидит ее.

— Надеюсь, дело не в Уэсли? — спросил он, не скрывая враждебности.

При этих словах она рассмеялась:

— Уэсли Стэнфорд меньше всего способен проявить ко мне интерес. Он влюблен в леди Кимберли и знать не хочет никого другого.

— Хотелось бы мне в это верить так же, как и ты. Лиа промолчала. Ее страшила встреча с новыми людьми, которые, возможно, будут считать ее бесчестной. Она помнит, как относились к ней те, кто знал ее семью в Виргинии. Сможет ли она вынести это в Кентукки? Может быть, ей следует расторгнуть брак с Уэсли в его городке Суитбрайар, и как только она получит свободу, сразу же уехать? Она молилась о том, чтобы ее прошлое не увязалось за ней.

В ту ночь на привале все были подавлены. Уэсли не поднимал глаз от тарелки, у Ким глаза покраснели и опухли. Джастин постоянно следил за Лией, а та совершенно механически занималась делами.

— Можно было бы радоваться тому, что дом уже близко, — со вздохом изрекла Сейди. — Но мне доводилось бывать на похоронах, где веселья было больше.

На следующий день Уэсли нанял одного юношу и послал его на свою ферму в Суитбрайар сообщить, что они скоро прибудут. От отчаяния Лиа едва не заплакала. Через несколько дней ему придется рассказать окружающим про свой брак и начать дело о его расторжении. Лиа спросила себя, пригласит ли Ким ее на свадьбу, чтобы она могла созерцать ее безупречное белоснежное платье?

По мере приближения к границе Кентукки настроение всех путников становилось все более мрачным. Как-то раз Джастин сердито упрекнул Лию за то, что она не приняла его предложение, видимо, надеясь, что все мужчины штата будут за ней волочиться. Лиа уткнулась лицом в ладони и заплакала. После этого Джастин свои нападки прекратил.

Дважды Лиа слышала, как Уэсли заявлял Ким о том, что слишком занят и не может принести ей то, что она просила. Ким удалялась в фургон спать. К тому времени, когда они добрались до Кентукки, она спала по двенадцать часов ночью и по три часа после обеда. Уэсли же ни с кем не разговаривал. Он по-прежнему выполнял свои обязанности, но углубился в себя и как будто не замечал окружающих.

— У молодого человека что-то на уме, — заявила Сейди, когда вместе с Хэнком просталась с попутчиками. — Надеюсь, он хочет решить, какую из женщин предпочесть.

Лиа подняла на нее глаза:

— Сейди, ты романтик. Уэсли влюблен в Ким уже много лет. Вероятно, он внушает себе, что должен терпеливо дожидаться свадьбы.

Она так и не решилась сказать при этом, что до их свадьбы еще далеко из-за одного неудобства, брака Лии и Уэса.

Лиа простилась с Гринвудами, радуясь, что они никогда не узнают о ней всю правду — о том, как она навязалась Уэсу, а он от нее отказался.

Их группа в безмолвии продолжала путь в кентуккский городок Суитбрайар.

На четвертый день после того, как Сейди, Хэнк и их дети уехали в другую сторону, к ним бешеным галопом прискакали двое: Оливер Старк, девятнадцатилетний брат Джастина, которого Уэсли нанял на работу, и Джон Хэммонд — высокий красивый мужчина лет тридцати с небольшим, с поседевшими раньше времени волосами.

— На ферме все в порядке, — сообщил Оливер, улыбаясь Уэсли и брату. — Долго, однако, вы сюда добирались.

— Не надеялся увидеть тебя здесь, Джон, — сказал Уэсли, протягивая руку.

— Тот парень, которого ты послал к нам, говорит, будто с вами едут две такие красавицы, каких ему видеть не доводилось. Похоже, он не ошибся, — ответил Джон, разглядывая женщин с ног до головы.

Ким потупилась Ее глаза, по обыкновению, были красны от слез.

— Хочу представить тебе дам, — ответил Уэс, но Ким, положив руку ему на плечо, взглянула на него с мольбой.

— Прошу, позволь мне поговорить с Лией, — прошептала она.

Подбородок Уэсли выпятился вперед, но он кивнул в знак согласия, повернулся к встречавшим и стал расспрашивать про ферму.

Озадаченная, Лиа направилась за Ким к задней части фургона; очевидно, Ким что-то смущало.

— Что с вами, Ким? — спросила она озабоченно.

— Уэсли совершенно невыносим, — резко ответила Кимберли. — Стоит ему принять решение, и переубедить его невозможно.

Лиа не могла поверить собственным ушам. Ее просит утешить женщина, которой предстоит стать женой ее мужа.

— Мне-то казалось, что вас это обрадует. Он решил на вас жениться, и даже нынешний брак с другой женщиной не заставит его передумать.

Ким недовольно посмотрела на Лию.

— Иногда он меняет свое мнение. Ему нужно время, чтобы на это решиться, но уж если такое произошло, он от своего решения не отступит.

— О чем вы говорите? Ой! — Лиа поскользнулась и едва не упала. Фургоны остановились на узкой дороге на краю крутого обрыва. Внизу текла река, по стенкам обрыва никакой растительности не было.

— Осторожно! — вскрикнула Ким. — Вы чуть не упали!

Лиа улыбнулась:

— Склон здесь не такой крутой и не опасен. Конечно, если только фургон на меня не опрокинется.

Ким пропустила ее слова мимо ушей и медленно заговорила:

— Лиа, мне нужна моя розовая шляпка. Она в коричневом сундучке в дальнем углу фургона. Я и сама могла бы достать ее, но вы лучше справляетесь с этим. Пожалуйста, достаньте ее.

Лиа заколебалась, но Ким продолжала настаивать:

— Скоро вы от меня избавитесь, и вам уже больше не придется меня выручать.

Лиа со вздохом согласилась.

В последнее время Ким была настолько подавлена, что Лиа не могла отказать ей. К тому же она радовалась любой возможности хоть ненадолго оттянуть их приезд в Кентукки. Она забралась в фургон и стала искать сундук.

Нахмурившись, Ким вернулась к группе мужчин, стоявших возле передней части фургона. Они углубились в разговор и даже не заметили ее. Она остановилась так, чтобы лошади отделяли ее от оврага. Убедившись в том, что мужчины заняты, она вытащила из шляпы булавку длиной четыре дюйма и решительно вонзила ее в круп лошади.

— Эй! — закричал Джон Хэммонд.

Ким испуганно посмотрела на него, поняв, что он все заметил.

Но никто не обратил внимания на его окрик, потому что лошадь вдруг попятилась, испугав остальных лошадей, и фургон начал медленно сползать к обрыву.

— О, черт возьми! — выругался Уэс, заметив, что происходит, потом вдруг забеспокоился. — Лиа! Где Лиа?

Ким смотрела прямо в глаза Джона Хэммонда, не в силах произнести ни слова. Уэсли не стал дожидаться ответа и бросился за фургоном. За ним мчался Джастин, а следом — Оливер и Джон. Ким неподвижно стояла на дороге.

Когда фургон остановился, позади него на земле валялись высыпавшиеся вещи. Лошади ржали от боли. Лию не могли нигде найти. Уэсли расшвыривал сундуки и мешки с припасами, тем временем Оливер выпряг лошадей.

— Где она? — спросил Уэсли, пока Джастин искал тело Лии на склонах обрыва.

— Ким наверху, — раздался рядом чей-то голос. Уэсли повернулся — за его спиной спокойно стояла Лиа.

— Что случилось? Лошади сильно поранились? Многие ли вещи можно спасти? — выпалила Лиа на одном дыхании и стала помогать Оливеру собирать лошадей.

— Черт бы тебя побрал! — прошипел Уэсли, а в следующую секунду обнял ее и поцеловал так, что ей стало больно.

— Уэсли! — Задыхаясь, она с трудом отталкивала его. — На нас смотрят.

Она посмотрела на Джастина, который в бешенстве уставился на них, и на Джона, который разглядывал их с большим интересом.

Уэсли опустил ее на землю, и впервые за много недель его лицо засветилось счастьем.

— Джентльмены, позвольте представить вам мою жену — это Лиа Стэнфорд.

Только Джон заметил, что Ким потеряла сознание, и бросился к ней вверх по склону.

Колени Лии подкосились. Уэс поднял ее на руки.

— Милая, тебе что, нечего сказать? — спросил он.

Глава 13

Чтобы собрать выпавшие из фургона вещи, потребовалось немало времени. Одну из лошадей пришлось пристрелить, а три другие сильно поранились, но такие раны заживают быстро. Несколько мешков с семенами лопнули, содержимое их высыпалось на землю, но остальная поклажа в основном не пострадала. Стоя на вершине холма, Кимберли плакала в голос, а Джон Хэммонд пытался ее успокоить. Взбешенный Джастин с силой швырял в фургон выпавшие из него вещи, ни разу не взглянув на Лию и Уэса. Оливер по-прежнему переводил глаза с одного на другого, а Лиа пыталась трясущимися руками разобрать рассыпавшуюся по фургону поклажу.

Но Уэсли держался так, будто ничего не произошло: он улыбался, иногда даже что-то негромко напевал и указывал всем вокруг, что им нужно делать.

— Лиа, милая, передай мне шляпную коробочку, попросил он.

Лиа послушно подняла коробку, но, увидев улыбку на его лице, бросила ее в лицо Уэсу, повернулась и побежала к реке. В глазах ее стояли слезы.

Уэсли догнал ее, схватил за плечи и повернул лицом к себе:

— Что стряслось, милочка? Мне казалось, ты будешь счастлива, когда я расскажу всем правду о нас. Тебе ведь этого хотелось, не правда ли?

Она отстранилась от него, стараясь быть сдержанной:

— Я знала, что рано или поздно это произойдет, но когда я услышала это от тебя... Ты должен сказать своим друзьям, что мы разводимся; и, ради Бога, не называй меня больше «милочкой».

— Разводимся? — Он смотрел на нее удивленно. — Да нет, ты не поняла. Я решил, что мы должны остаться мужем и женой. Никакого развода не будет.

— Пожалуй, мне нужно сесть, — тихо отозвалась Лиа и едва не упала на мокрую землю. — Объясни мне все это.

Он широко улыбнулся ей:

— Просто дело в том, что ты, Лиа, полюбила меня. Сначала я был вне себя. Ну ладно, скажем прямо — изрядно обозлился. И в самом деле, я был не слишком ласков с тобой, но ведь ты разрушила тогда все мои планы, а я не хотел потерять Ким. — Он склонился к ней. — Но за время путешествия я узнал тебя как следует. Раньше мне казалось, что мне нужна женщина такая, как Ким, которая нуждается во мне. Но ей скорее нужна служанка, а не мужчина. К тому же я нужен тебе. Ты все время взваливаешь на себя слишком много, всегда стараешься побольше сделать для других.

— Поэтому ты и решил, что нужен мне, — отозвалась Лиа.

— Да, и к тому же с тобой веселее, чем с Ким. Чтобы прийти к этой мысли, мне потребовалось много времени, но я решил: мы останемся мужем и женой. В любом случае это разумно, да и сложностей будет меньше.

— А что же Ким? — спросила Лиа. Уэс опустил глаза.

— Я свыкся с мыслью, что люблю ее, но вряд ли это было так на самом деле. Думаю, что я вообще никогда не любил ни одну женщину. Подозреваю, что Ким больше интересовалась моим состоянием, чем мной. — Он стиснул зубы. — Я с ней договорился: каждый месяц она будет получать от меня изрядную сумму до тех пор, пока не выйдет замуж. Она — красавица и без труда найдет себе мужа.

Минуту он помолчал.

— Что же ты молчишь, Лиа? Я думал, ты хочешь стать моей женой, поэтому, видно, и соблазнила меня при первой встрече?

Лиа поднялась с земли и отошла в сторону.

— Правильно ли я тебя поняла, Уэс? Меня ты не любишь, и Ким ты не любил, но из нас двоих ты предпочел меня, потому что так будет проще. Не придется пройти через развод, а потом вступать в новый брак, к тому же со мной веселее. И мне ты нужен, чтобы я защитилась от самой себя. Дело обстоит примерно так? Он нахмурился.

— Пожалуй. Только в твоих устах это звучит как расчетливость. Думаю, вместе нам с тобой будет хорошо. Вдвоем мы построим дом побольше, чем у моего брата, и потом, ты способна к деторождению, так что детей у нас будет много.

— А мои зубы ты тоже проверишь? Он встал.

— Кажется, ты сходишь с ума. Я даю тебе то, что ты хотела, а ты вдруг сходишь с ума. Я что — должен встать на колени и поклясться тебе в вечной любви? Пожалуй, я и впрямь не знаю, что это такое. Мне казалось, что я влюблен в Ким, но теперь знаю одно: мне надоели ее беспомощность и слезливость, и мне хочется чего-то другого.

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— И что же будет со мной, когда ты решишь, что тебе нужно нечто большее, чем веселье и моя потребность в тебе? Ты вернешься к Ким или найдешь себе другую?

— Ты... ты обвиняешь меня в непостоянстве? В ответ она улыбнулась:

— Как любая женщина, которая пытается выбрать для себя платье нужного цвета.

Он шагнул к ней, но Лиа отступила.

— Я не хочу оставаться твоей женой — мне не нужна твоя большая ферма, и уж меньше всего мне нужны твои дети. Может, ты и решил, что я подхожу тебе, но мне-то ты не нравишься. Я не хочу строить свою судьбу с человеком, который в любую минуту способен бросить меня. Мне не нужен муж, который строит планы на будущее только после купания в луже грязи. А что если ты упадешь в реку с другой женщиной? Нет! Я не могу жить с таким непостоянным, как ты. И теперь я намерена рассказать всем, что мы собираемся расторгнуть брак.

Она повернулась, но Уэс с силой стиснул ее плечо.

— Ничего подобного ты не объявишь! — крикнул он, тяжело дыша. — Я принял решение, мне оно досталось нелегко. Я думал об этом уже давно.

— Я тоже принимаю свое решение не впопыхах. Я с первых же дней предвидела, что мы разведемся, и смирилась с этим. Мы начнем процедуру расторжения брака в твоем городе Суитбрайар, и когда все закончится, я уеду. Может быть, я вообще покину Кентукки.

Его рука сжалась на плече Лии.

— Ты предпочитаешь это браку со мной? — удивленно спросил он.

— У меня нет особого выбора. Может быть, я смогу избавиться от репутации легкомысленной женщины, что тянется за мной. И я никогда не смогу жить с человеком, который был настолько легкомысленным и бесчестным. Мне была уготована судьба жить, задаваясь вопросом, — найдется ли для меня и ребенка такой человек, который сможет нас содержать.

Уэсли был поражен.

— Никто, ни один мужчина или женщина никогда в жизни не говорили, что я недостойн доверия. Я никогда не относился к своим обязанностям легкомысленно.

— Скажи об этом Ким, — ответила она и отвернулась.

— Черт тебя побери! — прорычал он и, схватив ее за плечи, повернул к себе. — Если бы ты была мужчиной, я бы вызвал тебя на поединок за такие слова. Но ты... ты останешься моей женой, ясно? Более того, завтра мы вдвоем отправимся на охоту и будем вести себя как муж и жена. Мы поедем вместе, будем есть вместе и спать вместе.

Она попыталась вырваться из его рук:

— Не трогай меня!

— Я намерен трогать все твое тело, и тебе придется привыкнуть к этому. Ты — моя жена и отныне веди себя, как подобает жене.

— Я тебя ненавижу, — прошипела она.

— Я тоже не испытываю особой любви к тебе.

— Я тебе не покорюсь. Я никогда не буду твоей женой.

Его руки опустились, в глазах появилось жесткое выражение:

— Вряд ли у тебя в этих обстоятельствах есть выбор. Как моя жена, ты являешься моей собственностью. Завтра на рассвете ты уедешь со мной, даже если придется привязать тебя к седлу. Тебе это ясно, упрямый котенок?

— Я сделаю то, что ты хочешь, раз у тебя есть законное право и право силы для того, чтобы принуждать меня, но на каждом шагу я буду бороться с тобой. Тебе придется добиваться от меня всего силой, и уж поверь: радости это тебе не доставит. Ясно это тебе, упрямый грубиян?

Он откинул голову и недобро рассмеялся.

— Ты дашь мне все, — вкрадчиво заявил он. — Когда мы уедем из леса, ты будешь умолять меня о том, чтобы я прикоснулся к тебе.

Она улыбнулась в ответ:

— Ты о себе более высокого мнения, чем другие. Я ничего не выпрашиваю.

Прищурившись, Уэсли посмотрел на нее.

— Скажем так: мы останемся в сыром, холодном и страшном лесу до тех пор, пока ты не бросишься в мои объятия — и в мою постель, — радуясь и желая меня всем своим теплым телом. Так что если хочешь увидеть еще раз дом или хотя бы мягкую постель, тебе придется отдаться мне.

Она удивленно посмотрела на него:

— Ты забыл, как я росла? Я совсем недавно узнала, что такое уют, к которому ты привык с самого рождения. Я могу выдержать гораздо дольше, чем ты.

Уэсли взял ее за подбородок, повернул лицом к себе, медленно склонился и ласково поцеловал. У него были теплые, влажные губы, и против собственного желания Лиа прижалась к нему. Он резко отстранился:

— Ты можешь мне противиться, Лиа? Можешь ли ты сопротивляться, когда мы разобьем лагерь на удаленном холме, где пищат дикие кошки и выходят к огню медведи? Так запомни: я всегда рад буду видеть тебя в своей постели.

Она враждебно взглянула ему в глаза, но прикосновение его пальцев к лицу было ей приятно. Она вырвалась из его рук.

— Жена, ступай и готовься к завтрашней поездке, распорядился он, а потом повернулся и ушел.

«Что за нелепость» — размышляла Лиа, оставшись одна. Целомудренная Ким не сможет дать то, что ему нужно, но Уэс был уверен, что получит это от Симмонс. Как видно, он начал сознавать, что Ким так никогда и не станет добрым партнером в постели, а поскольку кодекс джентльмена не позволил бы ему развестись с ней только потому, что ему захотелось обладать другой женщиной, он и решил остаться с ней. Она была отбросом с болот, так что с ней можно обращаться бесцеремонно, не обязательно принимать во внимание ее желания. Вот с такой леди, как Ким, он вынужден был вести себя по другому.

— Мужчины! — произнесла она вслух. Уэсли думает, что может менять женщин как одежду. Но она заставит его изменить свои взгляды. Он считает, будто она соблазнила его ради замужества. Несмотря на все ее уверения, он продолжает в это верить. Но может быть, это лучше, чем если бы он понял подлинную причину того, зачем она бросилась в его объятия. Да как ей могло прийти в голову, что она влюблена в него?

Она гордо выпрямилась, понимая, что ей предстоит подвергнуться попытке — встречи с остальными. Должно быть, Джастин и Ким были очень на нее сердиты.

Медленно и неохотно она направилась в лагерь. Первое, что она увидела, был Джастин, ударивший Уэсли в подбородок. Джон Хэммонд и Оливер схватили Уэсли за руки.

— Ты мог бы в самом начале рассказать мне все, — кричал Джастин. — А ты заставил Лию страдать! Она этого не заслуживает. Она была твоей женой, и ты заставлял ее многие месяцы смотреть, как пресмыкаешься перед Кимберли.

Остановившись у подножия холма, Лиа улыбнулась, ей было приятно, что ее защищают.

— Лиа! — крикнул Джастин и бросился вниз под гору к ней. Он взял ее за плечи и взглянул ей в глаза. — Неужели это правда? — прошептал он. — И вся эта история постоянно терзала тебя? Ты могла бы раньше сказать мне об этом.

Когда он собрался обнять ее, на плечо Джастина легла рука Уэсли.

— Не прикасайся к моей жене, Старк! Если хочешь, чтобы голова уцелела, убери руки.

Лиа встала между ними, чтобы не допустить драки.

— Джастин, — громко заявила она. — По закону он мой муж и имеет право менять свое мнение столько раз, сколько ему захочется. Сегодня он меня домогается, а завтра я опять могу стать свободной.

— Лиа! — предупредил ее Уэс.

— Прости меня, Джастин. Жаль, что у меня не хватило смелости сказать тебе это раньше. Но я боялась... — Она опустила голову, не в силах продолжать.

— Мне все понятно, Лиа, — ответил Джастин. — Это его вина. Стэнфорд, ты недостойн такой женщины.

Уэсли по-хозяйски положил руку ей на плечо.

— Достоин ли я или недостойн, но она моя и останется моей.

Глава 14

Шагая рядом с Уэсли, Лиа пробиралась по наполненному разными звуками лесу. Она озиралась по сторонам, пытаясь разглядеть, что скрывается за деревьями и кустарником. Раздавшийся на удалении шум напугал ее. Шедший впереди нее Уэсли даже не повернулся, когда она вскрикнула.

Все утро он на ходу оглядывался каждый раз, когда Лиа восклицала от испуга, заносчиво улыбался и затем отворачивался. Лиа поклялась, что отныне будет молчать, но ей это никак не удавалось. Никогда еще ей не приходилось быть так далеко от людей. Она выросла в окружении братьев и сестер и впервые покинула их, когда стала жить на плантации Уэсли, где людей было еще больше. По пути в Кентукки они всегда были на виду у множества путешественников, их окружали шум и знакомые звуки.

И вот впервые в жизни она оказалась одна, или почти одна. Теперь она не воспринимала Уэсли как разумное существо. В тот день они упаковали мешки рано утром.

— Каких лошадей ты собираешься взять? — спросил Джон Хэммонд.

— Мы направляемся туда, где лошади не пройти, ответил Уэсли и взвалил мешок на спину.

Не проронив ни слова и даже не взглянув на Уэсли, Лиа забросила на спину небольшой мешок. Она дала себе клятву, что страха не выкажет.

Кимберли держалась поближе к Джону; в тот день она встала непривычно рано — обычно она вылезала из постели только тогда, когда завтрак уже был готов. Лиа не знала, хотелось ли Ким быть рядом с Джоном, или же он сам этого потребовал. Но Лиа была слишком глубоко погружена в свои заботы, чтобы беспокоиться еще и о Ким.

— Вы готовы, миссис Стэнфорд? — спросил Уэс. Лиа не повернула головы, но когда Уэсли зашагал вперед, последовала за ним.

Они шли много часов. Лиа утомилась; уже давно из вида скрылся последний лагерь и не доносились звуки, характерные для жилья. Казалось, на земле остались только она и шагавший впереди мужчина в одежде из оленьей кожи.

— Ты сможешь забраться наверх? — остановившись, спросил Уэс.

Лиа посмотрела в ту сторону, куда он показывал, — на крутой склон, ведущий к входу в пещеру. Она коротко кивнула, по-прежнему не поднимая на него глаз.

— Дай мне свой мешок.

— Я понесу сама, — ответила она и пошла вперед. Уэсли ухватился за ее мешок и начал снимать его.

— Я же сказал, чтобы ты отдала мне мешок, и не шутил при этом. Будешь и дальше упрямяться перекину тебя через плечо и понесу.

По-прежнему не глядя на него, Лиа сбросила лямки и отдала мешок Уэсли. Подъем давался ей нелегко, особенно из-за ее длинной юбки. Но каждый раз, когда ей приходилось трудно, Уэс

сразу оказывался рядом: освобождал застрявший подол ее юбки, придерживал за талию, а один раз подтолкнул вверх, упираясь в ее ягодицы.

Добравшись до вершины, она не стала благодарить его, а остановилась на выступе скалы, прислонилась к каменной стене и взгляделась в пещеру, где царил мрак.

— Как ты думаешь, внутри есть медведи? — спросила она шепотом.

— Может быть, — ответил Уэс равнодушно и опустил оба мешка на землю. — Сейчас проверю.

— Будь... Будь осторожен, — прошептала Лиа.

— Что, беспокоишься за меня? Она посмотрела ему в глаза:

— Не хочу остаться здесь одна.

— Пожалуй, я это заслужил, — буркнул он и вынул из ножен тяжелый нож, а из мешка свечу.

— Не взять ли тебе ружье? — спросила она испуганно.

— При схватке на близком расстоянии от ружья нет толка. Может, ты меня поцелуешь перед тем, как я пойду в пещеру?

— Может быть, поблагодарить тебя за то, что ты привел нас неизвестно куда, прямо к медвежьей берлоге? А если внутри ждет целая семья медведей и мы оба погибнем?

Глаза Уэса блеснули:

— Если бы только я мог умереть с твоим поцелуем на устах...

— Иди! Надо с этим покончить. Лицо Уэсли стало серьезным, когда он направился к пещере.

— Она больше, чем я думал. — Его голос звучал как из бочки.

— Здесь на стенах рисунки индейцев и следы костров.

Она слышала, как Уэс ходит по пещере, и когда он опять заговорил, то голос его слышался издали:

— Не похоже, чтобы здесь жили медведи. Немного костей есть. Думаю, здесь жило немало людей.

Несколько минут он молчал, и напряжение немного отпустило Лию. Она приблизилась к входу в пещеру. До нее доносились звуки его шагов и иногда мелькал огонек свечи.

— Здесь безопасно? — крикнула она.

— Вполне. Здесь все спокойно.

И тут началось. Сначала Уэсли сказал: «Эге», потом закричал:

«Беги, Лиа! Прячься!»

Этот крик поднял в Лие волну ужаса, и она, окаменев, замерла прямо перед широким входом в пещеру.

Мелькнула бахрома на одежде, когда Уэсли выскочил из пещеры, а по пятам за ним гнался старый черный медведь, его жирная шкура колыхалась на бегу.

Медведь промчался мимо Лии так близко, что она ощутила его запах. Но она не пошевелинулась.

Медведь даже не заметил ее, а погнался за Уэсом. Лишь ее глаза следили за происходящим; Уэс пробирался вниз по склону сквозь заросли.

— Лиа, лезь на дерево! — крикнул он на бегу.

«Дерево, — пронеслось у Лии в мозгу. — Что это дерево? На что оно похоже?»

Пока она раздумывала, слева донесся шум упавшего в воду тела.

«Шевелись, Лиа, — приказала она себе, но не шелохнулась. — Шевелись!»

Наконец она опомнилась. Не обратив внимания на приказ Уэса влезть на дерево, она бросилась в ту сторону, откуда донесся шум. Тяжело дыша, она остановилась около небольшого водоема, окруженного камнями. Стояла полная тишина, не было видно ни Уэсли, ни медведя. Только слышалось пение птиц, сияло предвечернее солнце и пахло разными травами.

Внезапно ее схватили за щиколотки и потянули вниз. Инстинктивно она стала отбиваться.

— Прекрати — прошипел Уэс. Больше Лиа никого не видела. Когда она перестала сопротивляться, Уэс потянул ее в воду.

— Что?.. — выдохнула она, но тотчас же Уэс положил руку ей на голову и толкнул под воду.

Возмутившись, она задержала дыхание и сквозь прозрачную воду увидела, как сам он нырнул.

Он указал ей рукой, и она повернула голову. Прямо над ними стоял медведь. Он принюхивался. Уэс жестом показал, чтобы Лиа следовала за ним, и она поплыла.

Он подплыл к противоположному берегу водоема и вынырнул, скрываясь за нависшим над берегом кустарником. Тяжело дыша, Лиа тоже вынырнула, и Уэс поднес палец к губам.

Скосив глаза, Лиа увидела, что медведь по-прежнему стоит на месте. Отплыв подальше от него, она оказалась рядом с Уэсли. Он раскрыл свои объятия и притянул ее к себе, прижав спиной к своей груди. Она не сопротивлялась, потому что медведь мог ее услышать.

Уэсли прихватил зубами мочку ее уха и начал покусывать. Она попыталась вырваться. Он выпустил ее ухо и многозначительно кивнул в сторону медведя.

Взглядом Лиа пыталась показать ему, что скорее готова попасть медведю на съедение, но Уэс не давал ей пошевелиться.

Он начал ласкать ее шею губами, подбираясь выше, к волосам.

Нагретая солнцем за день вода была теплой и успокаивала утомленные мышцы Лии. Уэс продолжал ласкать ее шею и щеку, и Лиа откинулась на него, повернула голову и подставила ему щеку.

— Медведь ушел, — прошептал он.

— М-м-м? — промычала Лиа, не открывая глаз. Уэсли провел зубами по чувствительному месту у нее на шее. Лиа слегка наклонила голову. Казалось, ее тело стало таким же мягким и подвижным, как окружающая вода.

— Медведь ушел, — повторил Уэс и коснулся мочки ее уха кончиком языка. — А не закончить ли нам это дело на берегу? Конечно, мы могли бы продолжить и в воде. Мне бы этого хотелось.

Она резко повернулась, всколыхнув воду:

— Да как ты смеешь'....

— Да как я смею! — Он засмеялся. — Зачем ты продолжаешь себя обманывать? Стоит мне только прикоснуться к тебе, и ты моя. Не уходи. Давай останемся в воде. Я никогда...

Лиа, изо всех сил стараясь выбраться на берег, чтобы не казаться смешной, повернулась к нему; ее глаза метали молнии.

— Если ты собираешься рассказать мне о своих предыдущих победах, лучше помолчи. Меня не интересует, что ты делал или не делал. И должна тебе сказать, что отзываюсь на прикосновение каждого мужчины, как и на твое. Все мы, женщины Симмонс, рождены с этим. Я думала, тебе это известно. В конце концов, разве твой интерес ко мне объясняется не моей дурной славой?

— Будь ты проклята, Лиа! — прошипел Уэс, не отходя от нее. — Ну чего ради ты все время твердишь о себе такое? Я видел тебя с Джастином. Готов спорить, что он тебя даже не коснулся.

— И проспоришь свои деньги.

Подобрав юбку, она выбралась из воды на берег и стала отжимать намокшую одежду.

Уэсли остановился рядом с ней; мокрая оленья кожа облегла его могучее тело.

— Лиа, я получу от тебя то, что хочу.

Она не удостоила его взглядом, и он отступил в сторону. — Заночуем здесь, — заявил он.

Когда Уэсли ушел, плечи ее поникли. Не подобрав волочившуюся по земле юбку, она подошла к камню и села. Лиа не могла сдаться, не могла позволить себе этого. Сколько раз она уже теряла его? Они переспали, а он бросил ей деньги и ушел. Они поженились, а он оставил ее, избитую и беременную. Вернувшись же из Кентукки, он не желал ее видеть, твердил, что ему нужна Кимберли, и опять отшвырнул Лию.

«Три раза», — подумала Лиа. Трижды он бросал ее, а теперь она должна верить ему? Что значит это для него — играть с ней, наблюдать, как она устремляется к нему, а потом опять бросать ее? Зачем это ему? Чтобы потешить свое мужское самолюбие? Для него это означало удовольствие всего лишь на одну ночь. А ведь для Лии он был мечтой. Ведь она столько лет любила его всем сердцем! Когда отец избил ее, она лежала, страдая от боли, и думала о том, как однажды Уэсли Стэнфорд придет и спасет ее. Она плакала, потеряв их ребенка, но верила, что будут и другие дети — дети Уэсли. Но теперь, хорошо зная его, Лиа боялась, что он от нее откажется, как только она забеременеет: ведь тогда пользы от нее больше не будет.

А что произойдет, когда они выйдут из леса и поедут к нему в город Суитбрайар? Уэсли готов

был признаться нескольким близким друзьям, что Лиа его жена, ну а если он не захочет объявить об этом перед жителями целого города? Как видно, она, Симмонс, должна прятаться в лесу, скрываться, ей не место в порядочном обществе.

Разумеется, Уэсли — мужчина, о чем он не устал напоминать, а Лиа безнравственная женщина. Поэтому он увел ее в лес, чтобы издеваться над ней, предоставив на выбор либо свою постель, либо многие месяцы жизни в лесу. А что будет, когда она сдастся? Ну конечно, он вернется на свою чистенькую ферму, и ему ничего не стоит заявить, что она хитростью соблазнила его и вынудила жениться на ней, что она — беспутная женщина и что любой местный судья примет решение о расторжении брака. Уэс освободится, а Лиа останется...

Она глубоко вздохнула и поднялась с камня. Лиа же вновь останется с разбитым сердцем. А ведь так многое способно разбить женское сердце, однако вскоре его раны залечиваются. Если она опять увлечется Уэсли, а он оставит ее, сможет ли она собраться с силами в четвертый раз? Она должна противостоять ему. Она не позволит ему вновь отшвырнуть ее. За деревьями Лиа увидела отблески костра и поняла, что Уэсли разбил лагерь. Вздрогнув, она направилась к костру.

— Кофе будешь? — спросил Уэс и протянул ей дымящуюся кружку.

Она покачала головой и потянулась к сковородке, которую он держал в руке.

— Нет. — Он убрал руку. — Отдыхай, а я приготовлю ужин.

— Не смей меня, — резко бросила она. — Мужчины готовить не умеют.

— Не умеют? Ладно, моя красивая женушка, посиди, и я докажу тебе, как ты ошибаешься.

Лиа села на землю, опустив глаза. Уэсли жарил грудинку, передвигая ее по сковородке, и следил за Лией.

— Я тебе когда-нибудь рассказывал про Париж?

— Про Париж? — Она подняла на него глаза. — Я никогда не слышала про город Париж в Виргинии. Уэсли улыбнулся ей. Мокрое платье облегло ее фигуру, но он знал, что когда оно высохнет, то станет просторным и свободным. Улыбаясь, он вспомнил платье с глубоким вырезом, которое она надела в гостинице вечером. В Париже она смотрелась бы хорошо, особенно в шляпке, оттеняющей ее темные волосы.

— Париж находится за океаном, в стране под названием Франция.

— Прости — я не получила такое образование, как ты. Мой отец не считал нужным посылать своих детей-рабов в школу.

Он не слушал ее.

— Как-то вечером мы впятером ужинали в отдельном кабинете. — Он умолк. — Нет, пожалуй, это я рассказывать не буду. — Он посмотрел на нее. — А может быть, тебе интересно узнать о том, как мой брат Тревис ухаживал за Риган?

— Да, конечно, — отозвалась Лиа. Она с радостью выслушает рассказ о своей подруге.

— Тогда иди и надень сухую одежду. За ужином я расскажу тебе эту историю.

Потом они ели бобы, грудинку, бисквиты с кофе, а тем временем Уэс с множеством, как показалось Лие, преувеличений рассказывал невероятную историю о том, каким образом Тревис добился возвращения своей жены. В рассказе упоминались сотни роз, несчетное количество записок с предложением выйти замуж и, наконец, цирк, где, по словам Тревиса, он рисковал жизнью и стал главным участником представления.

— Сколько роз? — спросила Лиа.

— Тревис говорит — тысячи, но Риган при этих словах всем своим видом дает понять, что это выдумка, так что точно никому не известно.

— Я никогда не видела слона.

— После этого Тревис привез домой целый фургон навоза и сказал, будто табак на нем вырастает вдвое выше.

— Это действительно так? — спросила Лиа, широко раскрыв глаза.

— Особой разницы я не заметил. Ну а теперь, когда ты выслушала сказку на ночь, пора ложиться.

Лиа поежилась, и по блеску глаз Уэса ей было ясно, что он это заметил.

— Я постелил тебе отдельно, — сказал он холодно. — Сам я лягу с противоположной стороны. Если тебе станет страшно, позови меня. У меня сон чуткий.

С этими словами он выплеснул из чашки остатки кофе и направился к стопке своих одеял.

Лиа молча пошла к своей постели, благодаря судьбу за то, что он не пытается залучить ее в свою постель.

Уэсли долго лежал без сна, глядя на звезды. Его оскорбляло то, что она вздрагивала каждый раз, когда он оказывался рядом. Его озадачило ее отношение. Ей же хотелось выйти за него замуж. Тревис считает, тогда она легла с ним, думая, что любит его. Теперь же, когда она его добилась и он решил остаться с ней, она ведет себя так, будто он заразный. Этого он понять не мог.

Конечно, сначала он, может быть, и был с ней резок. Но дело в том, что он пришел в ярость, потеряв Ким, а Лиа, как ему тогда казалось, была одной из тех женщин, которых он всегда презирал, которые ни в ком не нуждались. Но по пути в Кентукки он увидел, что Лиа сама нуждается в поддержке. Ей нужен человек, который защитит ее от того, кто попытается использовать ее в своих интересах. Ким заставила Лию обслуживать себя. Джастин рассчитывал, что Лиа им увлечется. Да и он взял себе за правило во всех делах полагаться на нее. Она постоянно безропотно выполняла всю работу, потому что слова «нет» не было в ее лексиконе. Можно подумать, будто она считает себя рабой всего человечества.

Сначала Уэс заметил Ким, что она взваливает на Лию слишком много дел. Ким тогда очень удивилась и ответила, что Лиа сама хотела выполнять всю работу. Уэс сразу понял, что говорить с Ким бесполезно. Именно тогда он и начал сознавать, что Ким не способна вести сколько-нибудь серьезный разговор. По вечерам он садился с ней, пытаясь рассказать ей о себе, и замечал, как глаза ее начинают блуждать по сторонам. Не раз в середине фразы она вдруг вскакивала на ноги. И тогда взгляд Уэсли устремлялся к Лие, которая сидела рядом с Джестином и внимательно выслушивала каждое его слово. И Уэсли часто думал:

«Ведь она моя жена!»

Когда Ким стала ему надоедать? Пожалуй, это началось в тот раз, когда она вопила так пронзительно, что все сбежались, думая, что ее укусила змея. Оказалось, ее ужалила в руку пчела. Лиа спокойно положила питьевую соду на место укуса, а Уэсли увел дрожащую и плачущую Ким в фургон, где она тут же легла спать. Позже Уэсли увидел, как Лиа пытается положить что-то себе на шею. Он не сразу уговорил ее показать, что это. Оказалось, она ненароком прислонилась к кустам дикой жимолости, и у нее на шее остались три следа от пчелиных укусов.

— И ты ничего не сказала? — спросил Уэсли.

— Это всего лишь пчелы, — ответила она, пожав плечами. Она не позволила ему наложить себе содовый компресс. После этого он стал еще чаще задумываться о ней.

И начал задаваться вопросами. Жизнь на ферме никогда не была легкой, и, вопреки представлениям знакомых, у него было не так много денег. Ему принадлежала половина плантации Стэнфордов, но ее богатство заключалось в земле. Только продав ее, Уэс мог бы иметь деньги. Тревис согласился заплатить ему столько, сколько сможет, и как бы Уэс ни ворчал на своего брата, он никогда не сомневался в честности Тревиса. Следовательно, если Уэс не был богат и не мог позволить себе иметь целую армию прислуги, что же делать с женой, впадавшей в истерику из-за укуса маленькой пчелы? Не придется ли ему пахать целый день, а потом, вернувшись домой, заниматься еще и хозяйственными делами? Не придется ли еще и завтрак приносить ей по утрам в постель?

В те времена, когда он еще жил под игом своего брата, он мечтал о женщине, которая сможет опереться на его руку. Ким же не опиралась, а большую часть времени лежала.

А что было, когда он целовал ее? Ким в этих случаях говорила: «Сегодня, Уэсли, я могу дать тебе два поцелуя». Она плотно сжимала губы и — «чмок, чмок», потом издавала хитрый смешок, будто совершила нечто непристойное и предосудительное, и удалялась.

Какое-то время эти чопорные поцелуи на ходу и многозначительный смешок волновали его. Он поверил в то, что она старалась внушить ему — когда она перестанет сдерживаться, ее темперамент проявится с большой силой. Но постепенно он перестал ей верить. Уэс уже подумывал, что, даже когда они поженятся, Ким будет по-прежнему говорить: «Сегодня, Уэсли, я дам тебе два поцелуя». А может быть, как муж он получит право и на три.

Как-то раз он попытался вызвать у нее страсть, но она в испуге отшатнулась и, обретя присутствие духа, отругала его как мальчишку, которого ей хотелось отшлепать.

После того случая он оставил свои попытки и перестал получать свою ежевечернюю порцию поцелуев, если это можно было так назвать.

Чем больше он отдалялся от Ким, тем больше задумывался о Лие. Он начал убеждать себя в ее умении работать без лишних разговоров, в ее способности устранять напряженность, ведущую к конфликту. А ее широта души была просто невероятна. Ни одно дело не было для нее невозможным. Она редко просила о чем-либо, но сама отдавала очень многое.

Чем дольше тянулось их странствие, тем больше Уэс ценил ее. Он не помнил, когда точно решил не расставаться с ней (может быть, решение созрело постепенно); но он понял, что лучше быть мужем Лии, чем связать свою судьбу с Ким.

Однажды он хотел было сказать об этом Лие, но каким-то необъяснимым образом понял, что она едва ли примет его с распростертыми объятиями. Он не мог уяснить, почему она поведет себя именно таким образом? В конце концов он решил дать ей то, что она когда-то хотела; но кто может понять женскую душу?

И вот он после долгих раздумий решил создать для нее такие условия, когда она станет зависеть от него — если вообще такое возможно. Лиа обладала умением находить выход из самых сложных положений, что вызывало у Уэса раздражение, и он сомневался, удастся ли ему добиться ее зависимости.

Но вот когда они оказались вдвоем в луже, при этом воспоминании он улыбнулся, стала ясна ее боязнь остаться в лесу одной. Именно туда он и решил ее увести.

Как он и предвидел, основываясь на своем представлении о ходе мыслей у женщин, Лиа заупрямилась, когда он сказал, что она может остаться с ним. Дай женщине то, что она желает, и будь ты проклят, если ей не захочется что-то другое!

И вот теперь они остались вдвоем, и Лиа ведет себя так, будто едва терпит его. Проживи он и до ста лет, женщин он не поймет.

Но она отступит. Если понадобится, они проведут в лесу вдвоем многие месяцы; он будет ухаживать за ней, добиваться ее, завоевывать ее. Может быть, он добьется даже того, что она опять забеременеет. Эта мысль показалась ему удачной. Если бы это удалось, она перестала бы сопротивляться. Да, они вернутся в Суитбрайар и на его ферму, уже ожидая ребенка.

«Эх, Лиа, — подумал он, глядя на нее через затухающий огонь костра. — Ни одна женщина не могла противиться мужчине по фамилии Стэнфорд, коль скоро он вознамерился добиться ее».

Придя к этой мысли, он повернулся на бок и заснул.

Глава 15

Лиа проснулась с ощущением угрозы. В лесу стояла тишина, и, судя по положению луны, было не слишком поздно — но что-то угрожающее висело в воздухе. Быстро повернувшись, она посмотрела на Уэсли. Глаза его были открыты, и в них читалось предупреждение. Она повиновалась его безмолвному приказу и лежала неподвижно, видя, как он постепенно подтягивает к себе ружье.

— Это, мистер, ни к чему, — раздался из-за ее спины голос, и Лиа обомлела. Не думала она, что когда-либо опять услышит этот голос. Она молилась, чтобы этого не случилось. — Мы простые путники вроде вас и дамы, — продолжал тот же голос.

Лиа лежала неподвижно. Из тьмы возник высокий костлявый мужчина. В свете луны было видно обросшее бородой лицо.

Медленно, так, чтобы каждое его движение выглядело значимым и не показалось суетливым, Уэсли сел, не выпуская ружье из рук.

— Кто с вами? — спросил Уэс таким сонным голосом, что Лиа бросила на него удивленный взгляд, потом заметила в его глазах настороженность.

— Да только один из ребят. Можно мне выпить вашего кофе?

Не дожидаясь ответа, худой незнакомец присел возле теплого чайника. Он и не взглянул в сторону Лии.

«На него это не похоже», — досадливо подумала Лиа. Ее брат Эйб видел предназначение женщины только в одном: чтобы получить за нее выкуп. Много лет назад, когда Эйб похитил Николь Армстронг, он исчез, и никто в семье Симмонс больше о нем не слышал. Теперь, спустя многие годы, он выглядел еще костлявее, но Лиа не сомневалась в том, что это ее брат, и, должно быть, ничего хорошего не замышляет. Уэсли правильно делает, держась поближе к ружью. Но, может быть, если она скажет брату, кто такая, он оставит их в покое?

— Сейчас я дам вам чашку, — громко сказала она, не отрывая глаз от поношенной черной куртки на узкой спине Эйба. Она не была полностью уверена, но ей показалось, что от звука ее голоса он насторожился.

Быстро поднявшись, она бросила в погасший костер хворост и разожгла огонь, потом неторопливо налила кружку кофе и протянула ему через костер.

Он бросил на нее быстрый взгляд, и Лиа не поняла, узнал ли он ее. В конце концов, когда Эйб исчез, ей было только четырнадцать лет, а с того времени она выросла, превратилась в женщину, ее речь и манеры сильно изменились. Однако лицо Эйба изменилось мало. Оно было по-прежнему узким, с черными, близко посаженными глазами и большим носом. Нос его, нависший над грязной клочковатой бородой, смахивал на клюв птицы, готовый броситься со своей жердочки в атаку.

— Я хотел бы увидеть твоего друга, — заявил Уэс. Эйб повернулся к нему, по-прежнему не глядя на Лию.

— Это только юноша, вреда от него не будет; но если хотите его увидеть... Бад, иди сюда.

Лиа в это время наливала кофе в другую кружку и при виде человека, вышедшего из тени, чуть ее не уронила. А может быть, он сам был тенью — такого гиганта ей еще не приходилось видеть. И Уэсли, и Тревис были высокими, могучего телосложения, но рядом с этим юношей они казались едва ли не карликами. В нем было не менее двух метров роста, а может быть, и больше, и весил он килограммов сто. Одет он был в грубые мешковатые полотняные брюки, заправленные в черные высокие сапоги, облегавшие мощные икры. Выше пояса он был нагим, только на одном плече висела куртка из оленьей кожи, а руки его можно было назвать одним словом — громадные. Они больше походили на стволы деревьев, чем на руки. Хотя он действительно был совсем еще юным, у него было красивое неулыбчивое лицо, а шея толщиной с талию Лии.

— Всего лишь один из ребят, — повторил Эйб, хихикнув.

— Хотите кофе? — с трудом спросила Лиа, откинув голову назад, чтобы посмотреть на гиганта.

— Бад любит, чтобы руки у него оставались свободны, — ответил Эйб, не дав юноше возможности ответить. — Вы что, проездом здесь?

— Мы охотимся, — ответил Уэс, не двигаясь с места и не поворачиваясь спиной к стоящему поблизости гиганту.

Эйб с хрустом поднял с земли свое тщедушное тело и выплеснул кофейную гущу.

— Нам пора в дорогу. Большое вам спасибо, миссис. — Он протянул Лие пустую чашку, и тут

она поняла, что он узнал ее. Близко посаженные глазки Эйба впились в нее и осмотрели платье. Ничего похожего он никогда на ней не видел. — Идем, Бад, — позвал Эйб и направился в темноту, а молчаливый гигант бесшумно последовал за ним.

От вихря мыслей голова Лии закружилась, и первая из них была о том, что Эйб замышляет нечто дурное. Ей было известно, что за всю свою жизнь он не совершил ни единого честного поступка, и поэтому не сомневалась, что так оно и есть.

— Как ты думаешь, что им было нужно? — спросил Уэс, поглядывая на нее.

Услышав его голос, Лиа вздрогнула, охваченная чувством вины. Каково было бы сказать человеку того круга, к которому принадлежал Уэс, что это мерзкое существо — ее брат, и, возможно, он собирался оглушить и ограбить их. Может быть, он сдержался, поскольку в нем все же сохранились какие-то родственные чувства. Скорее всего, он не причинил им вреда, потому что они не спали. Эйб был из тех, кто нападает исподтишка.

— Думаю, это просто путники вроде нас, — ответила она, потом притворно неторопливо потянулась. — Я и вправду устала и сразу засну.

С притворным спокойствием Лиа опять устроила свою постель, весело улыбнулась Уэсу, зевнула и притворилась, будто сразу же заснула.

Никогда еще она не была насторожена до такой степени. Где-то поблизости в лесу скрывался ее лукавый, лживый, вероломный старший брат — вор и предатель, и она поняла, что он потребует у нее деньги, чтобы не причинить им вреда.

Кажется, каждая клеточка ее тела прислушивалась. Она сдержала дыхание, когда Уэсли, видимо, поверив ей, улегся спать.

Прошел час, и тело Лии стало ныть. Так когда же Эйб сделает свой ход? Она уже представила, как перекатится к Уэсу и схватит ружье.

Прошел еще час. Она стала думать о том, сможет ли застрелить собственного брата.

Она испугалась, услышав, как Уэс шевельнулся, но он только тихо всхрипнул и перевернулся на другой бок.

Лиа была уже наготове, когда послышался резкий свист — это был сигнал Эйба. Двигаясь осторожно, она бесшумно выбралась из-под одеял и ушла из лагеря. Она не думала про ночной лес, гнала мысли о гиганте, следовавшем за ее братом, пока, ступая через поваленные деревья, пробиралась мимо внушавших страх теней в ту сторону, откуда донесся свист. Лиа знала, что, если собьется с пути, он повторится.

Она прошла не меньше мили, когда из-за ивы возник Эйб. Лиа отпрыгнула, обхватив ладонью собственное горло.

— Напугал я тебя, сестричка? — Не больше, чем любой другой преступник. Эйб принял вид обиженного:

— А я думал, что ты обрадуешься встрече. Я-то был рад встретить тебя.

Эйб кивнул куда-то над ее головой. Лиа повернула голову и увидела тень гигантской руки. Она опять поразилась, обнаружив юношу совсем близко от себя, и отодвинулась от его нависшего

над ней тела, но он не шелохнулся.

Эйб взял ее за руку выше локтя:

— Не обращай внимания на Бада, — сказал он, увлекая ее в сторону. — Видишь ли, он того. — И он постучал себя пальцем по голове.

— Не знаю, понадобился бы тебе другой, — бросила Лиа, вырвавшись из рук Эйба. — Когда ты мылся в последний раз? — Она поморщилась.

— Ну и шутница ты! При последней встрече ты была еще грязнее меня. Пожалуй, это было до того, как ты связалась с людьми, смахивающими на Стэнфордов.

Лиа вскинула голову.

— Должна тебе сказать, что я миссис Уэсли Стэнфорд.

— Ты! — воскликнул Эйб, отступая. — Ты, Симмонс, замужем за одним из Стэнфордов! — На его лице появилась улыбка. — Слышал, Бад? Моя младшая сестренка решила, что на ней женился такой, как Стэнфорд.

По поведению Бада нельзя было понять, услышал ли он.

— Не знал я, что ты такая врунья. — Эйб расхохотался. — В семье Симмонс все женщины гулящие, но всегда честные гулящие. Даже мамаша... Эй!

Он не договорил. Лиа вlepила ему звонкую пощечину.

— Ты, паршивая... хочешь, чтобы я напустил на тебя Бада? Таких малявок вроде тебя он раздирает на части одной рукой. Бад!

Бад не шевельнулся, Лиа тоже стояла неподвижно, глядя прямо на него и уповая на то, что он не заметил, как она дрожит. Секунду он смотрел на нее, а потом поднял голову и вперил взор в лесную тьму.

— Ладно, может, Бад сегодня не в настроении, — смилостивился Эйб. Лиа перевела дыхание:

— А может быть, и у него есть мать, и он думает, что тот, кто говорит гадости про собственную мать, заслуживает пощечину.

— Черт подери, у Бада и Кэла нет матерей. Их вырубili из скалы. Вот что, Лиа, забудь этих придурков. Мне нужно поговорить с тобой о деле.

— Кто это Кэл?

— Я же сказал, забудь про них! А теперь слушай. Я не хотел сказать, будто ты гулящая. Видишь ли, если даже это так, мне все равно, мне нужны только твои... твои мозги, — весело сообщил он. — Ты в семье была самой умной. Мамаша ведь говаривала, дескать, жаль, что ты родилась в нашей семье. Понимаешь меня?

— Очень хорошо понимаю. Я сразу поняла, что тебе от меня что-то нужно.

— Вот видишь? — Он ухмыльнулся. Один из его передних зубов почти весь сгнил. — Я же знал, что у тебя есть голова на плечах. Да и то сказать, красавица, настоящая дама, и говоришь

красиво.

— Оставь свою лесть. Что тебе нужно от меня? — Хочу, чтобы ты к нам присоединилась.

— К вам? Присоединиться к вам? — в ужасе спросила она.

— Нечего воображать, будто ты мне не ровня. Я тут кое-что замыслил. Я стану важной фигурой.

Стоя неподвижно, Лиа продолжала слушать его. Не стоило дальше спорить с ним, тем более под сенью нависшего над ними чудовищного тела.

— Мне нужно, чтобы ты примкнула ко мне, Ревису и другим ребятам. Мы тут затеяли дельце против тех, кто едет по Пустынной тропе. Ты небось едешь с ними, так что получше нас знаешь их привычки. С такой, как у тебя, головой ты могла бы придумывать для нас разные штучки.

— Придумывать? — прошептала Лиа. Смысл его слов начал доходить до нее. Разумеется, она слышала про шайку грабителей, нападавших на переселенцев, которые направлялись на запад. Но еще ни разу на караван Стэнфордов не нападали. — Так ты один из грабителей? И ты собираешься стать важной персоной благодаря воровству?

— Я не собираюсь всю жизнь воровать, — добродетельным тоном сообщил Эйб. — Я откладываю деньги, чтобы купить лавчонку, — вернее, начну откладывать, как только расплачусь с некоторыми долгами.

— Ты, конечно, проигрался, — догадалась она. — И думаешь, что я способна войти в вашу мерзкую воровскую шайку?

— Не смей обзывать меня, стерва. Мать с папашей знают, что ты укрылась с одним из Стэнфордов?

— Так вот знай: отец и мать умерли, и я уже сказала тебе, что я — жена Уэсли Стэнфорда.

— Ну да, а наш Бад умеет летать. Эй! А чего же вы спали порознь, раз ты его жена? Лиа опустила голову.

— Это долгая история.

— Стэнфорд может жениться на Симмонс только в одном случае. Ты от него понесла? Только Стэнфорды смогли решить, что породнятся с потаскухой... — Он помолчал. — Так вот, слушай, Лиа, муж он тебе или не муж, но ты ему не нужна. Разумный человек, даже мой Бад, смог бы это понять. Чего же он держит тебя в лесу и прячется с тобой?

Слова Эйба сразу напомнили Лие ее собственные сомнения.

— Мне пора уходить, скоро рассветет, — прошептала она. — Уэс меня хватится.

— Не хватится. Он с радостью избавится от Симмонс, даже будь она ему женой. Иди со мной, Лиа. Будь с нами, и ты разбогатеешь.

— Разбогатею! — резко бросила она. — Разбогатею, воруя чужое? Эти переселенцы всю жизнь проработали, чтобы заработать то, что имеют, а ты решил, что я помогу тебе отнять у них нажитое? Мне тошно от тебя! Даже хуже, чем тошно! Не знаю, заслуживает ли право на жизнь такая дрянь, как ты!

— Да как ты... — крикнул он и кинулся к ней. Но Бад молча шагнул к нему, и Эйб остановился. Лиа удивилась, и хотя ее сердце колотилось от ужаса, она вдруг осмелела и взяла великана за руку.

— Бад, — с трудом выговорила она. — Проводи меня к мужу. Я не помню дорогу назад. — Тот бесшумно скользнул в лесную тьму. — И больше не смей беспокоить меня, иначе Уэсли заставит тебя пожалеть об этом, — сказала она и устремилась вслед за Бадом.

Она скользнула в свою постель буквально за несколько минут до того, как проснулся Уэсли. Она всеми силами скрывала от него свое беспокойство, но от каждого звука вздрагивала. Заметив это, Уэсли сказал, что ей нечего бояться.

— Настоящая-то опасность исходит от людей, заметил он, разглядывая ее. — Возьми хотя бы тех двух, что приходили ночью.

— А что? — Поначалу она заговорила нервно, но потом стала успокаиваться:

— Они ведь опасности не представляли?

— Может быть, тебе это лучше знать.

— Мне? Что я могу знать о них? Он немного помолчал.

— Просто я подумал, что женщины лучше разбираются в таких вещах. Некоторые говорят, что они чувствуют, хороший перед ними человек или плохой.

Лиа попеняла себе за свою резкость. Он не знал, что ночной посетитель приходился ей братом. Он не знал, что она украдкой встречалась с ним. Но по ее поведению, в котором ощущалось терзавшее ее чувство вины, он поймет — происходит что-то неладное.

— Только у богатых женщин есть время гадать о душе человека. Симмонсы, вроде меня, просто воспринимают людей такими, какие они есть, — бросила она сердито.

Уэсли собрался было возразить, но сдержался.

— Истинная правда, — пробурчал он. — Ну ладно, Симмонс-Стэнфорд, держись поближе ко мне.

И он быстро пошел между деревьями, а Лиа осталась на месте.

— Дьявол, дьявол, дьявол! — выкрикнула она и пошла вслед за ним.

Большую часть дня Уэс шел далеко впереди нее. Только временами вдаль мелькала его одежда. Она следовала за ним, опустив голову, изо всех сил стараясь отогнать мысли об Эйбе. Не станет ли он мстить ей, раз она отказалась выполнить его просьбу?

Когда стало смеркаться, она принялась убеждать себя, что Эйб все же обладает родственными чувствами и не будет мстить. И все же Лиа внимательно вглядывалась в сумрак позади каждого дерева. В глубине души она опасалась, что ее похитят — это было бы в характере Эйба.

Раздался выстрел, эхом отразившийся от деревьев и холмов, и казалось, что он прозвучал одновременно со всех сторон.

— Уэсли! — вскрикнула Лиа, которой внутренний голос подсказывал, что стрелял Эйб. — Уэсли! — Закричав, она бросилась к нему.

Могучее тело Уэсли неподвижно лежало на земле, его голова и спина упирались в висевший на спине мешок. В груди его зияла большая глубокая рана.

— Уэсли! — задыхаясь, позвала Лиа и опустилась рядом с ним на колени. — Уэсли! Он не ответил и не шевельнулся.

— Он пока дышит, — раздался голос над ее головой. — Я целился так, чтобы не убить его.

— Ты! — изумилась Лиа и бросилась на брата. Защищаясь, он поднял руки:

— Я же говорил, что ты мне нужна, а раз у тебя нет семейных чувств, пришлось мне кое-что предпринять.

Лиа перестала колотить брата, говорившего явную бессмыслицу, и повернулась к Уэсли. Бад присел рядом с ним и ощупывал рану своими громадными пальцами.

— Он ведь жив, правда? — спросила она опять, опускаясь на колени.

Бад кивнул и достал нож.

— Нет! Нет! — закричала Лиа, обхватив его запястье обеими руками. — Прошу, не убивайте его. Я сделаю все, что вы захотите.

Бад бросил на нее жесткий взгляд, потом ножом отрезал кусок разорванной рубашки Уэсли.

— Эти ребята убить не способны, — брезгливо произнес Эйб, потирая те места, по которым была Лиа. — Бад займется Стэнфордом, а ты пойдешь со мной.

— Я его не брошу, — ответила Лиа. — Ты за это заплатишься, Эйб Симмонс. Если мой муж умрет...

— Да не умрет он. Я хороший стрелок, к тому же обдумывал этот план целый день. Я понял, что ты на все пойдешь, чтобы не потерять деньги Стэнфордов, потому и решил ранить его, чтобы ты согласилась мне помочь, пока он будет лечиться.

— Ах ты безмозглый!.. Да как ты посмел застрелить человека только ради того, чтобы тебе помогли осуществить твои преступные замыслы! Уэсли, ты слышишь меня?

Лиа заметила, что громадина Бад начал ощупывать ребра Уэсли. Она была благодарна ему за помощь, и глаза ее наполнились слезами гнева и безысходности.

— Слушай, пусть ребята за ним присмотрят. — Эйб схватил Лию за руку и рывком поднял ее на ноги. — Они ловко умеют врачевать. А нам с тобой надо поговорить.

— Я не буду с тобой разговаривать, если...

— Хочешь, чтобы я его прикончил? Вряд ли ты способна сейчас торговаться. Ты уже доказала, что семейных чувств у тебя нет, так что не знаю, с какой стати я должен думать о тебе.

— Ты всегда думал только о себе.

Эйб замер, злобно тараща на нее глаза.

— Скажи, когда захочешь меня выслушать.

— Ни за что. Я... — Услышав стон Уэсли, она повернулась к нему.

— Лиа, — прошептал он, едва открыв глаза. — Беги отсюда, спасайся.

Его голова упала на бок.

— Нет! — вскрикнула она. — Он ведь не?.. Она подняла глаза на Бада — тот покачал головой.

— Выбирай, детка, — заявил Эйб. — Поможешь мне, и тогда я помогу тебе вылечить твоего богатенького парня. А будешь упираться и ругать меня — я брошу его гнить здесь. И решай-ка побыстрее, а то, похоже, он истечет кровью.

Лиа задумалась только на секунду, потом решила:

— Я помогу тебе, — прошептала она, положив руку на прохладный лоб Уэсли. — Что я должна делать?

Глава 16

Лиа посмотрела на спящего мужа. Теперь, когда его рана очистилась, она поняла, что дело обстоит не так плохо, как ей сначала показалось, хотя он и потерял много крови. Он лежал на довольно чистой кровати в старой хижине, спрятанной на склоне горы.

Она медленно поднялась и вынесла на улицу кастрюлю с грязной водой. За дверью в лучах раннего солнца вырисовывались оба юноши, Бад и Кэл, похожие на хранителей гор. Лиа была слишком озабочена из-за состояния Уэсли, поэтому не заметила, когда появился второй брат, но теперь их было двое — крупных, молчаливых, почти неотличимых друг от друга. Братья отнесли потерявшего сознание Уэсли в хижину и в пол ном молчании помогли ей обмыть и перевязать его.

— Он спит, — устало сказала она братьям, стоявшим по обе стороны двери. — Думаю, со временем он выздоровеет.

— Я же говорил, что все будет в порядке, — громко заявил возникший из-за угла Эйб, и она даже вздрогнула.

— Ты всегда так подкрадываешься к людям? — бросила Лиа, и глаза ее сверкнули.

— Такой нелюбезной сестры свет еще не видывал. Ты будешь со мной ладить, или мы подеремся из-за твоего богача?

В душе ее закипала ненависть при мысли о том, что придется помогать ему. Придется делать все, что он захочет, чтобы спасти Уэса, но как только тот выздоровеет, она уйдет от Эйба.

— Что тебе от меня нужно? — враждебно спросила она. Эйб буркнул что-то неразборчивое, однако решил не обращать внимание на ее тон.

— Тебе не придется делать слишком много, чтобы выручить члена твоей собственной семьи. От тебя требуется только немного пошевелить мозгами. А еще, может, еду готовить, — добавил он вполголоса.

Она резко подняла голову:

— Так вот в чем дело! Моя помощь должна заключаться не в том, чтобы помогать тебе в грабежах, а просто прислуживать тебе.

— Слушай, Лиа, — начал было он, но потом умолк и улыбнулся, обнажив гнилые зубы.

— Именно так. Нам другого и не надо. Пойдешь с нами и будешь готовить еду, убирать и делать прочую женскую работу. Тут ничего плохого нет, так? Нас ведь меньше, чем было детей у папаши.

Лиа почти испытала чувство облегчения. Ее корбила мысль об участии в подготовке планов грабежа, и хотя вести их хозяйство будет тяжело, она предпочла бы такую работу, а не преступные дела. Эйб не спускал с нее глаз.

— Ну как, легче стало? — спросил он с насмешливой снисходительностью. — Тебе придется только убирать, немного готовить, хотя мои ребята едят много.

— А что я получу взамен?

— Тебе надо ухаживать за твоим богатым мужем. — Он опустил глаза. — Хотя Ревису, пожалуй, об этом лучше не говорить. Пусть это будет нашей тайной, добавил он, не обращая внимания на двух юных гигантов.

Лиа перевела глаза с Бада на Кэла, но их лица оставались непроницаемыми. Она спросила себя, насколько они умны, понимают ли, что Эйб просто унижает их.

— Кто это — Ревис?

— Мой партнер! — гордо объявил Эйб. — Мы с ним затеяли это вдвоем, и все дело — в наших руках.

— А что будет, когда Уэсли выздоровеет? Эйб ухмыльнулся:

— Я скажу Ревису, что работа тебе надоела и ты убежала. Такое уже не раз происходило. Мы, как бы это сказать, женщин утомляем.

— Ты подстрелил моего мужа, чтобы обзавестись новой кухаркой, — резко бросила она. — Разве нельзя было найти новую кухарку без того, чтобы увечить человека?

Сначала Эйб казался озадаченным, потом радостно улыбнулся:

— Мне хотелось, чтобы сестра была поблизости. Давненько я тебя не видел.

Лиа выхватила из поленницы длинное полено и бросилась к нему.

— Зашиби меня, Лиа, и тебе ни в жизнь не найти дорогу из леса, — то ли пригрозил, то ли взмолился он, закрывая лицо руками.

Полено замерло в нескольких сантиметрах от его головы.

— Ты — мерзкий грязный шантажист, — сказала она с отвращением, потом повернулась к Уэсу.

— От вас, ребята, никакого толку, — раздался за ее спиной голос Эйба. — Вот погодите: расскажу Ревису, как она при вас мне угрожала и чуть не убила меня. У Ревиса найдется, что сказать вам.

Перед тем как уйти с братом, Лиа не спеша уложила свои небогатые пожитки. Ей хотелось, чтобы Уэсли проснулся — тогда она сочинила бы что-нибудь и рассказала бы, куда уходит. Впрочем, пока она еще ничего не успела придумать. Но он крепко спал, медленно и глубоко дыша. На его лице застыла гримаса боли.

Присев рядом, Лиа коснулась его щеки. Сейчас она не могла вспомнить, почему в последние месяцы была зла на него. Зато вспомнилось, как девочкой влюбилась в него, как росла на мерзкой ферме... Но тут появился Эйб.

Только мысли об Уэсли позволили ей сохранить рассудок.

— Хватит рассиживаться над ним, нам пора в дорогу. Ревису захочется позавтракать. Он не любит, когда ребята надолго исчезают с глаз.

Лиа наклонилась и поцеловала Уэсли в мягкие со сна губы.

— Я постараюсь вернуться как можно скорее, — пообещала она, обращаясь к нему, и вышла из хижины. Эйб искоса посмотрел на восходящее солнце:

— В путь.

Он явно был чем-то озабочен. Вниз под гору между скал, через заросли куманики вела извилистая тропинка. С трудом пробираясь по крутому склону, Лиа пыталась собраться с мыслями. Она решила, что ей нужно узнать как можно больше об этой шайке, в которой она поневоле оказалась.

— А где Бад и Кэл? — спросила она, отводя от лица ветку шиповника.

— Им не по душе ходить с чужими. Они, дурачье такое, не понимают, что люди должны держаться друг друга. Даже Ревис никак не может втолковать им.

— А они считаются с этим Ревисом? Эйб остановился и повернулся к ней.

— Если ты задумала настроить ребят против меня, то лучше сразу забудь об этом. — Лиа не подала вида, что он угадал.

— Ревис и ребята — братья, — горделиво ответил Эйб, потом повернулся и добавил:

— В некоторых семьях принято держаться друг друга.

— Значит, есть еще один из «ребят»? Этих гигантов трое?

— Да нет, Ревис — обыкновенного роста и не такой тупой, как эти парни. Вообще-то они не кровные родственники. Мать Ревиса где-то подобрала Бада и Кэла, когда они были совсем маленькими. Они росли вместе с Ревисом, а это кое-что значит.

Лиа скорчила за его спиной гримасу; ей надоели его намеки на то, что она ведет себя не по родственному.

Некоторое время они шли молча.

— А говорить Бад и Кэл умеют? Эйб фыркнул:

— Только если ты им действуешь на нервы. — Эйб фыркнул: Впрочем, у них такие крохотные мозги, что им и сказать-то нечего.

— А ты считаешь, что чем больше человек говорит, тем больше у него мозгов?

— Ты, Лиа, временами говоришь больно умно. Я не мастер произносить речи, но Ревис-то умеет это делать. Попробуй поговорить с ним. И смотри, не вздумай набрасываться на него с дубиной, потому что ребята заступятся за Ревиса. Не хотел бы я, чтобы моей сестре досталось.

— А я думаю, хотелось бы, — ответила она насмешливо.

— Это не у меня родственные чувства отсутствуют, а у тебя.

Вскоре они увидели вырубку и на ней полуразвалившуюся хижину и поленницу. Неподалеку протекал ручей. Лиа остановилась, вглядываясь в эту картину, и тут из задней двери хижины вышла изможденная женщина и начала набирать дрова тощими руками.

— Кто это? — спросила Лиа.

— Это Вериги, — ответил Эйб. — Наша последняя... хм, кухарка. Ненадолго ее хватило. Это все из-за ребят, они без конца еду требуют, — добавил он и отвел глаза.

Лиа не стала подвергать его слова сомнению, но все время, пока они спускались, не сводила с женщины глаз. Та даже не подняла головы. Судя по ее виду, она была измучена до того, что ей было безразлично, кто идет по вырубке.

— Приготовь пожрать, — приказал ей Эйб глухим голосом. Вериги направилась в хижину, едва передвигая ноги. Вдруг на вырубке появились Бад и Кэл, будто никуда и не уходили. Недолго поколебавшись, Лиа направилась в хижину, подошла к Вериги и забрала из ее рук дрова.

— Посидите, — ласково распорядилась она, — а я приготовлю еду.

Единственным проявлением чувств Вериги стал удивленный взгляд. Она направилась в угол и скорчилась на полу.

— Не сюда! — воскликнула пораженная Лиа.

— Сядьте за стол.

Вериги испуганно повернулась в ее сторону и покачала головой.

— Вы боитесь Эйба? — Вериги покачала головой. — Бада или Кэла? — И опять она покачала головой. — Ревиса, — прошептала Лиа, и женщина, услышав это имя, съежилась еще больше. — Теперь мне все понятно, — заключила Лиа и принялась изучать содержимое мешков с припасами. — Именно такого партнера и нашел Эйб, — добавила она.

Перед плитой Лиа всегда чувствовала себя уютно. До того, как она вышла замуж за Уэса, вся ее жизнь так или иначе была связана со съестными припасами — их нужно было выращивать, запасать и готовить. Теперь, занявшись привычной работой, она подумала, что обильная еда позволит привлечь Бада и Кэла на ее сторону. Должно быть, ей понадобится помощь, раз этот Ревис так жесток, как можно судить, глядя на Вериги.

Запасов в хижине было в изобилии, и, обнаружив в одном из мешков женское платье, Лиа поняла, что оно было украдено. Она не хотела поддаваться душевной слабости. Бад и Кэл помогли ей ухаживать за Уэсли, и она собиралась отплатить им за это, приготовив не просто хороший, а великолепный обед.

— Ты не можешь побыстрее? — спросил Эйб. — Ревис, того и гляди, вернется.

— Если ты не станешь мне мешать, я буду работать быстрее. — Лиа протянула Вериги сваренное вкрутую яйцо.

— Она еду не заслужила. Здесь такой порядок, не работаешь — не ешь.

— Разве не вы довели ее работой до полусмерти? А теперь уходи, иначе я скажу Бад и Кэлу, что ты мешаешь мне готовить.

К вящему ее удовольствию, краска сразу сползла с лица Эйба и он сразу же вышел из хижины.

«Так. Видимо, Эйб ребят побаивается». Она посмотрела на Вериги, ища подтверждения этим словам, но та жадно записывала яйцо в рот.

От начала и до того момента, когда обед был готов, прошло полтора часа, и количество приготовленного удивило даже саму Лию.

— Бад, Кэл, — позвала она, выглянув из двери.

— А меня ты звать не собиралась? — проскулил Эйб и, обойдя ее, вошел в хижину.

Внутри маленькой хижины была печь, большой стол, пять стульев, а по углам валялось несколько одеял. Повсюду были разбросаны мешки. «Набиты неизвестно чем», — подумала Лиа.

Вернувшись в хижину, она увидела, что Бад и Кэл уже сели за стол и приступили к еде. Лиа села напротив них, а Эйб — во главе стола. Она попыталась пригласить Вериги к столу, но га еще больше съезжилась в своем углу.

— Не трогай ее, — бросил Эйб. — Она боится Ревиса, — быстро добавил он и ухмыльнулся. — Ревис очень приятный человек, правда, ребята?

Ни Бад, ни Кэл и не подумали ответить ему, а поглощали приготовленный Лией обед. За столом они держались хорошо, гораздо лучше, чем Эйб, который жадно набивал себе рот.

Лиа с беспокойством думала о Уэсли. Придет ли он в себя? Попробует ли подняться на ноги и разыскать ее? Голоден ли он? Сможет ли она найти дорогу к нему?

— Ешь как следует! — распорядился Эйб. — Ревису худые женщины не нравятся.

В мозгу Лии прозвенел сигнал тревоги.

— А какое отношение мой вес имеет к твоему сообщнику?

— Да никакого, — поспешно отозвался Эйб. — Просто Ревис настоящий джентльмен, он любит красивых женщин.

Она подалась вперед.

— Джентльмен не грабит людей.

— Хорошо сказано, — раздался голос за ее спиной. Лиа быстро обернулась, а Эйб вскочил с места, опрокинув стул.

— Мистер Ревис, — произнес Эйб с придыханием, почтительно охваченный священным ужасом.

Лиа не знала, кого ей доведется увидеть, но стоявший в дверях человек в любом случае не отвечал ее представлениям. Он был высоким, широкоплечим, с узкими бедрами и вьющимися черными волосами. Его темно-карие глаза притягивали к себе. Губы на его красивом лице с квадратной челюстью изогнулись в язвительной усмешке, он жадно разглядывал ее.

По спине Лии пробежал холодок.

— Это она, мистер Ревис, — сообщил Эйб. — Это моя сестра. Красивая, правда? К тому же и крепкая. Она способна выдержать больше, чем какой-то месяц или два.

Лиа не могла оторвать глаз от пришедшего. В нем было нечто пугающее и в то же время притягательное. Она провела языком по губам.

Медленно, по-кошачьи, Ревис приблизился к ней. Он был одет в черную шелковую рубашку, черные шерстяные брюки и черные кожаные сапоги. Ревис изящным движением протянул ей руку.

Лиа пожала ее, и на секунду ей показалось, что она опять в гостиной дома Стэнфордов. Она стояла перед ним так, будто ее приглашали на танец.

— Действительно, она красива, — произнес Ревис низким голосом.

— Я знал, мистер Ревис, что она вам приглянется. Я так и знал. Да она и сама рада познакомиться. В ней есть изюминка. Вы будете довольны.

Лиа стояла посередине убогой хижины, ее рука была в руке Ревиса. По доносившимся из-за спины звукам можно было понять, что Бад и Кэл продолжают невозмутимо есть. Смысл слов брата начал медленно доходить до нее. Секунду она переводила глаза с Эйба на Ревиса, и ей все стало ясно. Ревис не был ничьим партнером, и, уж конечно, не был партнером Эйба Симмонса. И Лиа предназначалась не на роль поварихи, а на роль живого подарка этому красивому, очаровательному злодею. Она резко выдернула руку.

— Кажется, произошло недоразумение, — заговорила она. Меня пригласили сюда поварихой.

— Вот какая она осторожная! — Эйб нервно рассмеялся. — Моя сестренка все знает про мужчин, просто обожает их, и вижу, что вы, мистер Ревис, ей ужасно нравитесь. Давай, Лиа, поцелуй его.

Лиа резко повернулась к брату. Ее лицо исказила гримаса гнева.

— Ты сказал, что вам нужна повариха, а сам рассчитывал, что я буду торговать собой ради тебя? Имей в виду, дрянь такая, я не служу своим телом никому, и меньше всего, таким преступникам, как он.

— Мистер Ревис, — заговорил Эйб бледнея. — Она не это хотела сказать. Вы же сами знаете,

как нравитесь дамам. Она просто решила, что больше вам понравится, ежели придется добиваться ее.

— Ах ты!.. — вскрикнула Лиа и бросилась на брата. Сильная рука Ревиса резко выбросилась вперед и схватила Лию за талию. Он прижал ее к себе.

— Какова бы ни была причина, рад, что вы с нами, — вполголоса произнес он. — Я люблю храбрых женщин, это приятно. — Свободной рукой он начал поглаживать ее руку. — Мне будет приятно укротить тигрицу.

— Пусть вам будет приятно вот это! — закричала она и ногой ударила его по щиколотке. Что бы ни произошло потом, по выражению лица Ревиса она поняла, что дело стоило того. Почему красивые мужчины всегда убеждены, что женщины готовы им покоряться? — Грязный вор не коснется меня, — заявила она с вызовом, но тут же попятилась от Ревиса.

— Хватайте ее, мистер Ревис! Такая неблагодарная сестра заслуживает вашего наказания, — завопил Эйб.

В глазах Ревиса застыло холодное, жесткое, страшное выражение, и он двинулся к Лие.

Она бросилась за стол и загородилась от него стулом.

— Не трогайте меня, — предупредила она. — Не смейте ко мне прикасаться.

— Ты слишком красива, так что мне безразлично, чего ты хочешь. — Ревис швырнул стул в угол комнаты.

Лиа продолжала пятиться, хватаясь руками за плечи Бада и Кэла, которые продолжали есть.

— Помогите, — умоляла она, но юноши не обратили внимания на ее призыв.

— Ребята слушают только меня, — заявил Ревис, продолжая наступать на нее. — Так не закончить ли игры? Иди ко мне! Я хозяин этого маленького царства, и здесь все дают мне то, что я пожелаю. Или раскаиваются, что не пошли мне навстречу, — добавил он.

Из угла донесся жалобный плач Вериги. Так вот как вы поступили с Верига? Принудили ее?

— Ревис хитро улыбнулся своим мыслям.

— Когда мои женщины мне не повинуются, я их караю.

Лиа невольно вздрогнула. Если ей удастся выпутаться из этой истории, она устроит брату взбучку. Она скосила глаза в сторону Эйба, и в этот миг Ревис набросился на нее. Заломив руку Лии за спину, он прижал ее к себе.

— В тебе есть огонь, красотка, — прошептал он. — И я хочу им воспользоваться.

— Прекратите! — воскликнула она, и в голосе ее прозвучала мольба, хотя она старалась не обнаружить это.

Ревис впился в ее шею губами.

— Ты привыкнешь получать удовольствие от того, что я даю, — вкрадчиво прошептал он.

Лиа с трудом соображала. И не потому, что прикосновение его горячих губ к шее взволновало ее; просто она каким-то образом догадалась, что если Ревис добьется от нее того, что хочет, она, а может быть, и Уэсли, погибнут. Спасти можно, лишь остановив его.

Лиа не могла тягаться с ним силой, но Бад и Кэл могли, если бы только она привлекла их на свою сторону.

— Мне не хочется заниматься любовью на людях, — прошептал Ревис.

— Идем на улицу, там мы будем совсем одни. Я покажу тебе мужчину в душе вора, которого ты так боишься.

— Я не... — заговорила Лиа. Рука Ревиса сжалась на ее горле, и большой палец надавил на пульсирующую вену.

— Может быть, тебя стоит припугнуть. Люблю, когда женщина сопротивляется.

— Потому что не можете найти женщину, которой были бы нужны? — резко бросила она.

Ревис поднял черную бровь.

— Пожалуй, тебя бы стоило хорошенько проучить.

Почувствуешь боль, так сразу перестанешь сопротивляться.

— Она этого заслужила, — поддакнул Эйб.

— Заткнись, — рявкнул Ревис, ни на секунду не сводя глаз с лица Лии. — Твой придурковатый братец рассказал тебе про меня? Я беру то, что мне нужно, и пользуюсь им, пока оно еще на что-то годится. Ты не можешь противиться мне, бороться со мной, потому что я всегда добиваюсь своего.

И он грубо и яростно впился в ее губы. Когда он отпустил Лию, по блеску его глаз она поняла, что он уверился — теперь она желает его. Он был убежден, что от его поцелуя она падет перед ним на колени.

Зарывав, Лиа плюнула ему в лицо, а когда он замахнулся, чтобы ударить ее, отвернулась.

— Бад и Кэл, — позвала она. — Если вы меня не защитите, я больше не буду готовить для вас.

При этих словах рука Ревиса замерла в воздухе. Он разжал хватку и резко прижал Лию спиной к стене. Его красивое лицо исказилось отвратительной ухмылкой.

— Думаешь настроить против меня моих братьев? Думаешь, ты сумеешь распоряжаться тем, чему я хозяин?

— Нет, я... я просто не хочу, чтобы вы меня касались. Что-то в его манере держаться еще больше испугало ее. Спрятав руки себе за спину, она вцепилась в стену, как бы пытаясь продрасться сквозь нее на свободу.

— Ты должна понять, что я здесь хозяин, и какая-то женщина, черт побери...

Он опять замахнулся на нее. Но так и не ударил. Широкая рука Бада схватила его за запястье.

— Эта женщина будет готовить еду. — Бад произнес это негромко и мягко, но нельзя было не слышать в его голосе решимость.

Надо было видеть выражение глубокого изумления на лице Ревиса. Он приготовился ответить, но, посмотрев на стоявших по бокам юношей, рядом с которыми он казался совсем невзрачным, опять уставился на Лию, и от его взгляда она содрогнулась. Теперь он ее возненавидел, и Лиа на секунду пожалела, что не подчинилась ему.

Ревис освободил руку из тисков Бада, повернулся и вышел из хижины.

На мгновение в хижине воцарилась тишина. Потом раздался громкий плач Вериги. Эйб тяжело опустился на стул.

— Господи, Лиа, ты добилась своего. Ревис не тот человек, которого можно доводить до бешенства.

Бад и Кэл переглянулись и бесшумно вышли на улицу. Лиа трясущимися руками принялась убирать со стола.

Глава 17

Только поздно ночью Лиа сумела выскользнуть из хижины грабителей. Ревис еще не вернулся, но его нападение на Лию так перепугало Верити, что Лие пришлось успокаивать ее несколько часов. Верити истерически твердила, что Ревис вернется и убьет их всех. Лиа вымыла изможденную женщину и уложила спать.

Эйб принялся упрекать Лию за то, как плохо она обошлась с Ревисом, но стоило ей произнести несколько сочных слов, как он вышел из хижины.

Большую часть этого долгого дня Лиа была занята приготовлением еды, и за обедом она как могла пыталась отблагодарить Бада и Кэла за оказанную помощь. Юноши вели себя так, будто и не слышали ее. Поддавшись внезапному порыву, она расцеловала обоих в щеку.

— Надеюсь, ты не вознамерилась залучить этих болванов в свою постель? — заныл Эйб. — Ты не можешь отвергнуть Ревиса ради этих головорезов.

— Эйб, — спокойно ответила Лиа. — Я достаточно тебя наслушалась. Если ты...

— Если ты чересчур обозлишь меня или Ревиса, — прервал ее Эйб, — то я ему расскажу про богатенького парня, которого ты прячешь. Так что хорошенько подумай, прежде чем угрожать мне.

После этого Лиа большей частью молчала, и Эйб самодовольно похмыкивал и постоянно напоминал о разных мелких делах, которыми ей придется заняться.

Ночью, закончив все дела, она пустилась в долгий путь к хижине, в которой оставался Уэсли. По пути она сочинила историю, объясняющую, почему не смогла быть с ним.

За долгую дорогу она очень устала. Когда Лиа оказалась у хижины, ее сердце колотилось. Как Уэсли, все ли в порядке?

Она зажгла стоящую около кровати лампу и с облегчением вздохнула, увидев, что Уэсли мирно спит. Он тут же открыл глаза.

— Лиа? — прошептал он.

— Я уже здесь. Я принесла тебе еду. Ты можешь есть?

Он молча разглядывал ее.

— Где ты была, Лиа? — тихо спросил он и сел.

— Лежи! Лежи спокойно, а я тебя покормлю. — Она попыталась удержать его, но он оттолкнул ее руки.

— Отвечай!

Его голос звучал повелительно, и внезапно Лиа дала волю чувствам. Она упала на край кровати, закрыла лицо руками и заплакала. — Лиа, любимая, заговорил Уэсли и потянулся к ней. — Я вовсе не хотел обидеть тебя до слез.

— Просто я устала, и столько всего происходит.

— Что происходит? — спросил он, стиснув зубы. — Кто ранил меня, и где ты была целый день?

Лиа вытерла слезы тыльной стороной ладони. Невзирая на усталость, ей предстояло разыграть главный в своей жизни спектакль.

— Уэсли, — начала она. — Произошел ужасный несчастный случай. Какие-то люди охотились и нечаянно подстрелили тебя. Они помогли мне перенести тебя сюда, потом ушли. Видимо, они боялись, что, когда ты выздоровеешь, то погонишься за ними, поэтому и решили скрыться.

Она глубоко вздохнула. Теперь предстояло самое трудное.

— Когда я перенесла тебя в эту хижину, у двери появилась маленькая девочка. Она умоляла меня пойти к ней домой. Ее отец умер, но мать и все ее шестеро братьев и сестер слегли с корью, и присматривать за ними осталась только эта девочка. Я решила, что здесь тебе будет неплохо в одиночестве, потому что тебе больше всего нужен отдых, и пошла с ней. Мне целый день пришлось готовить, убирать и ухаживать за больными.

Внезапно она умолкла и взглянула на него. Глаза ее молили верить ей. Она не была уверена, что сумеет выстоять еще и в схватке с ним.

Взгляд Уэсли сверлил ее. Он ни разу в жизни не слышал такого нагромождения лжи, но она умоляет верить ей. Ее глаза были обведены синими кругами, платье перепачкано во время стряпни. Однако ему было известно, что в этих лесах никто не живет, именно поэтому он и привел ее сюда. Еще он знал, что здесь находилось разбойничье гнездо, и если кто-либо решался осесть в этих местах, то жизнь его оказывалась под угрозой.

И вот Лиа сочиняла историю о какой-то женщине, жившей здесь с семью детьми. Сейчас он был слишком слаб, чтобы встать с кровати и выяснить, где она провела целый день, но по испуганному взгляду Лии понял, что она не скажет ему, что же происходит на самом деле.

— Это очень похоже на тебя — вешать себе на шею чужие заботы, — сказал он, выдавив улыбку.

— Ты... ты не против? — спросила Лиа, затаив дыхание. Поверит ли он ей на самом деле? Не откроется ли рана, если он отправится искать ее?

— Лиа, — ласково продолжал он, — неужели я был таким тираном, что ты решила, будто я заставлю тебя оставаться со мной, пока какая-то вдова с детьми умирает? Ты об этом подумала?

— Нет... я не знала, чего ждать. Кажется, твоя рана не так опасна, как мне казалось. Меня тревожило, что ты остаешься здесь совсем один.

«И что-то испугало так, что ты не осталась со мной», — подумал Уэсли, однако взял руку Лии и поцеловал ее ладонь.

— Ты можешь остаться, или тебе нужно вернуться? Она боялась возвращаться ночью по склону горы, но и оставаться с Уэсом не смела. Ревис мог отправиться разыскивать ее, и она поднялась.

— Я должна вернуться. С тобой ничего не случится?

— Мне будет не хватать тебя, но я справлюсь. Иди и постарайся как следует выспаться. Я поем и еще посплю. У меня так болит бок, что я не способен заниматься ничем другим. Его голос был на редкость усталым.

— Да, — прошептала она и, собрав последние силы, вышла из хижины.

— Черт бы ее побрал, — пробормотал Уэсли, как только дверь за ней закрылась. Что же с ней стряслось? Сначала она ускользнула ночью, чтобы встретиться с пришедшим в лагерь бездельником, и весь следующий день ее трясло от возбуждения. Он помнит, что потом в него стреляли, и пока он истекал кровью, она боролась с этим негодяем.

Сегодня Уэсли весь день оставался в постели, питаясь оставленной кем-то для него едой, и ждал, пока вернется жена. Когда же он снова увидел ее, она казалась постаревшей на десять лет и была перепугана до смерти.

Что, черт возьми, происходит? Придерживая рукой перевязанную грудь, он осторожно вылез из постели. Хата он потерял много крови, рана, в сущности, была не слишком опасна, и он не без умысла постарался избавиться от Лии, пока она не вздумала осмотреть его. Если она умеет лгать, то и он способен на это. Его хитрость будет состоять в том, что он притворится, будто чувствует себя гораздо хуже, чем на самом деле.

Выйдя из хижины, он наклонил голову и прислушался. Нетрудно было услышать, как Лиа пробирается вниз по склону горы. Если она пыталась сохранить все в тайне, у нее это получалось плохо.

Двинувшись вслед за ней, он услышал слева от себя шаги еще одного человека. Его поступь была тяжелой, и Уэсли догадался, что это тот великан, которого он раньше видел на месте своей ночевки. Он следовал за Лией по пятам, стараясь не попасться ей на глаза.

Уэс бесшумно скользнул влево и по дороге подобрал толстый сук. Справиться с человеком такого телосложения можно только с помощью чего-то тяжелого.

Следуя за ним и Лией, Уэс прошел немалый путь, пока не остановился на возвышении, откуда посреди вырубki была видна хижина. Было видно, как Лиа подошла к задней двери, и в свете луны навстречу ей выбежал худощавый человек. До него донеслись слова:

«Где, черт возьми, ты была?»

Уэсли притаился, сидя на земле, и следил за ними, пораженный, пытаясь понять, во что же Лиа ввязалась.

Но тут же он выпрямился, потому что сук, который он держал в руках, был прижат к земле чьей-то ногой. Он посмотрел прямо в глаза юного гиганта, которого впервые увидел накануне. Уэсли безотчетно замахнулся, но кто-то, стоявший за его спиной, перехватил его руку. Резко повернувшись, он увидел второго гиганта.

Уэс выдернул руку из его тисков.

— Если хоть один из вас тронет мою жену, я убью вас! — прошипел он. У него не было особых оснований думать, что они испугаются угрозы, но это его не остановило.

— Она пока вне опасности, — сказал один из незнакомцев. — А теперь возвращайтесь в хижину, а то ваша рана опять начнет кровоточить.

В свете луны Уэс перевел взгляд с одного юноши на другого, неожиданно поняв, что происходящее связано с большой опасностью и Лиа каким-то образом втянута в это дело.

— Моя жена нуждается в помощи, я не ошибся? — спросил он, надеясь в душе на сочувствие этих людей.

— Возвращайтесь в хижину, тогда и поговорим, ответил один из них.

Спустя четыре часа Уэсли опять остался один в крохотной хижине. Лампа погасла, и в комнате стемнело, но он подумал, что его ярости хватило бы на то, чтобы осветить половину земного шара.

Сначала оба юноши, Бад и Кэл, изъяснялись с трудом, как будто им редко приходилось открывать рот.

Но после уговоров и после того, как увидели жгучий интерес Уэса, они разговорились так, что никак не могли остановиться. Они не помнили своих родителей, но их взяла к себе мать Ревиса, когда им было по три года, и уже тогда они были такими крупными, что люди смотрели на них с удивлением. Еще мальчиком Ревис стал вором, но несмотря на это его отличало обаяние. Многие обращались с Бадом и Кэлом словно с уродами, а они были всего лишь молчаливыми великанами. Но Ревис был с ними добр. Его мать использовала юношей как еще одну пару быков, поэтому когда Ревис предложил им податься на запад, Бад и Кэл согласились.

К этому времени они прожили в лесах Кентукки четыре года, и хотя Ревис хорошо обращался с ними и они многим были ему обязаны, им не нравилось, как он обходился с женщинами, которых приводил в хижину. Несколько раз Бад и Кэл пытались помочь этим женщинам, но те в страхе начинали кричать, потому что Эйб запугивал их небылицами о жестокости юношей.

Однако Лиа была не такой. Она не поверила рассказам Эйба об их слабоумии и была с ними ласкова.

— Лиа берет на себя чужие заботы, — пробормотал Уэсли. — Вы поможете ей бежать? Бад и Кэл переглянулись.

— Без вас она никуда не уйдет. Эйб сказал, что если она убежит, то он расскажет Ревису, где вы находитесь. Ревис убьет вас, — откровенно заявил Кэл. — Он не любит, когда чужие

прикасаются к его женщинам.

— И я этого не люблю! — бросил Уэсли, а потом принялся расспрашивать их о затеях Ревиса. Уэс знал, что в течение многих лет бандиты грабили переселенцев, направлявшихся на запад, еще до того, как здесь появился Ревис. Бад и Кэл знали только, что Ревис докладывает обо всем человеку по прозвищу «Танцор», но ничего о нем не знали.

— Мне бы хотелось узнать, кто этот Танцор? — задумчиво проговорил Уэсли. Юноши собрались уходить.

— Нам пора возвращаться. Скоро придет Ревис. Поправляйтесь, а мы присмотрим за вашей красивой леди.

— Она ведь настоящая леди, правда? — заметил Уэс на прощание.

Теперь он остался совсем один и принялся раздумывать над только что услышанным. На него произвело сильное впечатление то, что Лиа так рисковала, чтобы защитить его. Вспомнив историю их брака, он подумал, что не очень-то много сделал для того, чтобы она его полюбила. Ему вспомнилась Кимберли, и он попытался представить, что бы сделала она в подобных обстоятельствах. Уэсли был уверен, что Ким не рискнет своей головкой или столь высоко ценимым целомудрием, чтобы помочь кому-либо.

— Я возьму тебе все упущенное, Лиа, — прошептал он в темноту. Пока он будет надеяться на то, что юноши защитят ее; но когда дела пойдут на поправку и не будет опасений, что при малейшем движении его рана откроется и он умрет, истекая кровью, он сам защитит ее. А затем он постарается что-нибудь сделать так, чтобы не оставаться для нее всего лишь обузой.

Глава 18

В ту ночь Лиа спала мало. Но и во сне ее мучили страхи за Уэсли, оставшегося в одиночестве. Кто знает, что обретается в этих лесах? Медведь, которого они видели, мог сломать дверь и добраться до него. И что еще хуже, его мог найти Ревис и всадить ему пулю в сердце. Когда она проснулась, ее голова болела, глаза опухли.

— Тебе следовало бы выглядеть иначе, — заявил Эйб, когда она принялась готовить завтрак. — Ревису нравятся красивые женщины.

— Меня не интересует, что нравится Ревису. Я буду делать то, что захочу.

— Тебе будет лучше, — Эйб склонился к ней, если ты захочешь угодить ему, а то мне, может, захочется рассказать ему, где находится твой богатый любовник.

У Лии затряслись руки, но она продолжала жарить грудинку. Лишь после того, как завтрак закончился, она убрала посуду и принялась готовить обед, появился Ревис. Он стоял, прислонившись к стене хижины, и подравнивал ногти ножом с длинным тонким лезвием.

Лиа вскочила, высоко подняла голову и мимо него направилась к двери.

Он схватил ее за волосы и обмотал их вокруг руки, потом подтянул ее к себе.

— Значит, леди слишком хороша, чтобы разговаривать с вором?

— Оставьте меня! Мне не нужно ваше внимание.

Меня ждет работа. Бад и Кэл...

— Ты пожалеешь, что восстановила их против меня, — Он откинул ее голову назад, и поцеловал в уголок рта.

Лиа увидела на его лице улыбку, и вдруг ее голова дернулась. Он тут же оттолкнул ее и глумливо помахал перед ней длинной прядью ее волос. Лиа подняла руку к затылку и ощутила неровный край волос там, где он срезал их. Когда она бросилась в хижину, за ее спиной звучал смех Ревиса.

Весь день Лиа работала так, что довела себя до изнеможения: не обращая внимания на шуточки Эйба, готовила, убирала, вступалась за Верити, которая начинала плакать, как только к ней приближался один из мужчин.

Перед ее взором непрестанно маячил Ревис, следивший за ней. Он внезапно возникал из леса, из-за поленницы или же безмолвно стоял в углу хижины. Он ни разу не приблизился к ней настолько, чтобы коснуться ее. Ведь после того, как он отрезал ее волосы, либо Бад, либо Кэл постоянно находились рядом с ней. Дважды Лиа заметила, как Ревис задумчиво смотрел на юношей.

На закате Ревис исчез, и вскоре после этого Лиа сказала Баду, что пойдет навестить мужа. Гигант молча кивнул, и Лиа не была уверена, понял ли он ее. Она решила выжидая выяснить, действительно ли юноши так глупы, как говорил о них Эйб.

— Тебе лучше вернуться до того, как придет Ревис, — предупредил Эйб, но Лиа не обратила внимания на его слова.

Поднимаясь вверх по склону, Лиа думала о том, что ложь может причинить ей вред. Похоже, что она всем рассказывала разные истории. Уэсли лежал в одиночестве в хижине и при этом, конечно, проклинал себя за то, что на его шее оказалась женщина из семейства Симмонс. Он решил остаться ее мужем, поскольку с ней «веселее», но где же теперь удовольствие, которого он ожидал?

Когда Лиа открыла дверь хижины, Уэсли подумал, что еще никогда ему не приходилось видеть у человека такое потерянное выражение лица. Вид у нее был настолько несчастный, что он едва не засмеялся. За все годы, что он знал ее, Лиа всегда стойко выдерживала невзгоды, которые обрушивались на нее. Уэсли никогда не испытывал чувства вины, если говорил ей то, что думает, потому что и она, если не соглашалась с ним, прямо высказывала свое мнение.

Но вошедшая сейчас в хижину женщина выглядела так, будто отказалась от борьбы, будто ее охватило равнодушие. Уэсли сразу же понял, что с ее горем может справиться только одно средство: он должен заняться с ней любовью. Он протянул ей руку.

Нахмурившись, Лиа не обратила на нее внимания.

— Я принесла тебе еды.

— Я не голоден. Сядь рядом со мной. «Только этого мне не хватает, — подумала Лиа. — Ревис преследует меня днем, Уэсли донимает ночью».

— Мне нужно возвращаться.

— Лиа, сядь, — неожиданно твердо для больного сказал Уэсли.

По правде говоря, ей не очень хотелось ссориться с ним, к тому же, что он может сделать?

Когда она присела на край постели, Уэс обнял ее и потянул назад так, что спиной она прислонилась к стене. Он прижался своей широкой теплой грудью к ее маленькому и напряженному телу.

— Курица, картошка, бобы, кукурузный хлеб, негромко сказал он, заглянув в принесенную ею кор-11Ш:, .

Свободной рукой он взял корзину, наклонился и поставил ее на пол. После этого он не распрямылся, а продолжал удерживать ее своим телом.

— Мне... Мне нужно идти. — Она неохотно оттолкнула его.

— Лиа, — прошептал он и провел пальцем по ее щеке. — Ты ведь не боишься меня, правда?

— Конечно, нет, — бросила она. — Я должна идти, вот и все. Я не боюсь ни...

Ее прервал поцелуй, не обычный, а долгий, неторопливый, мягкий, который начал освобождать ее от усталости.

— Так что ты говорила? — спросил он, лаская ее щеку и шею широкой рукой.

— ., никого из мужчин, — ответила она, стараясь не смотреть на него. — Я не боюсь никого из мужчин, никого из...

Уэсли принялся покрывать ее шею жаркими быстрыми поцелуями, которые были ей так приятны.

— Лиа, сегодня я понял, что хотя мы женаты уже давно и у нас даже был ребенок, я тобой никогда по-настоящему не владел.

— Это глупо. — Она отстранилась. Откуда же у меня был ребенок, раз... Я хочу сказать, ты... в ту бурную ночь мы...

— Моя красавица, я тогда решил, что ты — уличная девка, и потому так тобой воспользовался. Знай я, что это была наша преждевременная брачная ночь, поверь, я бы вел себя иначе.

— Иначе? — спросила она с любопытством. Ей было приятно, что он обнимает и ласкает ее.

— Подожди! — прошептала она. — Ты не можешь касаться меня. Я поклялась, что тебе придется добиваться от меня того, что тебе нужно, что я никогда тебе не поддамся. То, что я Симмонс, совсем не означает...

— Лиа, замолчи, — прошептал он, — и считай, что тебя вынудили.

Он нашел ее губы, впился в них и не отрывался до тех пор, пока Лиа не обвила его шею и не привлекла к себе. Он опустил ее на кровать и бедром прижал обе ее ноги. Когда Уэсли оторвался от нее, то увидел в ее глазах удивление, и его охватило чувство вины за то, что эта женщина — его жена, а он ничему ее не научил. Медленно и терпеливо он принялся ласкать ее тело.

На ней было грязное, покрытое пятнами и слишком просторное платье. Умелой рукой он начал расстегивать пуговицы на ее груди.

— Уэсли, не думаю... — начала Лиа. — Пожалуй, нам не стоит... О Господи!

Его рука скользнула под платье и ощутила тепло ее тела сквозь нижнее белье. Он опять поцеловал ее, поднял с кровати и спустил платье с плеч.

Когда платье упало до талии, настал черед Уэсли удивленно смотреть на нее. Никогда еще он не видел подобного женского белья. Сквозь ниспадавшую полупрозрачную ткань проглядывали розовые соски груди и кожа сливочного цвета. Лиа тут же залилась краской.

— Портниха Николь решила, что раз мое верхнее платье будет из грубой ткани, то нижнее белье должно быть... должно быть...

— А теперь давай посмотрим все остальное, — с готовностью отозвался Уэс, и не успела Лиа сказать и слова, как он приподнял ее, снял четыре нижние юбки из бумазеи, обнажив кружевные панталоны, которые выгодно подчеркивали ее длинные сильные ноги. — Лиа! — воскликнул Уэс дрожащим голосом, обнял ее и начал страстно целовать.

Лиа сразу же отозвалась на его поцелуи. Ее никогда не приучали к мысли о том, что она не должна получать радости от близости, поэтому, подобно ребенку, не сдерживалась. С чувством радости она стала целовать его.

Секунду Уэсли был озадачен, возможно, вспомнив тщательно отсчитанные поцелуи Кимберли, и с радостью улыбнулся, чувствуя, как жена отзывается на ласку. Его руки начали скользить по телу Лии, он ощутил еще большее возбуждение, касаясь ее теплой кожи, едва прикрытой шелковистой тканью.

Осыпая шею жены поцелуями, он начал расстегивать пуговицы на ее нижнем белье. От его прикосновений Лиа стала терять голову. Ее познания в области плотской любви заключались в одном торопливом соитии более полутора лет назад. Теперь ласки были другими и вызывали в ее теле странные ощущения. Ее пальцы обхватили голову Уэсли и погрузились в его мягкие волосы.

Когда он оторвался от ее губ, Лиа запротестовала, а когда его губы коснулись ее шеи, застонала от удовольствия. Но вот губы Уэсли обхватили ее сосок, она замерла, по ее телу одна за другой прокатывались волны трепета.

— Уэсли? — удивленно спросила она и приподняла голову. Он не ответил, продолжая ласкать ее груди. Лиа с трудом сглотнула, ее голова откинулась, а тело бессознательно выгнулось, отзываясь на ласку. Сильные руки Уэсли плотно обхватили ее талию, горячими губами он скользнул вниз по ее телу.

Она хватала его за рубашку, ей в рот попала бахрама его куртки.

— Кожа, — прошептала она. — Дай мне потрогать тебя.

Уэсли тут же сбросил с себя одежду и встал над ней на колени; теперь его тело прикрывала только повязка на груди.

В ее подсознании гнездились беспокойство из-за его раны, но, по правде говоря, ее уже не волновало, что рана может открыться. Во всяком случае, сейчас ей было не до того. Ее глаза опустились на его напрягшееся естество, и без тени смущения она схватила его обеими руками.

Уэсли застонал, как перед смертью, и упал на нее, целуя все части тела Лии, которые мог достать, потом лег на нее. До этого он опасался, что Лиа испугается, но ее отклик вызвал у него такую страсть, что он больше ничего не мог с собой поделать.

Она прогнулась, встречая его первые толчки, обхватила ногами бедра Уэсли и приподнялась. Уэс обхватил ее и перекатился на спину, так что теперь она оказалась сверху. Придерживая руками ее за талию, он направлял ее вверх и вниз, время от времени бросая на нее взгляды, и наслаждался выражением чистого, неприкрытого удовольствия на ее лице.

Когда Уэс больше не мог сдерживаться, он бросил ее на спину и двумя ослепляющими толчками довел их обоих до высот наслаждения, которого им еще не приходилось испытывать.

Они лежали, сжимая друг друга в объятиях, потом Уэс приподнялся на локте и взглянул на нее. Глаза Лии сияли, рот смягчился, завитки взмокших от пота волос обрамляли ее лицо. В глазах Уэса застыло удивление; подумать только, эта страстная маленькая красавица — его жена, она навсегда принадлежит ему! Стоит ему только захотеть, и она отдается ему.

Лиа открыла глаза и, увидев лицо Уэсли, пришла в себя.

— Мне нужно идти, — внезапно сказала она.

Он нахмурился. Уэсли не хотелось, чтобы она уходила, но он знал, что она должна идти. Единственный способ защитить Лию сейчас — отпустить ее, доверив заботу о ней двум незнакомым гигантам.

— Тогда иди, — ответил он резче, чем ему хотелось. Его гордость с трудом мирилась с тем, что подсказывал здравый смысл.

Лиа расслышала в его голосе только холод и стала быстро одеваться. Не сказав ни слова, она выскользнула из хижины в ночную тьму. Но на середине склона она опустилась на землю и расплакалась.

Ей никогда-никогда не стать леди! Никакие кремы и мази, никакая красивая одежда, никакие средства для мытья волос не сделают ее леди. Она дала обет воздержания, а теперь при первой же возможности радостно улеглась в постель с мужчиной, который когда-то обошелся с ней так дурно.

Чем дольше она размышляла, тем сильнее рыдала. Как бы на ее месте поступили Риган или Николь? Нечего и сомневаться, Ревис понял бы, что они леди, и даже не попытался бы навязываться им. Ревис пожелал ее только потому, что она Симмонс. А теперь она показала Уэсу, что она не леди, и он, вероятно, с радостью отдаст ее кому-нибудь вроде Ревиса, тому, кто и сам принадлежит к ее кругу.

Наконец она собралась с силами и продолжила спуск с горы. Пусть Уэсли Стэнфорд считает, что она принадлежит к тому же кругу, что и Ревис. Сама Лиа знает, что это не так.

Когда она вошла в хижину, там было тихо, только в углу храпел Эйб. Кроватей в комнате не было, поэтому Лиа легла на пол рядом с Вериги, которая во сне часто вскрикивала.

Наутро Лию разбудил громкий топот сапог Ревиса по комнате.

— Все вставайте! — прорычал он. — Ты, — бросил он Лие. — Где ребята?

— За вашей спиной, — спокойно ответила она. Ревис зло взглянул на нее, потом повернулся к братьям.

— В двух милях отсюда на дороге застрял в грязи фургон. Вы оба идите и вытащите его, а ты, Эйб, никчемный бездельник, поможешь им.

— Идемте, громилы, надо приниматься за работу. Мы этот фургон вмиг вытащим.

Ли́а на секунду перестала дышать, опасаясь, что Ревис останется с ней, но он вышел вместе с остальными. Вздохнув с облегчением, она принялась готовить завтрак. Нечего сомневаться, что, поработав, они будут еще голоднее.

Когда она потянулась за куском грудинки, ее талию сзади обхватили руки.

— Вот теперь они ушли, — прошептал ей в ухо Ревис. Она вырвалась.

— Не касайтесь меня. — Она вырвалась. — Иначе ..

— Иначе что? — почти промурлыкал он, приближаясь к ней. — Тебе не удрать от меня.

— Ну зачем я вам понадобилась? — спросила она, продолжая отступать. — Вы красивый мужчина и могли бы выбирать из многих женщин. Ведь наверняка есть более красивые женщины, которые с радостью приняли бы вас.

Она уперлась в стенку. Ревис схватил ее за руку.

— Леди вроде вас всегда думают, что слишком хороши для таких, как я. По-вашему, вы лучше парня с большой дороги.

— Леди! — воскликнула она. — Эйб мой брат. Вы думаете, настоящая леди могла бы быть сестрой этого подонка?

«Отвлекай его разговором, — думала она. — Может быть, юноши вернутся, пока он еще не коснулся меня».

— Не верю я, что он твой брат. — Ревис притянул ее к себе. — Почему ты остаешься здесь? Каждую ночь ты уходишь в горы, но потом возвращаешься. — Видя ее изумление, он улыбнулся. — Ты знала, что ребята следуют за тобой? А когда и я пытаюсь идти следом, один из моих братьев-придурков меня не пускает. Так что вы делаете втроем на вершине горы?

— Вы мне противны. А теперь отпустите меня, пока они не вернулись.

— У нас впереди несколько часов. Я загнал фургон в грязь на два фута. Им его никогда не вытащить. А пока они там возятся, я хочу попользоваться дамой.

— Нет! — Ли́а попыталась вырваться из его рук.

— Так что там на вершине горы, сестрица? Не пойти ли нам взглянуть? Хочешь сходить со мной и посмотреть, что мы там найдем?

— Нет! То есть я хочу сказать, почему бы и нет? Там нет ничего, только возможность побыть наедине с собой. Мне хочется избавиться от вашей вони и этой отвратительной хижины.

— Тогда почему же ты не уходишь совсем? Зачем ты остаешься, готовишь еду и помогаешь

этой развалине, которая когда-то была женщиной? — Лиа не нашлась что на это ответить. — Ну, леди, скажите мне.

— Я обещала помочь брату. Когда-то он мне помог, и я перед ним в долгу, — ответила она торопливо.

— Эйб никогда никому не помогал. Что ты скрываешь?

Не успела Лиа ответить, как в двери появился Бад по пояс в грязи. Он безмолвно пересек комнату и положил руку на плечо Ревиса. С гримасой ненависти Ревис резко повернулся к юноше.

— Что, уже вытащили? — бросил он.

Бад кивнул. Спрятав руки за спину, Лиа коснулась ими стены, когда Ревис, выходя из хижины, бросил на нее злобный взгляд.

— Спасибо, — прошептала она, обращаясь к Балу. До конца дня Ревис постоянно находился рядом, и она опасалась, что ночью он будет следить и найдет Уэсли. Чтобы не рисковать, она не пошла к нему. — Ты отнесешь ему это? — шепотом спросила она Бада, с мольбой глядя на него, и протянула корзину, полную припасов.

Он молча кивнул. Лиа еще не знала, насколько может верить юношам, но теперь вынуждена довериться им.

— Не показывайся Уэсли, — попросила она. — Он не знает, что я... где я.

Позже Лиа в одиночестве лежала на грубых одеялах на полу хижины и вспоминала проведенную накануне ночь в объятиях Уэсли. Муж желал ее потому, что она не леди, а Ревис желал ее, считая, что Лиа леди.

— Вот они, мужчины! — свирепо прошептала она в темноту, и Вериги, проснувшись, подползла к ней. — Т-с-с, — стала успокаивать ее Лиа, когда Верити принялась хныкать. — Никто тебя не обидит.

Но Лиа знала, что говорит не правду. Совершенно очевидно, что Ревис не любит, когда его планы срываются, и Лиа понимала, что он любыми способами постарается сделать ей больно.

Глава 19

Лию разбудили еще более громкие крики Верити; открыв глаза, она увидела, что Ревис склонился над ней и гладит ее руку. Верити отползла, уперлась затылком в стену и стала выпрямляться.

— Оставьте ее! — потребовала Лиа.

— А ты займешь ее место?

— Нет, но...

— Она не такая, как ты, Лиа, — заявил Ревис, обеими руками поглаживая руки Верити. — Ее легко запугать. У нее сохранились только остатки разума, но я могу лишить ее и этого. Стоит мне только... — Он смолк и руками обхватил горло Верити.

— Остановитесь! — крикнула Лиа, схватив его за руку. — Я позову Бада и Кэла. Они не позволят вам — обидеть ее.

— Я не обижу ее. Я только хочу, чтобы она на меня посмотрела. Чтобы смотрела туда, где буду я.

Лиа сразу поняла, что его замысел удастся. Разум Верити был поврежден, и если Ревис будет ее запугивать, долго она не выдержит.

— Почему? — прошептала Лиа. — Зачем вам обижать ее? Она для вас никто.

— Потому что мне кое-что нужно от тебя, — ответил Ревис. — Я хочу, чтобы ты со мной прокатилась верхом.

— Прокатилась? — Лиа была изумлена. — Куда? А когда мы удалимся от хижины, вы на меня нападете?

— Может быть, я был с тобой чересчур жесток. — Ревис резко отпустил Верити и опять присел на корточки. — Твой брат полтора часа расписывал мне, какая ты красивая и как жаждешь прыгнуть в мою постель. Поэтому, когда ты стала сопротивляться, я решил, что это игра, но когда ты использовала против меня моих собственных братьев... — Он посмотрел на нее с упреком. — Я ведь только человек, Лиа, и, кажется, слегка рассердился.

Лиа сидела неподвижно, глядя на него, и от изумления даже приоткрыла рот.

— И эту юную даму я тоже не хочу пугать. Но мне хочется доказать тебе, что я не такой плохой, а единственный способ убедить тебя отправиться со мной прокатиться верхом — это шантажировать тебя.

Лиа посмотрела на его красивое смуглое лицо; Ревис глазами умолял ее поверить ему.

— Знаю, что я вор, но вдруг ты сможешь помочь мне найти выход. — Он схватил ее за руки. — Лиа, просто узнай меня немного ближе. Я докажу тебе, что я тоже человек. Всем, что мне дорого, клянусь, я тебя не обижу, даже пальцем не трону. Мы только немного спустимся с горы, поболтаем, полюбуемся цветами, и все. Клянусь тебе.

— Я... я не знаю, — ответила она, запинаясь. — Ребята не станут...

— Ребята не узнают! — резко отозвался Ревис. — Ты настроила моих же братьев против меня, и даже они мне больше не верят. Если мы с тобой уедем и вернемся вместе и ты нисколько не пострадаешь, может быть, я смогу опять завоевать их доверие. Известно ли тебе, каково потерять людей, которых любишь больше всего?

При этих словах Лиа едва не заплакала. Она потеряла всех, кого когда-либо любила. Даже мужчина, которого она любила с самого детства, отвернулся от нее.

— Да, — прошептала она. — Я знаю, каково терять близких.

— Тогда помоги мне, — взмолился он. — Дай мне возможность доказать моим братьям, что я по-прежнему заслуживаю их уважения. И позволь доказать тебе, что и в разбойнике кроется человек.

Тут он улыбнулся ей, и его улыбка, которую Лиа еще ни разу не видела, была неотразима. Что

может случиться плохого, если она поедет с ним? А если она откажется, он непременно выполнит свою угрозу и будет запугивать Вериги.

— Лиа, прошу тебя, — сказал он тихо, сжимая ее руки.

— Хорошо, — согласилась она. — Как мы уедем?

— Сразу после завтрака спрячься среди деревьев. Скажи одному из ребят, что хочешь побыть одна. Они тебя послушают. Я буду ждать тебя у гребня. — Он опять улыбнулся. — Спасибо, Лиа. Это много значит для меня.

Он встал и вышел из хижины. Готовя завтрак, Лиа обдумывала слова Ревиса. Кто она такая, чтобы судить о человеке, раз ее собственные отец и брат были преступниками? Возможно, Ревис не такой уж плохой. Может быть, в нем есть и что-то хорошее. Он принял на себя заботу об Эйбе и младших братьях, которые, видимо, слишком глупы, чтобы самим заботиться о себе. Может быть, не по своей вине он стал вором. Может быть, она сможет помочь ему, убедить, что есть другая жизнь.

К тому времени, когда Лиа убрала после завтрака со стола, она уже решила поехать с ним. Когда она взяла пустую сковородку, Вериги схватила ее за руку.

— Не уезжай, — хрипло прошептала она. — Ревис дурной человек.

Лиа невольно отстранилась от нее. Она сама не очень хорошо понимала свои мысли, ей казалось, что Вериги боится собственной тени. Вериги боялась Бада и Кэла. Нет ничего удивительного, что она уговаривала Лию не оставаться наедине даже с одним из этих безобидных гигантов.

— Со мной все будет в порядке, — покровительственно ответила Лиа. — Отдыхай, а когда я вернусь, то привезу тебе цветы.

— Лиа... — умоляла ее Вериги.

— Иди отдыхать, — строго распорядилась Лиа, и свет в глазах Вериги погас. Она медленно ушла в свой угол.

Лиа покачала головой, сожалея об отсутствии решимости у этой крохотной женщины, но не стала терять времени на размышления о ней. Как только она сумеет поладить с Ревисом, то уведет Уэсли из леса.

Спустя полчаса она бросилась вниз под гору. Ускользнуть от юношей оказалось не так трудно, и теперь она радовалась, что целое утро будет свободна от хозяйственной суеты. Увидев Ревиса, она на всякий случай улыбнулась.

— Поехали, — сказал он, улыбаясь. — Моя леди, лошадь ждет тебя.

Сначала Лиа так радовалась возможности хотя бы ненадолго избавиться от своих забот, что едва взглянула на Ревиса. Было жарко, в воздухе из-за тумана висела дымка, и все вокруг казалось ей красивым.

— В тебе есть огонь, Лиа, — раздался сбоку голос Ревиса. Ты была бы хорошей парой для мужчины.

— Я замужем, — ответила она, похлопывая лошадь по шее.

— А где твой муж?

— В штате Кентукки, в городе Суитбрайар, — быстро ответила она. — Мы едем в какое-то определенное место?

— Мы просто спускаемся с горы. Мужчина, который согласился отпустить тебя хоть ненадолго, глупец. А я мог бы подарить тебе шелковое платье.

Она улыбнулась его словам.

— Спасибо, у меня есть несколько шелковых платьев. И вряд ли мой муж хотел бы, чтобы я оставалась здесь.

Как ей хотелось, чтобы это было правдой!

— Неужели я так и не смогу уговорить тебя остаться со мной?

Хотя Лиа и пыталась убедить себя в обратном, ей было приятно, что ее добивается этот красивый мужчина. Он считал ее леди, даже зная, что она из семьи Симмонс.

Лес поредел. Пни свидетельствовали о том, что переселенцы вырубili здесь деревья.

— Это не Пустынная тропа проходит внизу? — спросила она, глядя на глубокую, укатанную фургонами колею. — Нам лучше вернуться.

— Нет, — ответил он. — Ту тропу пересекает ручей. Я хочу кое-что показать тебе.

— Но если кто-нибудь увидит вас... Я хочу сказать...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — медленно возразил он. — Могу я показать тебе кое-что?

— Конечно.

Продолжая ехать верхом, они достигли середины сильно укатанной дороги. Совсем близко дымился костер. Ревис достал из кармана черный шелковый носовой платок и на глазах у Лии завязал им нижнюю часть лица. Это ей не понравилось. Ведь она-то не забыла, что Ревис вор.

— Пожалуй, нам пора возвращаться.

— Пока еще нет, моя надменная принцесса, — ответил он и схватил ее лошадь под уздцы.

Через секунду они с грохотом помчались по дороге туда, где горел костер. Лиа с трудом удерживалась в седле. Один раз она вскрикнула «нет!», но Ревис не обратил на нее внимания.

Подобно грозовым облакам они выскочили на расчищенное место, где стояли два фургона. Переселенцы, занятые работой в лагере, подняли головы и замерли.

Ревис убил одного из них выстрелом в голову. От ужаса утратив дар речи, Лиа оцепенела. Затем стремительно спрыгнула с лошади и бросилась к убитому. Рядом с ней взвизгнула женщина.

Ревис подскочил к Лие, стоявшей над телом.

— Собери их вещи, Лиа, — холодно распорядился он.

— Вы зверь! — закричала она и стала бить Ревиса кулаками.

Он поднял пистолет и прострелил стоявшей рядом женщине плечо. Возле фургонов собрались пятеро переселенцев и двое детей. Они в ужасе смотрели на человека в повязке и лежавших около него людей.

— Если ты мне не подчинишься, то сама выберешь того, кто умрет следующим, — заявил Ревис и вытащил из седельной сумки еще один пистолет.

Истекавшая кровью у ног Лии женщина заплакала.

— Лиа, даю тебе десять секунд, чтобы ты выполнила мой приказ, — объявил Ревис.

— Что... что мне нужно делать? — Она понимала, что сейчас имеют значение только поступки, а слова бесполезны.

— Возьми шляпу у того человека и сложи в нее все, что у них есть. — Он повел стволом пистолета. — Если хоть один из вас помешает моей сообщнице, я выстрелю ему в голову.

— Я не... — начала Лиа, но замолчала. Когда она остановилась перед переселенцем, он с ненавистью посмотрел на нее.

— Господь сделает так, что ты будешь гореть за это в аду — процедил мужчина, протягивая ей свою шляпу — Нет, прошу вас, я...

— Слушай его, Лиа, — отозвался Ревис. — Я хочу представить всем вам миссис Лию Симмонс-Стэнфорд из Виргинии, которая скоро переселится в город Суитбрайар в штате Кентукки.

Лиа обошла переселенцев, трясущимися руками держа шляпу, в которую они складывали свои часы и кольца. Одна из женщин плюнула ей в лицо, и Лиа покорно вытерла слюну.

— Лиа, дорогая, поехали, — сказал Ревис с издевкой. — Нам пора возвращаться, а этим добрым людям нужно похоронить своего покойника.

Остановившись около лошади, она заколебалась.

— Если ты останешься здесь, они порвут тебя в клочья, а если не поедешь со мной, я убью еще двоих. Пожалуй, мне бы это пришлось по душе, — заявил он так тихо, что услышала его только Лиа.

Как в тумане, Лиа села верхом. Ревис подхватил лошадь под уздцы и повел за собой в лес. Перебравшись через дорогу, он остановился и снял платок с лица.

— Я же обещал, что ты заплатишь за то, что настроила братьев против меня, — заявил он. — Через несколько дней на много миль в округе все будут знать о красавице миссис Стэнфорд, воровке и убийце.

— Нет! — прошептала Лиа.

— Теперь, красавица Лиа, у тебя действительно есть причина оставаться со мной. Если ты

откажешься от моей защиты и покинешь нашу укромную хижину, тебя арестуют, и ты будешь висеть с петлей на шее до тех пор, пока не умрешь. — Он рассмеялся. — Ты привыкнешь. При следующем нападении ты уже будешь знать, что делать. А поскольку ты приобретешь известность, нам не придется прятать твое красивое личико. В путь, — заявил он со смехом. — От вида крови у меня всегда пробуждается аппетит.

И он повел ее лошадь к хижине вверх по извилистой тайной тропе, а Лиа, сидя верхом, думала о том, что ее жизнь закончилась.

Глава 20

Когда Ревис и Лиа добрались до хижины, он проклинал ее, потому что ее лицо покрылось смертельной бледностью. Хватит с него женщин вроде Верити, которая так и не оправилась после того, как на ее глазах Ревис убил ее мужа. Ему нужна была женщина, которая не испытывала страха.

Возле хижины он спрыгнул на землю, но Лиа продолжала сидеть на лошади. Он вошел в дом, побросал в мешок кое-что из съестного и вышел на улицу. Продолжая проклинать свое невезение с женщинами, он в раздражении снял Лию с лошади и опустил на землю. Она сразу же рухнула, поджав колени к груди. Она не плакала и просто молча лежала.

Глумливо улыбнувшись ей, он ускакал. Спустя несколько часов Эйб нашел ее на том же месте.

— Лиа, будь ты проклята, ты должна готовить нам еду! Пора обедать, а ничего не готово. И что ты делаешь, лежа на солнце? Ты обгоришь и больше не будешь нравиться Ревису.

Лиа не шелохнулась. Ее глаза были открыты, но она смотрела невидящим взором.

— Лиа! — Он опустился рядом с ней на колени. — Ты ранена? — В его голосе слышалось беспокойство. — Будешь говорить со мной, или хочешь просто полежать?

Он осторожно потрогал ее лоб. Кожа ее была горячей, но несмотря на прикосновение она не шевельнулась. Нахмурившись, он выпрямился и пронзительно свистнул.

Очень быстро из леса появились Бад и Кэл.

— Посмотрите на мою сестру, — с возмущением сказал Эйб. Кто из вас знает, что с ней случилось?

Кэл опустился рядом с Лией на колени, накрыв ее тенью своего могучего тела. Он медленно протянул руку и коснулся ее щеки. Он посмотрел на брата, видимо, получил ответ на свой безмолвный вопрос и тут же взял Лию на руки.

— Эй! — запротестовал Эйб. — Не смей это делать. Оставь ее. Я сам о ней позабочусь.

Держа Лию на руках, Кэл направился к лесу.

— Ты слышишь меня, здоровяк паршивый?

— Бад встал перед Эйбом.

— Ну-ка! Убирайся с дороги, — приказал Эйб. — Ты не смеешь тащить мою сестру неизвестно куда! А ее богатому мужу она не будет нужна, если заболит. У нее никого нет, кроме меня!

Издавая протестующие вопли, Эйб так и остался стоять на месте, когда братья скрылись в лесу.

Сняв рубашку, Уэсли ходил вокруг хижины, напрягая и расслабляя руки, и пытался восстановить подвижность мышц на боку. Услышав шаги идущих вверх людей, он остановился. Обычно Бад и Кэл не пользовались поросшей шиповником тропинкой, а шли своим путем через кустарник.

Уэсли прятался, пока не убедился, что это действительно юноши. Увидев, что Кэл несет Лию, он выбежал из укрытия.

— Она ранена? — спросил он и взял ее из рук Кэла. — Что с ней случилось? Это Ревис?.. Я думал, что вы вдвоем оберегаете ее.

Обмякнув, Лиа лежала на его руках, закрыв глаза, будто потеряла сознание. Он понес ее в хижину и положил на кровать. Водой из ведра, которое он хранил в хижине, Уэсли смочил кусок ткани, раньше служившей ему для перевязки, и положил его на лоб Лии.

Лиа застонала, повернулась на бок, поджала колени к груди и замерла.

— А ну-ка рассказывайте, — потребовал Уэс, сузив глаза. — И побыстрее.

— Утром она сказала мне, — заговорил первым Кэл, — что хочет побыть одна, и мы ее отпустили, но спустя час принялись искать ее.

— Мы пошли под гору по следам лошадей, и в низине слышали выстрелы, — продолжил Бад. — Когда мы добрались туда, то увидели, что Ревис убил одного мужчину и ранил женщину. Они вместе с Лией быстро скакали назад в гору. Когда мы добрались до хижины, она была вот в таком состоянии, а Ревис исчез.

— Я думал. — Уэсли отодвинулся от постели, что этот Ревис только грабит людей, — Он и убивает, когда ему хочется, — промолвил Бад, стиснув зубы.

— Как я был глуп! — Уэсли ударил кулаком в стену. Ну как я мог оставить ее там? Мне нужно было сразу же забрать ее.

— Вы бы умерли от потери крови, — заметил Кэл.

— Не сомневаюсь. — Повернувшись к Лие, Уэс секунду помолчал, — что убийство произошло на ее глазах, вот почему она в таком состоянии.

В два шага он быстро пересек хижину, схватил ее за плечи и посадил.

— Черт побери, Лиа! — крикнул он ей в лицо. — Ну почему ты считаешь, что должна спасти весь мир? Почему ты не могла сказать мне правду? Почему я был так глуп, что поверил тебе? Я решил, что с тобой все будет в порядке, а теперь посмотри на себя. Будь все проклято! Будь все проклято!

Уэсли тряс ее до тех пор, пока Кэл не положил руку на его плечо. Уэс резко остановился и увидел слезы в глазах Лии. Он яростно обнял ее.

— Так и надо, милая, плачь, сколько захочешь. Теперь ты вне опасности.

Бад и Кэл молча вышли из хижины. Когда Лиа расплакалась, она уже не могла остановиться. Она изо всех сил обнимала Уэсли и плакала, уткнувшись лицом в его обнаженное плечо. Когда ее тело стало судорожно содрогаться, он заставил ее выпить воды.

— А теперь расскажи мне, что произошло, — терпеливо попросил он.

— Нет! — прошептала она. — Нет. Он взял ее за подбородок и поднял опухшее, покрасневшее лицо.

— Лиа, я не поверил в твою придуманную историю о больных детях, и с самого начала мне было известно про Ревиса и твоего брата Эйба. А теперь ты должна рассказать мне обо всем, что произошло.

— Мне придется навсегда остаться здесь, — ответила она. — Меня повесят.

— Совсем ничего не понимаю. Ты видела, как сегодня Ревис кого-то убил, так?

— Я помогала! — Она отодвинулась. — Я держала шляпу одного человека и собирала их ценности. Я украла!

Она ожидала увидеть на его лице изумление, но ничего не произошло.

— Каким образом этот Ревис вынудил тебя грабить? Чем он угрожал тебе?

Глаза Лии опять наполнились слезами. Сначала она решила, что Уэсли поверит в то, будто она грабила людей, потому что это в ее характере.

— Он обещал убить и других, если я начну колебаться.

— Выродок! — прошептал Уэс. — Что еще? Ей не хотелось рассказывать ему все остальное. Ей больше никогда не придется жить среди честных людей.

— Ревис скрыл свое лицо, — прошептала она. — Но я... я этого не сделала.

— А! — откликнулся Уэс, радуясь, что не произошло нечто худшее. — Думаю, они поняли, что тебя к этому вынудили и что в действительности ты спасаешь им жизнь.

— Нет! — закричала она и вскочила с кровати. — Ты не понимаешь. Ревис сказал переселенцам, что я его сообщница. Он назвал им мое имя, сказал, что я миссис Лиа Симмонс-Стэнфорд из Виргинии и скоро буду жить в Суитбрайаре в штате Кентукки. Он сделал меня преступницей, сделал из меня воровку. Мне никогда не уйти отсюда! А если уйду, то меня повесят.

— Лиа, — сочувственно обратился к ней Уэсли и попытался обнять ее.

— Уйди! Больше никогда не прикасайся ко мне! Ты добропорядочный мистер Стэнфорд. Ничего подобного с тобой случится не могло бы. Стоило бы им только услышать фамилию Стэнфорд, как они бы поняли, что ты не виновен, но я Симмонс, я...

— Перестань себя жалеть. — Он схватил ее за плечи. — Согласно брачному свидетельству ты тоже Стэнфорд. Послушай Лиа, — продолжал он, успокаиваясь. — Все не так плохо, как тебе кажется. Существуют суды, и мы найдем самых лучших адвокатов. Бад и Кэл могут дать показания о том, как Эйб вынудил тебя уйти в лагерь Ревиса, и я уверен, что найдется хоть один человек, который слышал, как Ревис приказал тебе помогать ему. Даже если против тебя

выдвинут обвинение, можно выпутаться. Поэтому не говори больше, что тебе придется остаться здесь.

Никогда еще Лие не хотелось во что-либо верить так, как в эти его слова.

— Ты так думаешь? — прошептала она. — Думаешь, это возможно?

— Не просто возможно. А теперь улыбнись, потому что прямо сейчас я отправлю тебя подальше отсюда.

— Отсюда? Ты хочешь сказать, в хижину Ревиса?

— Ты больше никогда не пойдешь туда. — Подбородок Уэса выпятился вперед. — Я отправлю тебя в долину с Бадом и Кэлом. Они отведут тебя в Суитбрайар. Там у меня есть друзья, и если понадобится, тебя спрячут до тех пор, когда я приеду и все улажу.

— А где будешь ты?

— Здесь у меня есть еще одно дельце, которое надо завершить. Я должен кое-кому одну вещь. А теперь иди. — Он схватил ее за руку и увлек наружу. — Бад и Кэл присмотрят за тобой, и Ревис больше не сможет причинить тебе вреда.

Она освободилась из его объятий и, щурясь от солнца, подняла на него глаза.

— Почему ты не уйдешь со мной в Суитбрайар?

— Я же сказал тебе, у меня есть дела. Секунду Лиа подумала, потом села на землю и скрестила руки на груди.

— И что же это означает? — Он сердито смотрел на нее сверху вниз.

— Я отсюда не уйду. Ты что-то задумал, и мне это не нравится.

Рассердившись, Уэсли схватил ее за плечи и поднял с земли.

— Так ты думаешь, я что-то замыслил? — проговорил он ей в лицо свистящим шепотом. — Я целыми днями лежал здесь беспомощный, пока ты попадала то в одну историю, то в другую. И ты говоришь, что мне не доверяешь? Лиа, я готов выпороть тебя. Ну когда ты поймешь, что не можешь в одиночку управлять всем миром? Я мог бы освободить нас из этого положения еще несколько дней назад, если бы только ты попросила меня о помощи. Но нет, миссис Стэнфорд должна все сделать по-своему. Я пытался, Лиа, я действительно всеми силами пытался проявлять к тебе доброту. Тебе хотелось самой из этого выпутаться, и я дал тебе такую возможность. Я, глупец, не сообразил, насколько велика опасность для тебя. — Он опустил ее на землю. — Черт бы тебя побрал! Не знаю другого человека, который бы вынес все то, что я от тебя претерпел. Ты оскорбляешь меня, говоришь о моем непостоянстве, а потом ведешь себя так, будто я беспомощный придурок, которого ты должна защищать. Знаешь, Лиа, в чем твоя беда?

Широко раскрыв глаза, она взгляделась в его рассерженное красивое лицо.

— Нет. Так в чем моя беда?

— Ты всегда играла главную роль, вот в чем. Насколько я понимаю, ты управляла всей вашей семьей, словно генерал. И в дороге сюда ты брала на себя чужую работу, да, в сущности, и

руководила всем караваном.

Ли́а стояла, не двигаясь.

— Теперь мое терпение истощилось, и мне надоело лежать здесь, пока ты все делаешь по-своему. Отныне ты моя жена, и будешь чтить брачные клятвы, которые гласят: «повинуйся». Ты меня поняла?

— Может быть, — ответила Ли́а, но, заметив выражение его лица, передумала. — Я прекрасно тебя понимаю.

— Вот и хорошо! Первое тебе поручение — немедленно уйти из этого леса. Я останусь здесь, потому что хочу побольше узнать о том, кто хозяин этого Ре-виса. А когда буду готов, вернусь к тебе, к нашей ферме. Но никак не раньше. Тебе все ясно?

— Да, — задумчиво ответила она. — Ревис не сам совершает грабежи?

— Их замышляет кто-то другой. Ревис — ничтожество, мелкий воришка, не настолько умный, чтобы возглавлять шайку. Но он знает главаря, и мне нужно выяснить, кто он такой. Ты готова отправиться в дорогу?

— Я бы тоже хотела узнать, кто творит эти ужасные дела.

— Ладно, — нетерпеливо ответил он. — Вернувшись домой, я расскажу тебе. — Он свистнул. — Бад и Кэл отведут тебя домой.

— Но разве Ревис не хватится их?

— У меня есть кое-какие замыслы. — Он пристально взгляделся в нее. — Но я не собираюсь делиться с тобой. Хочу только, чтобы в течение нескольких месяцев ты была вне опасности. Мне не нужно, чтобы ты вмешивалась в эти дела, да я этого и не хочу. Я раз и навсегда уничтожу эту шайку грабителей.

— Только своими руками? — изумленно спросила она.

— Ты собиралась собственными руками уладить дело с Ревисом и со мной. Ты думала, что Ревис на прощание пожмет тебе руку, когда ты решишь уйти? — Его тон смягчился. — А вот и ребята. Теперь поцелуй меня на прощание.

— Мне это не нравится, — прошептала она, когда Уэсли обнял ее. — Разве тебе не нужна помощь?

— Замолчи, Ли́а.

Больше она ничего не сказала, потому что он приник к ее губам.

— Жаль, что у нас мало времени, — прошептал он, целуя ее. Ли́а вся отдалась во власть его поцелуя, полностью забыв о Ревисе и его хозяине.

Когда Уэсли оторвался от нее, Ли́а посмотрела ему в глаза, чувствуя, как сильно любит его. Правду говоря, она никогда не переставала его любить. Он не раз дурно обходился с ней, и она должна была бы его ненавидеть, но ненависти к нему не питала.

— И что же означает этот взгляд? — Он улыбку, глядя на нее сверху вниз. — Если бы меня

не так заботила мысль о том, чтобы вытащить тебя отсюда, я бы опять увел тебя в хижину.

Она прижалась к нему, и Уэс озадаченно нахмурился. Он убрал прядь волос, упавшую на ее глаза.

— Пожалуй, я никогда не замечал, до чего ты красива. Даже несмотря на многие бессонные ночи ты, Лиа, самая красивая. — Он помолчал. — Спасибо за то, что ты сделала, за то, что отдалась в лапы Ревиса, чтобы спасти меня. Это... был добрый поступок.

Освободившись из его объятий, она едва не заплакала снова.

— Мы с тобой встретимся в Суитбрайаре? — прошептала она.

— Я не собираюсь медлить, раз ты меня ждешь. А теперь беги. Улыбаясь, он опять с любовью поцеловал ее.

— Я не собираюсь медлить, раз ты меня ждешь. А теперь беги.

Он решительно развернул ее от себя и шлепнул.

Спустя час Лиа прошла уже половину дороги, ведущей с горы вниз. Впереди нее шел Бад, сзади Кэл, и Лиа уже начала строить планы.

Теперь она могла думать спокойнее. Если она, как распорядился Уэс, направится в Суитбрайар, ей могут предъявить обвинение. Ее единственная надежда заключалась в том, чтобы спрятаться у кого-нибудь; но кого просить об этом? Кимберли? Джастина?

Вспомнив о Кимберли, она подумала: станет ли Уэсли опять ухаживать за ней, если рядом не будет Лии? Не будет ли он, оставшись ночью один, вспоминать красивое лицо Ким, обрамленное светлыми волосами, вместо залитого слезами лица Лии? Он только сейчас заметил, что Лиа красива, но будет ли помнить об этом?

Спускаясь под гору, Лиа продолжала размышлять. Возможно, если бы она была с Уэсом дольше, он бы полюбил ее. Разве он не сказал, что любит ее? И разве ему не понадобится помощь в схватке с Ревисом? Каким образом сможет он добыть нужные ему сведения? И еще Уэсли сказал, что должен оплатить один долг. Но разве не она, Лиа, должна была отплатить Ревису, сделавшему ее соучастницей убийств?

Чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась, что должна вернуться и помочь Уэсли.

Но прежде всего ей нужно сбежать от Бада и Кэла. По дороге она высматривала убежище, место, где могла бы провести ночь совсем одна в громадном пустынном лесу. Она вздрогнула.

— Хотите отдохнуть? — спросил из-за ее спины Бад.

— Нет, нет, — ласково отозвалась Лиа, улыбаясь гиганту. — Все хорошо.

«Уэсли стоит испытания одиночеством в лесу», подумала она.

Глава 21

Ускользнуть от юношей оказалось куда труднее, чем ей представлялось, а спрятаться от них — еще сложнее. Ей пришлось укрыться за грудой сухих листьев и кустарником и, затаив дыхание,

прятаться, пока Бад и Кэл шарили вокруг. Посоветовавшись почти без помощи слов, они разошлись, и один направился на север, другой на юг. Съежившись, Лиа сидела неподвижно, пока не заболели ноги.

На закате юноши вернулись и принялись внимательно рассматривать землю. Казалось, они догадываются, что она неподалеку, и хотели дать ей время, чтобы она вышла из укрытия. Однако Лиа выползла из своей норы только после наступления ночи. Когда она направилась вверх по склону, Бада и Кэла нигде не было видно.

При каждом шорохе она вздрагивала, и когда прошла всего несколько метров, ее спина напряглась от страха. Только после нескольких часов ходьбы по поросшему растительностью склону она почувствовала, что рядом кто-то есть.

— Ревис! — вскрикнула она и остановилась. — Бад и Кэл, произнесла она со вздохом. — Я знаю, что вы здесь. Выходите.

Юноши вынырнули из леса, как будто сами были его частью, и встали около нее.

Нет, ее не поймали. Лиа обрадовалась, увидев их, и почувствовала себя в большей безопасности. Она с улыбкой посмотрела на них.

— Так что происходит? Вы понесете меня к подножью горы, а тем временем я буду кричать? Предупреждаю вас, я буду кричать. И отбиваться, — добавила она, пытаясь оценить ситуацию.

Кажется, ее поведение озадачило юношей.

— Почему вы хотите вернуться к Ревису? Ваш муж хочет, чтобы вы были в безопасности.

— А кто будет охранять Уэсли, когда вы оба уйдете? А Ревис станет обижать Вериги, потому что защитить ее некому, и, пожалуй, избьет Эйба за то, что я сбежала.

— Вас волнует судьба вашего брата? — спросил Кэл.

— Пожалуй. Сама не знаю. Но думаю, что не должна убегать и позволить Уэсли в одиночку схватиться с Ревисом. Вы мне поможете?

Бад посмотрел на Кэла. Пока Лиа разглядывала их, два юных гиганта, казалось, завели безмолвный разговор. Эйб сказал, что они братья Ревиса, но сейчас она попыталась понять, насколько в действительности они близки с ним.

— Хоть одному из вас приходилось участвовать с Ревисом в грабежах?

— Нет, — ответил Бад.

— Тогда почему... почему вы остаетесь с ним?

— Он платит нам за дрова, за добытые припасы и за то, что мы следим за его хижинкой, чтобы никто к ней не приближался.

— И хорошо он вам платит? — Любопытство Лии усилилось.

— Мы купили землю в городке у подножия горы. Мы собираемся заняться фермерством.

— В городке?.. Вы хотите сказать, в Суитбрайаре, где живет Уэсли? И много у вас земли? Они

переглянулись.

— Сейчас восемь тысяч пятьсот шестьдесят два акра.

— Тысяч? — прошептала Лиа. — Вдвоем вы владеете тысячами акров земли?

— Уэсли знает наш участок, он считает, что земля там хорошая. Он пообещал помочь нам построить дом и купить семена и разные орудия.

Лиа не удержалась от смеха. Эйб считал их глупцами, а в действительности они оказались достаточно умными, чтобы разбогатеть.

— Когда же вы собираетесь уйти от Ревиса?

— Мы кое-чем ему обязаны. Он помог нам, когда мы были детьми, — ответил Кэл. — Но скоро мы выплатим наш долг и уйдем от него.

— А теперь у вас есть новый защитник. Уэсли будет помогать вам столько, сколько понадобится. И если сейчас вы мне поможете, я... — Она не могла придумать, что пообещать им. — Я буду готовить для вас. Пока вы займетесь строительством дома и сарая, я буду кормить вас.

Впервые за все время она в свете луны увидела, что они улыбаются, и оттого братья стали казаться еще моложе. Их гигантский рост внушал страх, и она догадалась, что они привыкли к удивленным взглядам и насмешкам. Ей же они нравились все больше.

— По пути сюда я видела поляну с дикой земляникой, — медленно сказала она. — Вам приходилось пробовать фруктовый пирог с земляникой, с толстой коркой и отверстиями в ней, через которые сочится земляничный сок? А может быть, вам захочется попробовать другое блюдо, курицу в тесте? Это курица, запеченная с...

— Что нам нужно сделать для вас? — прервал ее Бад.

— Мы не убиваем людей, — вставил Кэл.

— Нет! Я не хотела сказать... — Она поняла, что они дразнят ее. — Ревис знает, каковы его братья на самом деле?

— Ревис считает нас своей собственностью. — На лице Кэла появилось жесткое выражение, как считала и его мать, но он не обращается с нами как с рабами. Мы заставляем его хорошо платить нам за работу. Вы не должны к нему возвращаться.

— Кэл, — тихо сказала она; решив все объяснить им, — если бы Бад оказался в беде, ты рискнул бы своей жизнью, чтобы помочь ему, или укрылся бы от опасности? Я люблю Уэсли и думаю, что могу помочь ему.

— Я могу отдать жизнь за своего брата, а он за меня, — ответил Кэл. — Мы вам поможем.

— Мы отведем вас к Ревису, а когда ваш муж вернется...

— Вернется? А куда он ушел? Что он замышляет?

— Он нам не сказал. Он только сообщил, что вернется через два дня. До того времени вы можете жить в хижине Ревиса, или мы спрячем вас в лесу.

— Я вернусь к Ревису. Во всяком случае, там я могу помочь Вериги и накормить всех. Так что, идем?

— Может быть, — Бад опустил глаза, — нам дождаться утра, когда рассветет?

— Но мне бы хотелось вернуться, если Уэсли... — Она осеклась. — Вряд ли мы можем ночью собрать землянику.

— Нет, — улыбаясь, ответил Бад. — А что вы ели, пока росли?

— Что-то серое, — мрачно сообщил Кэл. — Большие кастрюли чего-то серого.

Лиа сдержала смех, слыша эти горестные слова. Может быть, когда-нибудь они смогут приехать на плантацию Стэнфордов и увидят обилие и разнообразие блюд. Еще, возможно, им захочется познакомиться с хорошенькой юной племянницей Клея Армстронга.

Она опустила на землю.

— Думаю, сон нам не помешает. И, недолго думая, она свернулась клубочком на сырой земле и заснула. Можно было чувствовать себя в безопасности, когда тебя охраняют великаны ростом до середины горы.

Лиа уже приготовила в маленькой хижине очередную порцию еды, но пока не решалась позвать мужчин к столу. Только что появился Уэсли. Солнце отсвечивало на его замшевой одежде. Лицо его было серьезным, когда он разговаривал с Ревисом. Лиа видела, как напряжен Ревирс, более низкорослый мужчина горбился, будто в любую минуту ожидал удара.

Несколько последних дней Лиа держалась поближе к Баду и Кэлу. Она понимала, как глубоко возненавидела Ревиса. Она вновь и вновь вспоминала — он убил переселенца и ранил женщину! Он попробовал ласковой речью убедить ее, будто сделал это непроизвольно, был взвинчен из-за любви к ней. Но Лиа понимала — он убил человека, потому что не мог смириться с тем, что его отвергли.

Чем дольше Лиа была с юношами, тем больше они ей нравились. Они помалкивали, когда Эйб бесцеремонно отзывался о них, говорил, будто разумом они были не лучше чурбана. Несколько раз в таких случаях она замечала блеск в глазах Бада.

Ревис принес в хижину запас свежих яиц и сливок, и Лиа наготовила большое блюдо крема, покрытого жженым сахаром. Но прежде чем позволить Баду или Кэлу отведать хоть малую толику, она заставила их рассказать, что им известно про Уэса. Они знали только то, что Уэс делает вид, будто его прислал Танцор, и что он собирается действовать вместе с Ревисом.

— Думаю, Ревис встретит его с расprostертыми объятиями. Он будет в восторге от того, что разделит свои обязанности старшего, — презрительно заметила Лиа.

И вот теперь Уэсли стоит возле хижины, что-то объясняя Ревису, и у Лии перехватило горло при мысли о том, как он на нее рассердится. Может быть, ей стоило послушаться и уйти в Суитбрайар. Но тут она еще раз взглянула на него. Нет. Ни Кимберли Шоу, ни любая другая женщина не смогут завладеть им, если это зависит от нее!

— Эйб, — окликнула Лиа брата, когда тот направился к Уэсли. Ведь Эйб может рассказать Ревису, кто это такой! Она была у двери, когда услышала:

— Кто это, мистер Ревис? — спросил Эйб, будто не имел понятия об Уэсли.

Прислонившись к двери, Лиа с облегчением вздохнула и улыбнулась. Значит, Уэсли каким-то образом договорился с Эйбом. Что же он пообещал Эйбу, чтобы тот согласился выступить против своего любимого Ревиса?

Теперь единственная вещь, которую предстояло объяснить, заключалась в Лие. Она пригладила волосы, поправила платье и попыталась собраться с духом. Хоть бы он не слишком удивился, увидев ее!

Она склонилась к очагу, когда он вошел в хижину.

— И кто же эта красотка, Ревис? — медленно проговорил Уэсли. — Я слышал, что у тебя здесь все удобства, но про это не знал.

Лиа медленно повернулась к нему. На его лице удивление не отразилось, но глаза Уэса метали молнии.

— Лиа принадлежит мне, — резко ответил Ревис. — Я ни с кем ею не делюсь, и нет вопроса, чья она.

Криво улыбаясь, Уэсли приблизился к ним. Только она могла видеть лицо мужа, и выражение его было таким, что она отступила. Гнев Уэса напугал ее.

— Уэс... — заговорила она.

— Берегитесь, прекрасная дама, вы можете упасть в огонь. Он схватил ее за талию и прижал к себе. — Меня зовут Уэсли Армстронг. А вас?

В его взгляде одновременно были и предостережение, и угроза.

За его спиной она увидела Ревиса; его смуглое лицо еще больше потемнело. Это была неожиданность. Если Ревис увидит, что она предпочитает Уэсли, не всадит ли он нож в спину ее мужа?

— Отпусти меня, грязный вор, — крикнула она и увидела смятение в глазах Уэсли. — Никто из подобных тебе никогда меня не коснется.

Пользуясь изумлением Уэса, она вырвалась из его рук.

— Ревис, думаю, я бы взял себе эту красотку, — надменно заявил он. — Может быть, мы сумеем договориться?

— Лия моя, — произнес Ревис сквозь зубы.

— Может быть, дама выберет сама. — Уэс улыбнулся и уверенно направился к ней. — Может, у тебя с женщинами затруднения, но у меня их нет. Иди ко мне, девчонка.

— Девчонка! — отозвалась Лиа с гневом. Даже если она и любит его, слово «девчонка» задело ее. Справа от нее стояла миска с тестом из кукурузной муки, которое она только что замесила. С хитрой улыбкой она неторопливо подняла миску и быстро выплеснула ее содержимое в улыбающееся лицо Уэсли. Пока он вытирал потеки с лица, Лиа повернулась к Баду и Кэлу.

— Этот расфуфыренный павлин такой же, как и его друг. Если он подойдет ко мне слишком

близко, я подам вам на завтрак сырую грудинку.

Краем глаза она заметила, как Ревис удовлетворенно ухмыльнулся, повернулся и вышел из хижины. Теперь ей оставалось испытать на себе только гнев Уэсли.

— Вот такая «девчонка»! — бросила она и отступила подальше от Уэсли.

Выходя на улицу, чтобы умыться, он ничего ей не сказал, но, видя выражение его лица, Лиа с трудом глотнула воздух.

— Думаете, он вас побьет? — прошептал Бад.

— А вы ему позволите? — испуганно спросила она.

— Вы плохо с ним обошлись, — объяснил Кэл.

— Молчите и ешьте, — приказала Лиа, и только тут поняла, что они смеются над ней. — Надеюсь, вы поняли, что я выплеснула на него тесто, приготовленное для вас? Может быть, в следующий раз мне под руку попадет яблочный пирог, который я готовлю на ужин.

— Мы не позволим ему бить вас! — повторяли Бад и Кэл, широко раскрыв глаза, потом заулыбались. — Лиа, вы действительно необыкновенная женщина.

— Хорошо, если Уэсли согласится с вами, — мрачно произнесла она и снова повернулась к очагу.

Когда солнце стало клониться к закату и Лиа опять принялась расставлять на столе обильный ужин, в дом вошел Уэсли. Лиа не знала, посмотрел ли он на нее, потому что боялась повернуться. Она понимала, что Уэс удивлен тем, что она его отвергла. Как видно, он считал, что смог бы лучше защитить ее, если бы она была его «девчонкой».

По-прежнему играя свою роль, она держалась подальше от него, подавая еду на стол. Она ощущала на себе взгляды Ревиса и Уэсли.

— Значит, тебе известно про фургон с богатым грузом? — спросил Ревис у Уэса. — Танцор послал тебя устроить это дельце?

Уэс посмотрел на Бада, Кэла, Эйба, Верити и Лию.

— Пожалуй, мы побеседуем позже.

— Бад и Кэл — мои братья. — Ревис лениво улыбнулся. — А Эйб болтать не будет, правда, Эйб?

— Нет, мистер Ревис, — отозвался Эйб, набив рот. — Я надежно храню тайны.

— А Вериги слишком напугана, чтобы вообще разговаривать, — продолжал Ревис.

— А красотка? — спросил Уэсли.

— Она моя, и уйти не может, — ответил Ревис жестко. — А теперь скажи, что тебе поручили передать мне.

Пока Лиа подавала на стол, Уэсли изложил план нападения на два фургона, которые будто бы

принадлежали переселенцам, но на самом деле в них перевозили золото.

— Танцор всегда знает про такие штуки, — изрек Ревис, откинулся на спинку стула и закурил тонкую сигару. — А теперь скажи, как его дела? При последней встрече он хорошо выглядел.

— Ты знаешь Танцора, — ответил Уэс. — Он, как всегда, в добром здравии. Он рассказал мне о вашей последней встрече у него дома.

— Да, когда он принимал гостей.

— Кажется, он рассердился на тебя и какую-то молодую женщину.

— Кстати, она — его дочь. — Ревис улыбнулся. — Разве он не говорил, что юная дама, которая так увлеклась мной, — его красавица-дочь?

— Танцор не сказал мне про эту мелкую подробность. — Уэсли тоже улыбнулся. — А теперь, с вашего разрешения, пойду-ка я к пруду на вершине горы и искупаюсь. — Он остановился перед Лией и провел пальцем по ее щеке. — Может быть, вы, прекрасная леди, пойдете со мной?

Она улыбнулась ему как можно ласковее.

— Теперь мне действительно придется вымыться после того, как вы меня коснулись, но купаться с вами я не буду. В этом не будет смысла, правда?

Она испытала легкое чувство вины, увидев, как изменилось выражение лица Уэсли, как опустилась его рука, словно он больше не хотел касаться ее. После его ухода в хижине наступила тишина, и только Ревис тихо захихикал.

Когда в хижине остались только Бад и Кэл, продолжавшие ужинать, Лиа сняла фартук.

— Я пойду к Уэсли. Вы присмотрите за тем, чтобы Ревис не появился возле нас?

— Что у нас будет завтра на ужин? — Бад посмотрел на свою тарелку.

— Ты меня шантажируешь? — она улыбнулась. — Поработайте сегодня как следует, а я покажу вам, что смогу сделать из связки голубей, которую вы принесли.

Поколебавшись только самую малость, она поцеловала обоих в лоб.

— Спокойной ночи, мои дорогие принцы. — С этими словами она вышла на улицу и через темный лес побежала вверх по тропинке к хижине, в которой раньше скрывался Уэсли. Еще выше находился пруд. По пути она лихорадочно обдумывала, как смягчить гнев Уэсли. Чем больше Лиа думала об этом, тем больше убеждалась, что вместо слов должно будет действовать ее тело.

Секунду она постояла на уступе горы, глядя, как внизу долговязый Уэсли неторопливо плывал в пруду. Свет луны отсвечивал на его смуглой коже. Все получится проще, чем ей казалось.

Кашлянув несколько раз, чтобы привлечь его внимание, и убедившись в том, что он повернул к ней голову, Лиа стала медленно расстегивать платье. Запаханное грубое одеяние упало на землю, и на ней осталась только полупрозрачная нижняя сорочка.

Лиа направилась к нему по берегу. Уэс плыл, глядя на нее. С каждым шагом сорочка все плотнее облегалась ее бедра. Подойдя к высокому дереву, она остановилась. Глядя ему в глаза,

она расстегнула и сбросила на землю сорочку.

Теперь на ней остались только пара панталон, настолько прозрачных, что ничего не скрывали, и короткий корсет из мягкого шелка.

Когда Лиа была еще девочкой, она хорошо обучилась лазить по деревьям, спасаясь от отцовского гнева, и сейчас ловко подтянулась на длинную прочную ветвь, свисавшую над прудом. Удерживая равновесие, она прошла приблизительно до ее середины. Потом, глядя на Уэсли, она сняла корсет и бросила его на землю, освободив в свете луны свои тяжелые груди. Затем стянула облепившие ее панталоны.

Раздевшись, Лиа не посмотрела на мужа, а медленно-медленно прошла до конца ветки, секунду балансировала, а потом ловко бросилась в прохладную воду, опустившись менее чем в полуметре от него. Когда Лиа вынырнула, он схватил ее за руку.

— Господи, душа моя, — с трудом выговорил он. — Ты умеешь привлечь внимание мужчины.

Не произнеся больше ни слова, он рывком вытащил ее из воды с такой силой, что ноги Лии взбивали воду, и повлек ее к берегу.

— Лиа, — прошептал он и обнял ее, и их влажные тела слились воедино.

Взяв ее лицо руками, он жадно поцеловал ее, и Лиа обняла его за шею, сознавая, что это мгновение стоило всех перенесенных страданий.

Его руки скользнули вниз по ее мокрой спине, играя с влажными завитками волос, губами, он ласкал ее лицо, целовал брови и щеки.

Внезапно он оттолкнул ее.

— Подожди-ка, дай мне посмотреть на тебя. Краска бросилась в лицо Лии. Возможно, он увидит, что она не так привлекательна.

Он взял ее за руки, развел их в стороны, и глаза его скользнули по ее телу.

— Когда мы приедем домой, ты будешь находиться в моем доме именно в таком виде. Ни за что не разрешу тебе носить одежду.

— Уэсли, — сказала она, смеясь. — Зимой я замерзну.

— Не замерзнешь, ведь я буду тебя согревать, ответил он, привлек ее к себе и начал целовать шею.

Лиа вздрогнула. По ее спине и ногам побежали мурашки. Чувствуя, как Лиа дрожит, Уэс обнял ее сильнее и опять поцеловал. Ей показалось, что ее тело охватил жар, и она еще теснее прижалась к нему.

С любовью, ласково улыбаясь, Уэсли опустился вместе с ней на землю, но когда Лиа коснулась травы, он поднял ее и положил на свое тело.

— Твоя кожа не должна касаться жесткой земли. Потрогай меня, моя красавица. — С этими словами он приподнял ее и опустил на себя.

Задыхаясь, Лиа стала двигаться на нем, все ее тело подчинилось изумительному ритму. Уэсли

обхватил ее бедра своими могучими руками и помогал ей. Когда Лиа почувствовала, что достигла высшей точки наслаждения, она упала на Уэсли, обняла его за шею и прижалась к нему еще сильнее; от его мощных толчков ей казалось, что она тонет.

— Уэсли! — вскрикнула она, и ее тело, содрогаясь, приникло к телу мужчины.

Сжав Лию в своих могучих объятиях, Уэсли едва не раздавил ее.

Внезапно он сбросил ее с себя.

— Надо сказать, твоя песня изменилась. Ты уверена, что тебе лучше быть с мужем, чем с любовником? Глубоко вздохнув, Лиа откатилась в сторону.

— Ну почему мужчины так приятны, когда их естество напряжено, а все остальное время они ведут себя мерзко?

Уэсли возмущенно засмеялся:

— Куда ты уходишь? Опять к Ревису? А каков он, когда его мужское естество?.. — Он замолчал. Лиа резко повернулась, и поскольку зрелище ее прекрасного нагого тела было для него непривычным, он смотрел во все глаза.

— Я вовсе не бросаюсь в кровать с любым, кто меня об этом попросит, только из-за того, что я Симмонс, а ты благородный Стэнфорд. Если ты еще хоть раз скажешь, что я — подумать только! — спала с Ревисом, я никогда больше не стану с тобой разговаривать и никогда не подпущу к себе. Тебе понятно?

Когда Лиа протянула руку к лежавшей на берегу одежде, он поднялся и схватил ее за плечо.

— Лиа, прости меня. Наверное, то, что случилось сегодня, просто взвинтило меня. Ребята потом рассказали мне, как ты избегала Ревиса. Но какого черта ты утром оттолкнула меня? Если бы Ревис увидел, что ты моя, он бы как следует подумал, стоит ли тебя домогаться. А теперь я не могу защитить тебя, во всяком случае, открыто. Твоя шуточка с выплеснутым на меня тестом дорого обошлась нам.

— Я так и знала, что ты не поймешь, — горько ответила она. — Я отринула Ревиса потому, что он вор, а у меня есть муж. Так на что бы было похоже, если бы появился ты, тоже вор, и я бы упала в твои объятия? Неужели у него не возникли бы подозрения?

— Но ведь я... — проговорил Уэсли.

— Что ты? — спросила она. — Мой муж? Но ведь мы не хотим, чтобы Ревис узнал об этом?

— Нет. Я хотел сказать, что я... я ведь гораздо красивее Ревиса, и было бы понятно, что ты пожелаешь меня, а не его.

— Боже мой, Уэсли! — воскликнула она и засмеялась.

— Ты так не думаешь? — Он возмутился.

— Да, думаю. — Продолжая смеяться, она обняла его. — Я искренне считаю, что ты красивее всех мужчин, которых мне приходилось видеть.

— Красивее Ревиса? — Он отстранился.

— Гораздо красивее.

— И моего брата Тревиса?

— Намного.

Он улыбнулся и принялся целовать ее. Как ей ни было трудно, она освободилась из его объятий.

— Мы больше не можем оставаться здесь. Ревис может спросить, где я. Если нас обоих не будет на месте, он что-то заподозрит.

— Я могу взять Ревиса на себя: скажу ему, что леди завоевал тот мужчина, кто лучше.

— Нет, — ответила она, лаская пальцами мышцы его груди. — Прошу, не делай этого. Ты его не знаешь. Это дурной человек. Он способен вонзить в тебя нож, когда ты будешь спать. Прошу тебя, — умоляла она.

Слегка нахмурившись, он погладил ее щеку.

— Что же случилось с тем котенком, который по пути сюда шипел и плевался в меня? Где та женщина, которая поклялась, что ничего не даст мне, кроме того, что я возьму сам?

Она оттолкнула его. Меньше всего ей хотелось сейчас говорить ему о своей любви. Когда они спустятся с горы (если это когда-либо произойдет) и Уэсли бросит ее, она должна сохранить остатки своей гордости. И когда он ее покинет, она сможет сказать ему, что ей все равно, что он доставил ей несколько часов плотской радости, а она только этого и хотела.

— Из вас двоих ты менее опасен. — Она вывернулась из его рук. — Остаюсь я с Ревисом, я могла бы стать еще одной Вериги. К тому же ты говорил, что при помощи денег сможешь снять с меня обвинение в убийстве.

— И я нужен тебе только для этого? — тихо спросил он. — Я нужен тебе только ради денег?

Она сдержалась, не давая голосу задрожать. Может быть, ей следовало бы признаться, что она может упасть и умереть, если с ним что-то случится?

— Мы поженились потому, что ты решил — так и должно быть. Я была почти без сознания. Мне хотелось расторгнуть наш брак, но ты отказался пойти мне навстречу. Поэтому в глазах закона мы по-прежнему соединены. И по этой причине, и потому, что тебя ранил мой брат, я и осталась с шайкой Ревиса, желая защитить тебя. Думаю, что когда все закончится, мой долг будет исполнен.

— Долг? — спросил он. — А как же быть с этим? — Его глаза скользнули по ее нагому телу.

— Нам, женщинам из семьи Симмонс, приятно схватиться с красивым мужчиной. — Она с вождением улыбнулась. — Я не легла бы с Ревисом, потому что он из тех, кому, по моему, нравится причинять боль другим.

— Боже мой, Лиа, какая же ты хладнокровная женщина! — Он отстранился. — Видимо, я должен быть благодарен, что ты не бросила меня истекать кровью, когда твой брат ранил меня.

Она молчала, потому что всеми силами сдерживала слезы. Как ей хотелось сказать, что она его любит, и услышать от него те же самые слова. Но если она произнесет их вслух, Уэсли,

вероятно, только рассмеется и ответит, что женщина ее круга, естественно, полюбит человека, принадлежащего к его, высшему обществу. Нет, лучше сохранить если не сердце, то хотя бы гордость.

— Мне пора идти, — выговорила она, потом отвернулась и начала одеваться.

— Да, иди, — отозвался он и пошел прочь. И тут Лиа дала волю безмолвным слезам. Связывавшие их хрупкие нити теперь оборвались.

Глава 22

В ту ночь Лиа спала мало: немного поплакала, немного приголубила Вериги и вообще чувствовала себя несчастной. Она всем своим существом горевала, что когда-то встретила Уэсли Стэнфорда. Если бы она только послушала сестру, в ту самую ночь не выбежала бы за ним из таверны и не бросилась бы на него подобно изголодавшемуся зверю, сейчас она бы не оказалась в гнезде грабителей. И ей бы не пришлось расхаживать нагой, выставляя себя в глупом свете. И не пришлось бы проводить часы в крепких объятиях того, кого она любит.

— Проклятье! — произнесла она вслух, сбросила одеяло и отодвинулась от Вериги. — Пора вставать. Сегодня ты поможешь мне готовить еду.

Может быть, работа позволит Вериги снова обрести хотя бы немного собственного достоинства.

Пока она готовила завтрак, в хижину вошел Уэсли, но не сказал ей ни слова. Он держался отчужденно, атмосфера наполнилась холодом.

— Будете завтракать, мистер Армстронг? — спросила она.

— Из ваших рук еду не приму, — бросил Уэсли, и тут в хижину вошел Ревис.

Лиа заметила ухмылку на его смуглом лице и догадалась, что он старается вникнуть в то, что же означает поведение Уэса.

— Этот парень не такой умный, как ты, Ревис, — ровным тоном заявила Лиа и поставила на стол блюдо с грудинкой. — Он думал, что стоит ему только попросить, и он меня добьется. Но ему не нравится, когда ему говорят «нет». Завтрак готов.

За едой Лиа дважды замечала, как Ревис следит за Уэсли, и чтобы отвлечь его, склонилась над его плечом, расставляя тарелки на столе. Должно быть, Ревис не терпит, когда на его территорию вторгается кто-то чужой, и он возненавидит Уэса еще больше, если решит, что гость преуспевает там, где он ничего не добился.

— Армстронг, когда предстоит твое дельце? спросил Ревис.

— Завтра утром. К тому времени они будут в четырех милях отсюда, у подножья горы.

— А откуда ты знаешь, что они продвигаются именно с такой скоростью?

— Есть у меня такие возможности, — только и ответил Уэсли.

Позже, когда Лиа и Вериги убрали со стола, Эйб подошел к сестре.

— Что, влюбленные, поссорились? — прошипел он ей на ухо.

— Мы с Ревисом? — спросила она, сделав вид, что не поняла.

— Ты с этим малым Стэнфордом. Вы все утро метали друг в друга молнии.

— Я ни разу на него не взглянула, — возразила она.

— Не взглянула, зато он на тебя смотрел каждую минуту. Лиа, вы, два голубка, все испортите. Если вас обоих убьют, мне никогда не стать почтенным джентльменом. А Ревис убьет вас обоих, узнав, что вы водите его за нос.

— Что Уэсли пообещал тебе в обмен на помощь?

— Не твое дело. У нас с ним заключена сделка. Как только он все разузнает про Танцора, мы уйдем отсюда. Конечно, если ты останешься с ним. Лиа, ты должна быть аккуратнее. Тебе в жизни не заполучить другого такого мужа.

— А я-то думала, что ты ненавидишь всех Стэнфордов.

— Я не могу ненавидеть того, кто пообещал поделиться со мной своими деньжатами. — Он наклонился к ней с улыбкой, обнажив гнилые зубы. — Думаешь, он не обманывает? Выполнит он свое обещание?

— Да, я в этом уверена.

К обеду Уэсли не пришел, и, когда появилась возможность, Лиа спросила у Кэла, где он. Сказав ему, куда уходит, она еще раз попросила Кэла не пускать к ней Ревиса. Собрав в мешок провизию, она пошла в горы, туда, где Уэсли рубил деревья.

Она постояла, наблюдая за ним, за тем, как по его мускулистой спине стекает пот, и почувствовала, что и у нее ладони вспотели. Но все любовное горение в ней погасло, когда Уэс рассерженно повернулся и заметил ее.

— Я принесла тебе поесть, — прошептала она с трудом, потому что в горле у нее пересохло.

Он медленно опустил топор на землю и направился к ней. Она непроизвольно отпрянула.

— Я не собираюсь нападать на тебя, не бойся.

— Я не боюсь. Я пришла кое-что сказать тебе. Эйб говорит, что мы с тобой... сегодня утром... понимаешь, он боится, что Ревис начнет нас в чем-то подозревать.

— В том, что мы с тобой валялись в кустах, а потом поссорились?

Когда он присел на пень, Лиа бросила на него быстрый взгляд.

— Ты хотел, чтобы Ревис в это поверил?

— Конечно. А с чего бы еще я разыгрывал злость и недовольство?

— Разыгрывал? — Она опустилась на землю рядом с ним. — Ничего не понимаю.

— Брат учил меня, что лучше всего не посвящать женщин в свои планы. Узнав, что ты совершила глупость, вернувшись в лагерь Ревиса, — он посмотрел на нее с упреком, — я понадеялся, что ты поступишь благоразумно и сделаешь вид, что с первого взгляда безумно

влюбилась в меня, но понял, что требовать этого от женщины нельзя, особенно от тебя, Лиа. Еще ни в ком я не видел такой силы духа противоречия. Каждый раз, когда ты получаешь от меня то, что тебе нужно, ты передумываешь. Ты хотела стать моей женой, а когда я женился на тебе, ты передумала. — Она хотела оправдаться, но Уэс отмахнулся. — Это я сказал только к слову. Но мне хотелось, чтобы ты находилась в безопасности в Суитбрайаре, а когда отказалась уйти туда, я надеялся, что смогу защитить тебя здесь. Но ты, как мне кажется, умеешь совершать поступки, полностью противоположные тому, чего хочу я.

— Я не могла уйти с тобой, когда отвергла Ревиса.

Он был способен...

— Если ты еще раз скажешь, что Ревис убил бы меня, я задушу тебя, — ответил он, успокаиваясь. — Лиа, неужели ты думаешь, будто я настолько слаб, что ты должна защитить меня своим хрупким тельцем? Я уже говорил, что не позволю тебе направлять ход событий; а ты, черт побери, по-прежнему пытаешься всех и вся взять в свои руки. Если я прошу тебя пойти влево, ты идешь вправо. Мне приходится не только заниматься Ревисом и Танцором, но и беспокоиться о том, что ты сотворишь в очередной раз: ведь тебе кажется, будто ты единственный умный человек во всем свете. Кроме Ревиса, — добавил он, и в глазах его появилось горькое выражение. — Ты почему-то считаешь, что Ревис до того умен, что может убить меня, а мне эта мысль даже в голову не приходит.

— Дело не в его уме, но он просто негодяй, а ты нет. Ты хороший, добрый и...

Уэсли держал в руке кусок хлеба из кукурузной муки и, склонив голову, разглядывал Лию.

— Прошлой ночью ты сказала, что такого красавца, как я, тебе не приходилось видеть, а сейчас говоришь, какой я хороший и добрый. Лиа, ты начинаешь в меня влюбляться?

— Ни за что! — воскликнула она и покраснела.

— Жаль, — пробурчал он.

— Что ты замыслил? — поспешно спросила она, чтобы скрыть смущение.

— По правде говоря, Лиа, я боюсь сказать тебе правду. Если я расскажу, что собираюсь делать, тебе придет в голову, что для меня это слишком опасно, и ты совершишь нечто такое, что приведет к обратному результату. Конечно, я мог бы рассказать тебе нечто противоположное моим замыслам, и тогда ты совершенно случайно помогла бы мне.

— Да как ты!.. — резко выкрикнула она, поднимаясь с земли.

Уэсли схватил ее за бедро и привлек к себе; его губы приблизились к ее лицу:

— Как же ты могла наговорить мне столько мерзостей прошлой ночью, если в действительности считаешь, что я хороший и добрый?

— А почему ты веришь только хорошим вещам, которые я о тебе сказала, а не плохим? Разве ты когда-нибудь слушал меня?

Выпустив ее из объятий, он опять заглянул в мешок с припасами.

— Нет, не очень слушал. Правду говоря, Лиа, я тебя плохо понимаю. Ты вечно прыгаешь или

бросаешься мне в руки, а потом говоришь всякие мерзкие слова. Мне кажется, если бы ты действительно не любила меня, то не раздевалась бы передо мной так часто.

Лиа смешалась и не нашлась, что сказать. Она опять медленно опустилась на землю.

— Что ты задумал насчет Ревиса? — прошептала она.

— Я хочу, чтобы он взбесился, — спокойно ответил Уэсли.

— И ты используешь меня, чтобы довести его до бешенства?

— Сначала я так и задумал, но сейчас это сделать очень трудно, потому что ты постоянно противишься мне. Я опасаясь открытого столкновения с Ревисом. Ведь если я попрошу тебя спрятаться за моей спиной, ты бросишься между нами, говоря какие-то глупости, скажем, «сначала вам придется меня застрелить». От этих мыслей, Лиа, у меня начинаются кошмары. Пожалуй, скажи я «Лиа, встань между нами», ты спрячешься за моей спиной. Но не уверен, что и это у меня получится. Господи, ты умеешь создавать трудности.

— И в чем же ты изменил свои планы? — робко спросила она.

— Мне пришлось хранить спокойствие. Я боюсь заставить Ревиса разговориться, не зная, что ты можешь совершить. Раза два Бад и Кал пытались увести тебя, но ты продолжаешь держаться либо около Ревиса, либо около меня, будто должна защитить нас обоих. А может быть, ты хочешь защитить меня от Ревиса, думая, что он способен постоять за себя, а я — нет?

— Я не хочу так сказать... — заговорила Лиа. — Я действительно совершала ужасные глупости?

— Хуже того. Тебе когда-либо приходилось слышать слово «повиноваться»? Может быть, ты решила, что оно означает «поступай иначе»?

Подняв на него глаза, она увидела, как Уэс улыбается.

— Может быть, я еще способна правильно понять его смысл?

— Бад и Кэл так и сказали, только мне кажется, будто у тебя голова из железа. А я меньше всего хочу рисковать твоей красивой головкой.

— Выходит, я поломала твои планы и не дала тебе выяснить, кто этот Танцор? И я, видимо, могла бы поставить твою жизнь под угрозу, не дав тебе возможности защититься?

— Дело обстоит примерно так. — Он принял за кусок пирога с персиками. — Зато благодаря тебе последние несколько дней прошли занятно. Ты плеснула мне в лицо тесто, ты голой ныряла в мою ванну, ты кричала на меня с таким бешенством, что все интересные части твоего тела пришли в движение. Жаль, у меня нет времени как следует всем этим насладиться, не забывая себе голову мыслями о Ревисе.

Она отвернулась, чтобы скрыть свое пылающее лицо.

— Что же ты теперь собираешься делать?

— Я над этим раздумываю. Я пробовал уговорить юношей унести тебя, но они признались, что стоит только тебе сказать им про пирог с земляникой, и они все сделают по-твоему.

— А если я поклянусь слушаться тебя? Это подействует? — Она рассмеялась.

— Ты поклялась перед пастором подчиняться мне, но эти слова вошли тебе в одно ухо и вылетели в другое.

— Но это очень важно!

— А разве не важно быть моей женой? — бросил он. Лиа не собиралась отвечать на это. Очевидно, скажи она, что их брака не желал сам Уэсли, он не станет ее слушать. А может быть, он вывернется и добьется от нее каких-то добрых слов или же будет просто следить за тем, как прыгают ее «интересные» части тела.

— Я обещаю слушаться и подчиняться. Если твой план хорошо продуман, — согласилась она.

— Этого мало, — ответил Уэсли, облизывая пальцы. — Я требую безусловного подчинения, никак не меньше. Мне все равно, считаешь ли ты мой замысел глупым, опасным или каким-то еще. Либо ты согласишься повиноваться, либо я оставлю тебя в лесу, привязав к дереву.

— Ты не сможешь, — засмеялась Лиа.

— По пробуй проверить. — Глаза его были серьезны.

— Не хочу, — ответила она, волнуясь. — Клянусь повиноваться тебе. Теперь ты мне все скажешь?

Все же Уэсли не очень хотелось раскрывать ей свои планы, и Лиа поняла, что он хотел одного чтобы его убедили при помощи поцелуев. Хотя предыдущей ночью Лиа полностью подчинилась ему, она была с ним робка. Он как бы и был, и не был ее мужем. Уэсли принадлежал ей только до тех пор, пока они скрывались в лесах.

Он пересказал ей свой замысел, и Лиа удивилась. Уэсли обратился к Джастину, Оливеру Старку и Джону Хэммонду с просьбой о помощи. Им предстояло загрузить ценные товары в два фургона Уэсли, и Ревис должен был их ограбить.

— Ты будешь красть то, что уже принадлежит тебе, — сказала Лиа.

— Лучше так, чем обокрасть невинную жертву. Надеюсь, когда Ревис поверит, что я настоящий вор, он станет больше доверять мне.

— Уэсли, — попросила она, освободившись из его рук, — а откуда ты знаешь, что у Танцора есть дочь, и как ты узнал про его дом?

— Я этого не знал, а просто догадался. Ревис привык думать, будто женщины его обожают, поэтому я и сыграл на его тщеславии.

— А не слишком ли это было опасно? Что если он тоже тебя проверял?

— У него нет причины меня подозревать, и за ним постоянно следят Бад или Кэл, так что он не мог связаться с Танцором. А теперь перестань беспокоиться и поцелуй меня еще раз.

Позже, когда Лиа раскатывала тесто для пирога, она вспоминала разговор с Уэсом. Как бы он ни хвастался, завтра ему все же может понадобится помощь. Но как уговорить Уэса, чтобы он взял ее с собой?

Ее затруднения разрешил Ревис. За ужином он сказал, что Лиа поедет с ними, иначе нападения не будет.

— И что мы будем делать с этой чертовой женщиной? — взорвался Уэсли.

— Я ей не доверяю и не оставлю здесь без присмотра. Она слишком часто шныряет здесь по лесу.

— Ну и что? Отпусти ее. Может быть, в фургонах будут еще женщины, и ты сможешь выбрать одну из них. Не сомневаюсь, что одной из них ты приглянешься больше, чем вот этой.

— Поэтому я ее и добиваюсь, — ответил Ревис, глядя на напрягшуюся спину Лии. — Или она пойдет с нами, или нападения не будет.

Не успел Уэсли произнести и слово, как Лиа встала между ними.

— Для всех меня уже объявили воровкой, поэтому я могу пойти с вами и на этот раз. Заодно, может быть, найду себе новое платье.

Эйб посмотрел на нее, разинув рот, Бад и Кэл продолжали есть, а Уэс даже на нее не взглянул. Тем временем Ревис разглядывал ее сквозь дым сигары.

В эту ночь, когда Лиа выносила ведро с грязной водой, Уэс подхватил ее за талию и увлек в тень.

— Завтра следи за мной. Я буду показывать тебе, где ты должна будешь встать. И не вздумай слезать с лошади. Стрельбы быть не должно, но если начнут стрелять, пусть даже если кто-то случайно уронит свое ружье, гони лошадь прямо на восток, и как можно быстрее. Лиа, ты меня слушаешь? — Неожиданно он обнял Лию и прижал ее голову к своему плечу. — Я только хочу, чтобы ты вела себя разумнее, чем всегда. И прошу тебя, не храбрись. Ни при каких обстоятельствах ты не должна совершать благородные поступки. Не пытайся спасти чью-либо жизнь, не пробуй возглавить нападение бандитов на фургоны и не совершай глупости, что тебе свойственно. Не слезай с лошади, держись спокойно и, если возникнет опасность, сразу уезжай. Ты меня понимаешь? Будешь мне подчиняться?

— Полностью. Я никого не поставлю под угрозу.

— И вот еще что: у меня есть еще один план. Когда по пути назад мы окажемся в лесу, ты должна быстро повернуть лошадь и ускакать. Тс-тс-тс, продолжал он, прижав палец к ее губам. — Все подготовлено. Я не сказал тебе этого раньше, пока не был уверен, захочет ли Ревис, чтобы ты поехала с нами. Джастин о тебе позаботится и поможет добраться в Суитбрайара.

— Но если ты за мной не погонишься, Ревис поймет, что тебе и нужно, чтобы я сбежала.

— Это моя забота, не думай об этом, — отрезал он. — Я только хочу, чтобы ты повиновалась. Итак, что ты будешь делать?

Она спокойно повторила его распоряжения.

— Ты защитишь Вериги? И прошу, не позволяй Ревису ее обижать.

— Если ты будешь мне подчиняться, я позабочусь о Вериги, даже если мне и придется затащить ее в свою постель.

— Надеюсь, такие решительные поступки не понадобятся. — Лиа рассердилась.

— Похоже, я могу рассчитывать только на этот приступ ревности. Поцелуй меня, ступай в дом и ложись спать.

— Да, — прошептала она. — Да.

Глава 23

Утро настало быстрее, чем хотелось Лие. Всю ночь она вздрагивала и металась, предвидя, что не все пойдет по плану. В глубине души она чувствовала, что сегодня случится нечто ужасное.

Глаза ее опухли. Она уложила в дорогу мешки с хлебом и сыром, и они отправились в путь под гору.

В хижине осталась одна Верити.

Из леса верхом на могучем чалом жеребце выехал Уэсли, а за ним на громадных вороных жеребцах скакали Бад и Кэл. Кони вставали на дыбы и сердито фыркали, но наездники легко осаживали их.

— Поскакали, — объявил Уэсли, когда Лиа села на спокойную гнедую кобылу.

Всю долгую дорогу сердце Лии бешено колотилось. Дважды она ловила на себе взгляд Ревиса, и вновь ее охватило предчувствие беды. Мужчина, способный убить, чтобы женщина, которой он добивается, не смогла бежать, не подчинится другому мужчине с такой легкостью. А Ревис почему-то очень спокойно отнесся к тому, что Уэсли влился в их шайку.

Когда они спустились к подножию горы и заметили фургоны, Лиа едва держалась в седле. Уэсли предупредил ее взглядом, и в ответ она коротко кивнула, показывая, что поняла, но больше он не обращал на нее внимания.

Ревис, Уэсли и Эйб впереди, Бад и Кэл по бокам, а Лиа сзади подскакали к фургонам. Они надели на лицо маски и направили оружие на возниц. Джастин слез с сиденья, а из второго фургона вылез Джон Хэммонд, и они медленно пошли, подняв руки. Ветер донес до нее слова Уэсли, приказавшего Оливеру Старку выгрузить вещи из фургона.

Происходящее во многом напоминало игру. Все актеры были Лие знакомы, но некоторые из них делали вид, что не знают друг друга. Они совершали нереальные поступки — носили маски, угрожали друг другу. Может быть, эта игра и должна была ее развлечь, но с каждой минутой ее сердце билось все быстрее.

Что не так? Что не так? Ревис тихо засвистел, повернувшись к Лие, и когда она обернулась, он жестом приказал ей подъехать к нему. Лиа намеренно не взглянула на Уэса. Он мог запретить ей подчиниться Ревису, и ей не хотелось, чтобы Ревис обрушился на него.

Когда она направила лошадь вперед, ее внимание привлек со стороны леса яркий отблеск света от какого-то предмета. Сначала она не придала этому значения, но, остановившись возле Ревиса, опустила глаза на Джастина и поняла, что это солнце отсвечивало от ствола ружья.

«Вам это не сойдет с рук», — убедительно внушал Джастин.

Лиа едва сознавала, что происходит вокруг. Она подумала, не прячутся ли за деревьями другие вооруженные бандиты. Прислал ли их Уэсли, ничего ей о них не сказав, или это люди Ревиса? Уэсли отдавал распоряжения, Джон им повиновался, Джастин спорил, а Лиа пыталась

собраться с мыслями. Украдкой она коснулась бока лошади стремями, и лошадь дернулась. Делая вид, что она пытается удержать кобылу, Лиа глазами ощупывала деревья. На лицах Уэсли и Джастина было озабоченное выражение, но Ревис, не моргая, следил за ней орлиным взглядом. Он проследил за ее взглядом.

«Это его люди, — подумала Лиа. Эти люди подчиняются Ревису».

— Тихо, девочка, — попросила Лиа, похлопывая лошадь по шее, и наклонилась вперед, чтобы поправить стремя. Одно из пятен за деревьями шевельнулось.

— Прикрой меня, — попросил Уэсли Ревиса и спешил. Ревис только кивнул и навел пистолет на Джастина, а Уэсли и Бад начали грузить добычу на лошадей. Эйб, озираясь, по-прежнему сидел на коне.

«Он так же беспокоится, как и я», — подумала Лиа. Когда вся добыча была погружена, Лиа поняла: то, что должно произойти, скоро начнется.

— Пора уезжать, — сказал Уэсли.

— Я хочу сам проверить фургоны. — Ревис прыгнул с коня.

— Ты мне не доверяешь? — спросил Уэсли угрожающе.

— Я никому не доверяю.

Лиа показала, что Ревис не случайно встал между Уэсли и фургоном. Лиа непроизвольно подняла голову и опять увидела среди деревьев какой-то блеск. Не долго думая, она приподняла колени, пришпорила лошадь и помчалась прямо на Уэсли. Поднялась невероятная суматоха.

Уэсли бросился в сторону, лошадь Лии крупом сбила его на землю, и когда он распростерся на земле, раздались три выстрела.

Все пули попали в грудь Ревиса. Бад поймал поводья лошади Лии, когда она спрыгнула на землю.

— Уэсли, ты ранен?

— Нет. — Опустив маску на шею, он бросил на нее странный взгляд. Он посмотрел на Джастина, склонившегося над Ревисом. Джастин покачал головой. Нахмурившись, Уэсли подошел к умирающему Ревису и положил его голову себе на колени.

— Ты считал себя умным, — прошептал Ревис. — Ты думал, я тебе поверю? Я понял, что она ходит к тебе. Она настроила против меня всех, даже моих братьев.

Он перестал кашлять. Его грудь промокла от крови, струившейся из трех ран.

— Кто Танзор? — спросил Уэсли. — Сделай хоть одно доброе дело. Скажи мне, кто он.

— Я так и думал, что ты хочешь это узнать. — Он на секунду прикрыл глаза, слабо улыбнулся и перевел взгляд с одного лица на другое. — Макалистер, прошептал он. — Приходилась слышать о Девоне Макалистере?

— Ты лжешь, — ответил Уэсли. Ревис попытался что-то сказать, но опять закашлял и умер на

руках Уэсли.

Уэсли осторожно опустил тело на землю, выпрямился, и взгляд его встретился с взглядом Джастина.

— Он лгал.

— Да, — только и ответил Джастин, потом отвернулся.

Поймав взгляд Лии, Уэс взял ее за руку и повел в сторону леса.

— А где налетчики?

— Думаю, они уже давно скрылись. — Остановившись, он повернулся к ней. — Ты спасла мне жизнь, спасибо.

— Ты не сердись, что я тебя не послушала? — От его похвалы она покраснела.

— На этот раз нет. Теперь мы оба свободны и можем ехать домой.

Освободив руку, Лиа углубилась в лес. «Домой» означало город Суитбрайар в Кентукки, где ее могли разыскивать как преступницу; а может быть, и нет. Там ее ждала ферма с великолепным амбаром и развалившимся домом, который, как сказал Уэсли своему брату, он не хотел приводить в порядок — так ему была ненавистна мысль о том, что он будет отстраивать его для Лии. Дома их ждала и очаровательная красавица Кимберли.

— Что тебя тревожит? — спросил Уэсли Лию, положив руку ей на плечо.

— Нам нужно ехать прямо сейчас? А мы не могли бы побыть здесь немного?

— Вдвоем? Без Бада и Кэла, без Ревиса или Эйба, без Вериги?

— Да, хотя бы один-два дня. Я знаю, до чего тебе хочется вернуться, только...

— Только я предпочел бы позабавиться несколько дней в лесу с красавицей женой. Я многим тебе обязан. Может быть, ты хочешь от меня чего-нибудь попроще?

Она хотела от него так много, что не нашлась, что сказать. Конечно, она не могла просить его любви, но понимала, что должна завоевать ее. В лесу она будет самой собой, но как только они приедут в Суитбрайар, ей предстоит жить так, как этого требует имя Стэнфорд.

— Нет, — ответила она. — Я только хочу остаться здесь на какое-то время.

Уэсли ласково поцеловал ее и ответил, что с радостью даст ей то, что она хочет.

Потребовалось несколько часов, чтобы разобраться с делами в хижине на склоне горы. Когда Вериги услышала про гибель Ревиса, она распрявилась во весь рост, а не упала на землю, как это бывало раньше. Она вышла из хижины вместе с Лией, которая проводила ее к фургону Джастина. Она не испугалась чужих мужчин, хотя Лиа этого и опасалась. Вериги шепотом попросила, чтобы ей показали тело Ревиса, и когда покрывало откинули, улыбнулась и опять распрявилась. Потом она принялась рассказывать Джастину о своих родственниках, живших на востоке.

Хижину Ревиса обыскали и унесли все, что в ней находилось, кроме мешка с припасами еды.

— Если сможешь, найди хозяев драгоценностей, и раздай припасы тем, кому они нужны, — попросил Уэсли Джастина.

Пока они складывали вещи, Джастин поймал Лию за руку.

— Он хорошо с тобой обращается? Теперь ты выглядишь иначе.

— Он хорошо со мной обращается, — удивленно ответила Лиа. — Не знаю, что произойдет в Суитбрайаре, когда он опять встретит Ким, но...

— Ким? — отозвался Джастин и поднял голову. — А разве Уэс не сказал тебе, что несколько дней назад она стала женой Джона Хэммонда?

— Нет, — сказала Лиа, переводя дыхание. — Никто мне ничего не сказал.

Уже стемнело, когда битком набитые фургоны были готовы тронуться в дорогу. Стоя рядом с Уэсли, Лиа прощалась с друзьями, особенно сердечно простилась с Джоном. Когда в конце концов фургоны уехали, Лиа обрадовалась.

— Твои глаза почему-то блестят. Надеюсь, не из-за Джастина? — спросил Уэсли, приподняв бровь.

— Ты не сказал мне, что Кимберли вышла замуж.

— Думаю, просто забыл. — Он пожал плечами. — А теперь пойдём на вершину и посмотрим, кто быстрее скинет с себя одежду.

— И что я получу, если выиграю? — спросила она со смехом.

— Меня и мой...

— Понятно, — прервала она. — Тогда чего же мы ждем?

Три дня они в основном предавались любви. Они не разговаривали ни о себе, ни о ком-либо еще, а Лиа не думала о том, что ее ждет в Суитбрайаре. Хижина, которая раньше была наполнена ненавистью и страхом, теперь зазвенела от смеха и шуток. Они гонялись друг за другом вокруг стола, занимались любовью на столе, под столом, а как-то раз сначала на стуле, потом на столе.

Утром четвертого дня Лиа поняла, что все закончилось. Свернувшись в клубок возле обнаженного тела Уэсли, она почувствовала, как напряжены его мышцы.

— Я начну собирать вещи, — сказала она, но не успела отодвинуться, как Уэс привлек ее к себе.

— Мне в жизни не было так хорошо, Лиа, — прошептал он, приблизившись к ее губам. — Даже при Ревисе мне было неплохо, потому что ты находилась рядом.

Она сдержала дыхание, моля о том, чтобы он сказал о своей любви к ней, но он откатился в сторону и выпрямился.

— Но медовый месяц закончился, потому что нам пора возвращаться. Мне нужно сеять, кормить животных, занять людей работой, и еще есть...

— И еще есть жена, известная как воровка, — откровенно заявила Лиа.

— Это мы уладим, — заявил он, не придав ее словам значения. — Гораздо важнее Танцор.

— А почему ты сказал, что Ревис лжет, когда он назвал тебе имя Танцора?

Уэсли выпрямился; его могучее тело казалось прекрасным в тусклом свете раннего утра, проникавшем в хижину.

— Девон Макалистер — мой друг, очень близкий друг, и мне придется пойти против своей совести, если понадобится доказывать, что он главарь шайки грабителей. И все же... — Он помолчал. — Ему известно многое, и он хорошо знает леса. — Будь все проклято! — внезапно прорычал Уэс, и его счастливое настроение сменилось задумчивым молчанием.

Лию занимали ее собственные горестные мысли. Уэсли было легко забыть ее страхи, но ей это не удавалось. Она вспоминала выражение ненависти в глазах женщины, раненной Ревисом. Ждет ли ее ненависть и в глазах других людей?

Спускаясь под гору, они молча предавались своим мрачным мыслям.

Глава 24

Лиа остановилась на холме, держа под уздцы лошадь, и смотрела туда, где, по словам мужа, был ее новый дом. Его плантация уступала плантации Стэнфордов, но все же была большой: вдаль уходили акры возделанной земли. Здесь высились два амбара, три сарая и деревянный дом в форме буквы "Г".

— Недалеко от дома есть родник, — объяснял Уэсли. — И на этой неделе я посажу для тебя огород. — Он помолчал. — Тебе здесь нравится, Лиа? — негромко спросил он. — Тревис подарил своей жене не такой дом, а побольше, но обещаю тебе, что скоро я его расширю.

Повернувшись, она улыбнулась ему:

— Я на такое и не надеялась. Мне здесь очень нравится.

— Джастин и Оливер помогли мне немного отремонтировать дом.

Она отвела глаза, не желая, чтобы Уэсли понял: она помнит сказанные им слова о том, что он не сможет даже спать в этом доме, раз в нем живет она, а не Ким.

Они сели верхом, и когда въехали на ферму, навстречу им выбежали три собаки. Из сарая появился Оливер Старк в рубашке с закатанными рукавами.

— Как я рад вас видеть! Одна из лошадей жеребится, и жеребенок не идет. Ты что-нибудь знаешь про лошадей?

Уэс спрыгнул на землю и поспешил за Оливером.

— Лиа, дом в твоём распоряжении! — крикнул он на ходу.

Секунду Лиа разглядывала дом с широким крыльцом, украшенным колоннами. Он принадлежит ей. Это ее дом, здесь живет ее муж. Много месяцев назад в Виргинии она мечтала об этом дне. Она надеялась, что Уэс полюбит ее, представляла себе, как он внесет ее на руках через порог дома, как они будут являть собой картину семейного счастья.

Но в действительности ей пришлось войти в дом одной, неизвестно было, любит ли ее муж эту Кимберли или нет, Лиа превратилась в известную всем воровку, и Уэс не питал любви к своей жене.

— Доброе утро. — С обоих боков лошади стояли два брата, совершенно неотличимых близнеца — крупные, сильные, крепкие подростки лет семнадцати. Красивые, смуглые, с блестящими голубыми глазами. — Меня зовут Слейд, — представился один, и в глазах его загорелся огонек.

— А меня зовут Корд Макалистер. Добро пожаловать.

— Мы работали у Уэса. Вообще-то у нас здесь дела идут лучше, когда его нет, — сообщил Слейд.

— У Уэса ужасная привычка мешать нам. Хотите осмотреть дом?

— Или поля? Или городок? Суитбрайар небольшой, но мы ничего другое предложить не можем.

— Можно помочь вам спуститься на землю? — предложил Корд.

— И я тоже помогу, — присоединился Слейд.

— Подождите-ка! — Лиа, расхохоталась. — Это для меня слишком много. Да, я хочу спуститься на землю и хочу осмотреть дом, но осматривать город — нет, спасибо. Во всяком случае, не сегодня.

Корд обошел вокруг лошади и встал рядом с братом. Отличить их друг от друга было невозможно.

— Позвольте мне, — предложил Слейд и поднял к ней руки.

— И мне тоже, — добавил Корд.

Их юмор был заразителен, и Лиа позволила братьям помочь ей слезть с лошади, и помогали они так легко и изящно, как будто им часто приходилось вдвоем опускать женщин с лошади на землю.

— Это большого труда не требует, — сказал Корд. Или это был Слейд?

— Ну, мы сделали все, что смогли. Джастин так много рассказывал нам про вас, что мы старались сделать дом красивым.

— Бад и Кэл про вас тоже рассказывали кое-что — Значит, вы с ними познакомились? Им ничто не угрожает? — спросила Лиа.

— Не угрожает! — хмыкнул Слейд. — Сначала мы решили, что это племенные быки, и чуть было не отправили их на пастбище. Думаю, им ничто не угрожает.

Продолжая смеяться, Лиа направилась к открытой двери дома.

— Подождите-ка, разве не полагается молодую жену вносить в дом на руках? — спросил Слейд.

— Это полагается мужу, — раздался сзади низкий голос. Повернувшись, они увидели Уэсли. — Надеюсь, вы не собирались на пару вносить мою жену?

— Нет, сэр, — хором произнесли юноши, будто испугавшись. — Нам такое даже в голову не приходило. Смеясь и покачивая головой, Уэс подошел к ним.

— Проваливайте, принимайтесь за работу. И перестаньте кокетничать с моей женой! — крикнул он, и юноши ретировались, весело подмигнув Лие.

— Хорошие мальчики, — сказала Лиа.

— Хм! — с сомнением ответил Уэс. — Эти двое чума этого городка. Каждая женщина, увидев их, в них влюбляется, а потом портит. Только их отец и я можем призвать их к порядку. А теперь понесем тебя. — Нагнувшись, он подхватил ее на руки. — Ты, конечно, знаешь, как возник этот обычай? Римляне захватывали своих невест, и им приходилось силой заносить их в свои дома. А ты, Лиа, тоже не хочешь быть женой? Не придется ли мне силой тащить тебя ночью в свою постель?

Она восприняла его слова серьезно.

— Боюсь, что хочу. Когда доходит до... этого, кажется, я не в силах сопротивляться.

Засмеявшись, он одарил Лию долгим жарким поцелуем и понес в дом. Продолжая держать ее на руках, он, кажется, ждал, что она сделает.

Дом Лие понравился. Он был просторным, с простой незатейливой мебелью, застекленными окнами, широким кирпичным камином, в левое крыло вел коридор, рядом с камином стоял ее замечательный ткацкий станок.

— Там спальня? — спросила она, кивнув в сторону коридора.

— С большой пышной периной. Когда речь идет об этой комнате, деньги не жалеют.

— Дом очень красивый. — Она улыбнулась ему.

Мне он очень нравится.

— Тебя не расстраивает то, что он не похож на дом Тревиса?

— Нет, — искренне ответила она. — Я родилась на болоте, и этот дом подходит мне больше, чем особняк Риган.

— Хм, — ответил он, нахмурившись. — Что-то мне не очень нравится, когда мой дом сравнивают с болотом.

Она не успела ответить: он опять поцеловал ее и опустил на пол.

— Мне надо посмотреть, как жеребится лошадь. Если тебе что-нибудь понадобится, скажи Оливеру, или, если нужно, обратись к близнецам. Мне придется нагрузить их двойной работой, чтобы они держались подальше от тебя. Вся беда в том, что они выдают себя друг за друга, и я никогда не могу понять, кто из них работает, а кто нет. До встречи.

И он вышел. Осматривая дом и сознавая, что он принадлежит ей, Лиа внушала себе, что все будет хорошо. Уэсли полюбит ее, потому что она станет ему хорошей женой, Кимберли утратит над ним власть, и все люди вокруг будут жить счастливо.

Улыбаясь, она принялась устраивать дом по своему вкусу. Он был больше и гораздо чище, чем

хибара, в которой она выросла в своей громадной семье.

В спальне стояли ее чемоданы с одеждой, подаренной Николь. Вытащив из сундука шелковое платье цвета лаванды, она почувствовала, как ее огрубевшие руки царапают тонкую ткань.

— Сначала самое главное, — произнесла она вслух. Уэсли придет домой к душистой жене, у которой ароматная, умощенная кремом кожа, что важнее чистоты в доме и ужина на столе. Она принялась искать на кухне составные части для кремов и притираний, которые Риган и Николь научили ее делать.

Спустя несколько часов ее кожа и волосы пришли в некоторый порядок, в чем нуждались после многих дней, проведенных в лесу. Ее обветренные, покрасневшие руки побелели, и когда она села на табуретку перед камином, чтобы высушить волосы, их мягкие волны сверкали. Солнце уже начало садиться, ужин не был готов, и она надеялась, что Уэсли не рассердится. Чтобы улучшить ему настроение, она надела полупрозрачный пеньюар, сшитый без единого стежка.

Войдя в дом, Уэсли замер, держа шляпу в руке, и воззрился на нее. Свет от горевшего в камине огня освещал изящное тело Лии под пеньюаром так, что казалось, будто оно покрыто легкой сказочной тканью.

Не заметив, как выронил свою шляпу, Уэсли подошел и обнял ее, и густые волосы жены упали ему на руки.

— Я не успела приготовить ужин, — прошептала она, когда Уэсли наклонился над ней.

— Тогда я не буду умываться, — ответил он. — Если ты этого не заметишь, то и я тебя прощу.

Обняв, он жадно поцеловал ее. Лиа прильнула к нему. Уэсли целый день работал в поле, и его одежда промокла от пота, а волосы на шее курчавились. Она погладила его шею и погрузила пальцы в его волосы.

Уэсли принялся целовать ее шею, гладил руки. Ее кожа горела от близости огня, и когда их тела сблизились, то едва не вспыхнули.

Уэсли подхватил ее на руки, отнес в спальню и осторожно опустил на перину.

— Сними это, — попросил он протяжным хриплым шепотом и отступил от Лии.

Лучи заходящего солнца струились сквозь единственное окно, образуя золотое пятно. Оказавшись в нем, Лиа опустилась на кровать, встав на колени, и толстый матрас поднялся вокруг нее. Она медленно развязала шелковый пояс пеньюара. Потом опустила глаза, наткнулась на взгляд Уэса и неторопливо спустила шелк только с плеч. Секунду она держала пеньюар перед собой, прикрываясь от Уэсли.

— А теперь твоя очередь, — прошептала она, сминая шелк пеньюара.

Неловко улыбаясь, Уэсли снял свою рабочую одежду, швырнул ее в угол и бросился к Лие.

Не ожидая от него такой прыти, Лиа вскрикнула и откатилась в сторону. Шелковый пеньюар остался на кровати, и Уэсли — на нем.

— Красивая штучка, — заявил он, вытащил пеньюар из-под себя и бросил его на пол. — Иди

сюда, — приказал он.

Лиа продолжала стоять у стены, стыдливо прикрываясь.

— Нет, — беззаботно откликнулась она. — Я весь день добивалась того, чтобы от меня хорошо пахло, а теперь ты надеешься, что я брошусь в объятия потного, пропыленного мужчины. Дамы не позволяют...

Он схватил ее за щиколотку, бросил на кровать и обнял.

— Пожалуй, мы сделаем так, чтобы от тебя пахло не так хорошо.

С этими словами он вдавил Лию в пуховый матрац, накрыл ее чистое тело своим и стал тереться о нее, размазывая по ней свой пот.

— Уэсли! — вскрикнула Лиа, ощущая, что в ее жизни не было ничего более приятного, чем этот мужчина. — Уэсли, — уже шепотом звала она, закрыв глаза.

Он улыбнулся и принялся целовать ее тело: начав с шеи, коснулся груди, спустился к животу; тем временем его сильные руки играли с мышцами ее бедер, а "языком он провел вокруг пупка. Он раздвинул руками ее ноги, гладил их изнутри и губами повторял тот путь, который прошли руки.

Спускаясь все ниже, Уэсли добрался до ее ступней и языком коснулся подушечек пальцев.

Когда он повторял этот путь вверх, Лиа едва не стонала от желания. На одну только секунду он склонился к ее губам.

— Ты по-прежнему говоришь «нет»?

— Нет, — прошептала она и открыла глаза. — То есть да. Ой, Уэсли!

Она вздохнула и прижала его к себе, а сама стала ногами тереться о его ноги.

Уэсли ласково и так неспешно овладел ею, что она обезумела. В конце концов он прижал ее к себе и резкими толчками довел их обоих до экстаза.

Они лежали, обнявшись, их кожа была липкой и влажной.

— Ты собираешься меня кормить? — прошептал Уэсли ей в плечо.

— Кажется, медовый месяц закончился. — Смеясь, Лиа оттолкнула его. — Но сначала нам нужно умыться. Скатившись с нее, Уэсли потянул в себя воздух:

— Тебе нужно помыться, от тебя пахнет так, будто ты целый день работала в поле.

— Что ты говоришь! — воскликнула она и принялась бить его по груди.

— Лиа, мне и вправду нравится, как ты прыгаешь. А теперь хватит меня завлекать, приготовь что-нибудь поесть.

— А если я не буду готовить? — с вызовом ответила она.

— Тогда я поступлю с твоей маленькой голый попкой по-другому, скажем, отшлепаю ее.

Но угроза Уэсли была бессмысленной, потому что он принялся целовать ее, а Лиа прижалась к нему.

Услышав громкий стук в дверь, они отпрянули друг от друга.

— Как ты думаешь, кто это?

— Вероятно, Бад и Кэл. Кажется, ты обещала кормить их.

— Когда? Ах, да, когда они провожали меня в хижину Ревиса. Но сегодня я ничего не готовила.

— Думаю, — Уэсли подошел к кровати, — если ты попросту объяснишь им, что целый день приводила себя в порядок, готовясь соблазнить меня, они поймут.

— Я могла бы сказать им, что приготовленную на ужин еду бросила тебе в голову. Это они поймут лучше всего.

.Стук повторился.

— Одевайся, — попросил Уэс, натягивая брюки. — Ты можешь поджарить половину свиной туши, и все будет в порядке. Знаешь, мне нравится заниматься с тобой любовью в кровати.

Он вышел из комнаты, и спустя несколько секунд Лиа услышала, как он разговаривает с Бадом и Кэлом.

Она поспешно оделась, подобрала упавшие на лицо волосы и пошла к ним. Гиганты были явно рады встрече с Лией и вовсе не помышляли о еде.

Пока Лиа поджаривала ветчину и картофель, кипятила воду, чтобы сварить кукурузные початки, и замешивала тесто из кукурузной муки, шла оживленная беседа.

Бад и Кэл неторопливо поведали о своей ферме, поговорили о домашних животных, которых собирались купить, про дом, который построят.

— Пожалуй, вам нужно построить два дома, предположила Лиа, — на тот случай, если вы женитесь.

Бад и Кэл переглянулись.

— Ни одна женщина не пойдет за нас замуж. Женщины боятся нас.

— Я же не боюсь, — ответила она, положив руки на их могучие плечи. — И готова поспорить, что в Суитбрайаре найдется много женщин, которым вы придетесь по душе.

— Уж если Эйб оказался на это способен, то и у вас это получится, — пробормотал Уэсли, набив рот кукурузой.

Лица Бада и Кэла медленно расплылись в улыбке.

— А что с моим братом? — спросила Лиа, раскладывая еду по тарелкам.

— Я совсем забыл, что ты «работала» целый день дома, — ответил Уэс, улыбаясь, — и ничего про Эйба не слышала.

— Так кто-нибудь может мне про него рассказать?

— Бад, эта честь предоставляется тебе, — провозгласил Уэс. — По его голосу было похоже, что он вот-вот рассмеется.

— Эйб влюбился, — негромко сказал Бад, глядя в тарелку. Ноги Лии подкосились.

— Это правда? — спросила она Уэса.

— Насколько это поддается пониманию, — ответил он. — Стоило ему только раз взглянуть на мисс Кэролайн Такер, и он влюбился. Спустя два дня он предложил ей выйти за него замуж.

— За него замуж? Ты говоришь про моего брата Эйба? Ты не ошибаешься? Всю свою жизнь Эйб любил только себя.

— Теперь он любит другого человека. Кэл, передай мне картошку, — попросил Уэс. — Ребята, вы даже не знаете, как вам повезло, что удалось поесть.

— А что было дальше? — спросила Лиа. — Что-то вы не договариваете про моего брата. Как выглядит Кэролайн Такер?

Уэс едва не подавился куском ветчины. — Бад, опиши ее.

— Она вроде бы моего роста, — только и ответил Бад. Лиа призадумалась.

— Мой брат влюбился в женщину такого же роста, что и вы? — недоверчиво спросила она.

— Она пониже нас, — уточнил Кэл.

— Уэсли! — угрожающе воскликнула Лиа.

— Меня там не было, но, по словам Оливера, твой брат появился в городе, всего только один раз взглянул на... очень плотную мисс Такер и влюбился. Он сказал Оливеру про то, что ей, похоже, никогда не приходилось голодать, и эта мысль, по-моему, запала ему в голову. Он целый день ходил за ней по городу, пока она не пригласила его поужинать с ее родителями, и вот тут, прямо за столом, он встал и попросил руки Кэролайн. Он рассказал им, что был вором и совершал дурные поступки, но хочет стать другим с помощью Кэролайн.

— Господи! — произнесла Лиа, охваченная изумлением от этих новостей.

Они закончили ужин, Уэсли снял с настенной подставки трубки, взял себе одну, а две передал Бад и Кэлу.

Убирая со стола, Лиа думала о том, как приятны эти мгновения. Она по-прежнему сияла после ласк Уэсли, а за ее спиной сидели люди, которые не были ей безразличны.

Когда Бад и Кэл ушли, Лиа и Уэс помогли друг другу принять горячую ванну, а после этого с удовольствием занялись любовью на полу перед камином.

Ложась спать, они уютно обнялись. На следующее утро Уэсли проснулся задолго до рассвета, а Лиа принялась за повседневные дела, и впервые по-настоящему осмотрела свой новый дом снаружи.

Количество скота на ферме было внушительным. Под крыльцом жило около дюжины гусей,

которые поднимали шум, когда мимо них кто-нибудь проходил. По двору расхаживали тридцать уток. Позади дома стоял прочный, надежно огороженный курятник, и Лиа вошла внутрь ограды, насыпав в подол юбки давленные кукурузные зерна. Откуда-то слева доносилось хрюканье свиней, а за ее спиной блеяли овцы.

— Это шерсть, — сказала она с улыбкой. Она будет ткать шерсть на своем любимом ткацком станке.

По-прежнему улыбаясь, она ушла с птичьего двора, но тут же ее улыбка исчезла. К ней направлялся Уэсли, держа на руках то, что несомненно было телом миссис Джон Хэммонд — иными словами, Кимберли.

Глава 25

— Кажется, она потеряла сознание, — с беспокойством сообщил Уэсли.

— Это она сделала по твоей просьбе?

— Лиа! — предупредил Уэс. — Я отнесу ее домой. Возможно, ей нужна помощь.

«Так оно и есть», — подумала Лиа, но пошла за ним.

— Положи ее на кровать, — распорядилась она, — а сам можешь дальше заниматься делами. Я помогу ей.

— Когда с ней такое бывает, я пугаюсь до смерти, — заявил Уэсли и нахмурился. — Не надо ли позвать доктора?

— С ней все будет хорошо. А теперь уходи, прошу тебя. — Уэсли неохотно повиновался. — Он ушел, сообщила Лиа. — Можете открыть глаза.

Хитро улыбаясь, Ким села.

— Как это красиво! Пуховая перина. Вы так красивы, Лиа. Выражение ее лица изменилось. — А у меня теперь нет времени, чтобы быть красивой. Вы только посмотрите на мои волосы — они тусклые, как земля.

— Кимберли, что вам нужно? — без церемоний спросила Лиа. — Чего вы хотели добиться от Уэсли, упав в обморок?

— Мне никогда не приходило в голову падать в обморок, но Уэсли это очень нравилось. — Кимберли грустно взглянула на нее. — А Джон просто не выносит, когда я теряю сознание. Он говорит мне такие ужасные вещи, что я уже почти совсем перестала это делать.

— Это говорит в пользу Джона, — пробормотала Лиа.

— Но Уэсли просто обожает женщин, падающих в обморок. Вы теряли сознание ради него?

— Нет, Кимберли, — терпеливо ответила Лиа. — И мне пора приниматься за работу. Надо готовить завтрак, сделать другие дела и...

Внезапно Ким закрыла лицо руками и заплакала.

— Лиа, вы даже не рады видеть меня! — вскрикнула она. — После того как вы сломали мне

жизнь, мне казалось, вы могли бы отнестись ко мне с некоторым сочувствием. Я вышла замуж, а вы даже не спросили меня об этом. А ведь вы моя самая лучшая подруга.

Лию охватило глубокое чувство вины, и она, сев на кровать, обняла Ким.

— И как прошла ваша свадьба, Ким?

— Совершенно ужасно! — Ким стала всхлипывать. — Все прошло мерзко, ужасно, чудовищно. Были только какой-то тощий старик по имени Лестер, его жена и мы с Джоном. Больше никто не пришел полюбоваться на мое красивое платье, никто даже не пожелал нам счастья. — Она подняла на Лию глаза. — Это платье я должна была надеть, выходя замуж за Уэсли, если бы вы его у меня не отняли. Господи, Лиа, я до сих пор не понимаю, зачем вы это сделали. Кроме Стивена у меня был только Уэсли, а брат никогда не любил меня.

— Кимберли... — произнесла Лиа, не зная, что сказать.

Ким встала с кровати и подошла к Лие.

— Посмотрите на мое ужасное платье. Коричневое!

Вам приходилось хотя бы раз видеть на мне коричневое платье? Джон говорит, что оно больше подходит для той работы, которую он меня заставляет выполнять. А посмотрите на мои руки! Они покраснели и огрубели. До чего же мне жаль, что вы лишили меня Уэсли.

— Если бы Уэсли достался вам, все равно вам пришлось бы работать. У меня прислуги нет. А сейчас я должна готовить обед.

Она быстро вышла из спальни и направилась к плите. Ким пошла за ней.

— По крайней мере, Уэсли не заставлял бы меня делать ночью то, что проделывает Джон. Лиа быстро воздела очи к небу.

— Все мужчины ждут того, что «делают ночью», и Уэсли не исключение.

— Но разве Уэсли ведет себя так же... настойчиво?

— Да! Так вот, сядьте и начинайте чистить картошку.

— Это я умею, — весело ответила Ким, взяла картофелину и села. — Лиа, вы на меня не сердитесь? спросила она после недолгого молчания.

— Какое вам дело? — резко ответила Лиа, но рогом смягчилась. — Ким, я пытаюсь быть терпеливой. Мне жаль, что Уэс посчитал своим долгом жениться на мне. Конечно, я никому не хотела причинить вреда, к тому же, как вы помните, именно Уэсли решил, что мы должны остаться вместе, поэтому вам, должно быть, следует сердиться на него, а не на меня.

— Ох уж эти мужчины, — уныло откликнулась Ким, продолжая чистить картошку. — Уэсли выбрал вас, потому что с вами весело. Вокруг вас происходят самые разнообразные события. Я уверена, что Стивен утонул из-за того, что оказывал вам знаки внимания, и Джастин в вас влюбился, а потом и Уэсли решил, что с вами интереснее, чем со мной. И это так и есть, Лиа. Единственное интересное дело, которое у меня получается, это обмороки, но моему мужу они совсем не нравятся. Так что видите — все произошло по вашей вине. Вы намерены удержать Уэсли, или он когда-нибудь вернется ко мне?

— Кимберли, — ответила Лиа, растягивая слова. — Вы предполагаете расторжение двух браков. Это не так легко сделать.

— Не знаю. Клей, друг Уэсли, был женат на Николь, потом женился на другой, потом опять женился на Николь. Честное слово, Джон мне не очень нравится.

— Тогда зачем вы вышли за него замуж?

— Это очень странно звучит, но когда Уэсли предпочел вас, я перестала ощущать себя красивой. — Ким перестала чистить картофелину. — Понимаю, что это глупо, но я буквально почувствовала себя уродливой. А тут Джон предложил мне выйти за него замуж, и я опять почувствовала себя красивой, поэтому и согласилась. Я просто не понимала, насколько все мужчины разные. Уэсли всегда был очень добр ко мне.

— А Джон злой, потому что заставляет вас работать и кое-чем заниматься в постели? — Лиа почти закончила готовить целое блюдо, пока Ким чистила единственную картофелину.

— Да, это более или менее так, — ответила Ким, но не успела продолжить: на улице зашумели гуси, дверь открылась, и вошли Уэсли, Оливер и близнецы Макалистер.

— Кажется, я забыл сказать тебе, что помощники завтракают вместе с нами, поскольку уже поработали несколько часов.

Лиа только покачала головой и принялась выливать на сковородки яйца и накладывать ветчину. Кимберли держалась так, будто все мужчины пришли сюда ради нее. Она просияла, когда близнецы начали ухаживать за ней, и мило попеняла Оливеру, что его брат Джастин грубо обращается с ней.

— Как это было приятно, — промурлыкала Ким, когда они остались наедине с Лией. — В моем доме никогда не бывает так хорошо. Лиа, моего мужа целый день не будет дома. Можно, я останусь у вас? Я помогу вам с делами, а потом, может быть, вы вотрете мне в волосы какое-нибудь средство, чтобы они стали красивыми и блестящими, как у вас.

Лиа понимала, что Ким намерена надоедать ей целый день, но у нее не хватило решимости отказать.

— Можете остаться, — согласилась она, и в награду Ким обняла ее.

— Лиа, я вам так благодарна. Как хорошо иметь подругу. Они провели весь день вместе: Ким непрерывно щебетала о своей прошлой жизни, в которой были танцы и красивые молодые люди, а тем временем не спеша занималась делами, которые ей поручила Лиа. Она больше не жаловалась на то, что Лиа отняла у нее Уэсли, и ни разу не заговорила о своем муже Джоне.

К удивлению Лии, она оказалась хорошей собеседницей. Ким работала неспоро, но помогала охотно, стоило лишь ей понять, что от нее требуется, и уже днем они смеялись вместе, когда Лиа стала мыть густые светлые волосы Ким.

Вечером, когда Ким предстояло уйти, на ее глазах выступили слезы.

— Ни одна женщина не была со мной так добра, — прошептала она сквозь слезы. — Они все вроде Риган, такие неласковые, такие враждебные ко мне.

Лиа молча выслушала ее хвалу, но не стала объяснять, почему женщины так сильно не любят

Ким.

Возможно, причина этого была в том, что она сама относилась к женщинам так, будто их не существует или не должно существовать.

— Приходите опять, — от души пригласила она, прощаясь с Ким. — Мне было очень приятно.

За ужином Уэсли спокойно сообщил, что утром Лиа, Бад и Кэл поедут с ним в Суитбрайар.

У всех на лицах отразился испуг.

— Это всего лишь тихий городок, — с некоторым пренебрежением заявил Уэс. — Никто там не причинит вам вреда. Кроме того, что рассказал о себе Эйб, никто не знает, что приключилось в горах. Ни Джастин, ни Оливер, ни Джон не сказали ни слова, поэтому вам нечего опасаться.

— А как же женщина, которую ранил Ревис? тихо спросила Лиа. — Он ведь тогда всем объявил, кто я и где живу. Я провела здесь один спокойный день, но если поеду в город, так уже больше не будет.

— Это нелепо, Лиа! — возмутился Уэс и стиснул зубы. — Ну а вы двое? Бад взглянул на Кэла.

— Мы останемся здесь с Лией, — тихо ответил Кэл.

— Черт побери! — вспыхнул Уэс и вскочил, уронив стул. — Я не собираюсь жить с трусами. Утром вы поедете со мной, даже если мне придется силком тащить вас.

Никто не засмеялся при мысли о том, как Уэс или кто-либо другой потащит Бада или Кэла, но все трое опустили глаза на свои чашки с кофе и кивнули.

— Вот так будет лучше, — сказал Уэс. — Теперь пойду проверю коров. — И он, все еще сердясь, вышел из дома.

— Мы не любили Ревиса, — произнес Кэл, — но предпочитаем держаться подальше от людей. Люди нас боятся.

Лию беспокоило то, что могло произойти на следующий день. Уэсли мог затеять ссору с тем, кто, по словам Ревиса, был Танцором, с Девонем Макалистером; Бада и Кэла могли осмеять и обидеть, и ей... ей не хотелось думать об этом.

Лиа внимательно посмотрела на Бада и Кэла. Она привыкла видеть их обнаженными по пояс или в одежде из замши и кожи, но, может быть, если они наденут рубашки, над ними смеяться не станут.

— У вас есть какие-нибудь рубашки?

— Рубашки на нас не налезают, — ответил Бад.

— Ну конечно, — произнесла Лиа, встала со стула и окинула взглядом кухню, которую ей предстояло убрать. — Если вы сейчас мне поможете, я сошью вам по рубашке. Думаю, к утру они будут готовы.

До юношей постепенно стало доходить, что она собирается сделать, и их глаза засверкали от радости.

— Как вы думаете, справитесь с мытьем посуды, не разобьете?

— Мы сломанные лапки малиновок лечили, можем и вашу посуду вымыть, — возмутился Бад.

Когда Уэсли вернулся, Бад и Кэл выполняли женскую работу, а Лиа нарезала громадные куски плотной синей бумагеи. Понимая, что кое-что произошло, он с улыбкой предложил помочь.

Лиа добралась до постели только в три часа ночи. Рубашки были готовы, оставалось только сделать петли для пуговиц, но она решила, что юноши смогут поносить их один день и без пуговиц. Усталая, она улеглась в кровать рядом с Уэсли, и он во сне привлек ее к себе.

— Все готово? — Зевая, она кивнула.

— Надеюсь, когда в следующий раз ты возьмешься кого-нибудь опекать, это будут люди поменьше, чем твоя парочка. Мне приходится каждый день работать лишних три часа только для того, чтобы накормить их. Ты не могла бы опекать бродячих котов вместо бродячих людей?

Лиа его не слышала, потому что уже спала. Улыбаясь, Уэс крепче обнял ее и опять заснул.

Лиае показалось, что рассвет наступил слишком быстро. Она так волновалась, что разбила одно яйцо прямо над огнем, совершенно забыв про сковородку. А пришедшие на завтрак Бад и Кэл нервничали до такой степени, что каждый съел только четыре куска свинины, шесть яиц, половину каравая хлеба, три печеных яблока и куропатку. Завтрак получился скудным.

— Надеюсь, никто из вас сегодня не упадет в голодный обморок, — заявил Уэсли, пока Лиа убирала со стола, но все промолчали.

Оливер, Корд и Слейд отправились на работу, а Уэсли уложил в фургон приготовленную на обед еду. Он решил провести в Суитбрайаре целый день и доказать всем троим, что вопреки их опасениям ничего страшного не происходит.

По пути в город Лиа и Уэс ехали на переднем сиденье, а Бад и Кэл с мрачным видом неподвижно сидели сзади.

Суитбрайар был не очень велик: несколько домов, конюшня, лавка женской одежды, кузница и еще несколько лавок там и тут. Ничто не внушало особых опасений, но глаза сновавших вокруг жителей были прикованы к вновь прибывшим.

— Они рассматривают нас, — прошептала Лиа.

— Естественно, — резко ответил Уэс. — Они впервые видят вас.

Когда они спустились на землю, женщина лет пятидесяти подошла к ним, и Лиа попятилась, но Уэсли подтолкнул ее вперед.

— Вы, конечно, Лиа Стэнфорд, — произнесла женщина, улыбаясь. — Я столько слышала про вас от Эйба.

— От Эйба? — тупо спросила Лиа.

— Меня зовут Уилма Такер. Хотя вы, может быть, об этом и не слышали, но моя дочь, Кэролайн, обручена с вашим братом. Нам всем предстоит стать одной семьей. Мой сын Джесси — сейчас он сенатор, с гордостью продолжала она, — приедет сюда на свадьбу. Мы с Флоридом

поистине гордимся вашим братом; а вы совсем на него не похожи.

Лиа улыбнулась и стала успокаиваться.

— Я уже давно не видела брата, но Уэсли рассказывал мне про свадьбу. Позвольте познакомить вас с моими друзьями.

Бад и Кэл все еще сидели в фургоне. Выразительно глядя на них, Лиа жестом приказала им спуститься.

— Боже мой, — сказала Уилма, разглядывая их. — Какие вы красивые и рослые.

— Это Бад и Кэл... — Лиа не знала фамилию братьев, но, взглянув на них, увидела, как они с высоты своего роста улыбаются Уилме. Она явно понравилась им, потому что не боялась их.

— Наша фамилия Хэран, мэм, — негромко назвалс Кэл.

— Ах, да, вы купили землю рядом с участком Уэсли. — Уилма улыбнулась. — Эйб говорил... А вот и моя дочь.

Лиа с радостью подумала, что была подготовлена к встрече с Кэролайн Такер. Ее размеры ввысь и вширь были одинаковы, симпатичное лицо украшали веснушки. Может быть, она и выглядела забавно, но Лие сразу понравилась.

— Вас зовут Лиа, — сказала Кэролайн, протягивая ей маленькую пухлую ручку. — Эйб сказал, что вы самая красивая женщина в мире.

— Он действительно так сказал? — Лиа искренне обрадовалась.

— Я должна была встретиться с ним сегодня, но нигде не могу его найти.

Внезапно Лиа испытала потрясение, представив себе Кэролайн в постели с тощим, костлявым Эйбом. Она надеялась, что Кэролайн не окажется сверху.

— С приезда сюда я Эйба не видела.

— Я только что видел его, — сообщил Уэс, разглядывая конскую упряжь. — Он направлялся в белый домик на краю города.

— Там живет Линкольн Старк, — сердито крикнула Кэролайн, топнув на удивление маленькой ногой. — Эйб опять играет в карты, а ведь обещал этого не делать. Мама, ну что за наказание!

Не успела Уилма остановить ее, как Кэролайн устремилась по улице к белому домику.

Уилма явно была огорчена.

— Эйб действительно обещал, — робко произнесла она. — А у Кэролайн есть свои понятия, и мне кажется, она действительно любит Эйба и...

Она умолкла, потому что дверь белого домика захлопнулась с треском, будто раздался выстрел, и спустя несколько секунд изнутри донеслись приглушенные крики. Впятером они молча слушали, как в доме, судя по всему, крушили мебель, а спустя некоторое время из окна вылетела табуретка.

— Пожалуй, мне стоит взглянуть, что там происходит, — предложил Уэсли, глядя на Уилму, у которой на лице отразился страх.

— Надеюсь, Кэролайн не ушиблась, — прошептала Уилма, и вся группа направилась за Уэсли к дому. Только они подошли к нему, как дверь распахнулась и на улицу вылетела колода карт, которые затрепетали на ветру подобно крупным снежинкам;

— Да чтоб какая-то женщина мне говорила!.. — донесся голос Эйба. — Эй! Осторожно! Перестань колотить Линкольна! Кэролайн, предупреждаю тебя!

Уэсли одним прыжком взлетел на крыльцо, и когда заглянул в открытую дверь, так и раскрыл рот от изумления и попятился, улыбаясь.

— Она здорова? — спросила Уилма.

Подавляя рвущийся из груди смех, Уэсли только кивнул в сторону двери. Спустя несколько секунд на крыльце появилась Кэролайн Такер, неся на левом плече тщедушное тело Эйба.

— Опустите меня на землю, чертова жирная кобылица! — выкрикивал Эйб ей в спину.

— Замолчи, Эйб, моя мама смотрит. Эйб тут же умолк, а Кэролайн спустилась с крыльца и остановилась возле матери.

— Ма, он больше никогда не будет играть в карты, торжественно сообщила она.

— Это правда, мисс Такер, — пообещал Эйб. — Кэролайн открыла мне глаза на истину. Лиа! Это ты там стоишь? — прошептал он, вися вниз головой. — Могла бы мне помочь.

Лиа с большим трудом удержалась от смеха.

— Здравствуй, Эйб. Хороший сегодня денек, правда?

Злобно посмотрев на сестру, он принялся гладить Кэролайн ниже спины.

— Кэролайн, дорогуша, — ласково заговорил он. — Ты должна уважительнее относиться ко мне.

— Ма, пожалуй, я отнесу Эйба домой, — предложила Кэролайн. — Еще мне придется сказать Доулу Старку несколько слов про то, как его сын вовлекает моего дружка в грех.

— Это я-то? — раздался голос сзади. На крыльцо вышел и тяжело облокотился на перила симпатичный юноша, вернее, раньше выглядел так. Теперь же один его глаз начал заплывать, а из носа текла кровь. Прижимая к носу промокший от крови носовой платок, он свирепо уставился на Кэролайн.

— Это твой драгоценный Эйб начал игру. Я не виноват.

— Ха! — фыркнула Кэролайн и, вздернув подбородок, царственно удалилась, неся Эйба на плече. Ветер донес слова Эйба:

— Кэролайн, ты здорово смотрелась. Мне по душе, как ты была Линкольна. Думаешь, нам нужно дождаться свадьбы, чтобы мы могли?..

— Тише, Эйб, — осадил его Кэролайн. — Не говори мерзости.

— Да, дорогуша, — согласился Эйб, руками поглаживая ее ниже спины.

Первым не выдержал Уэсли: он сорвал с головы шляпу, хлопнул ею по колену и согнулся, хохоча.

Лиа хотела остановить его, чтобы Уилма не обиделась, но та так и упала на руки Уэсли. От смеха они едва держались на ногах.

— И так у них вдет с самой первой встречи, — говорила Уилма, лоя ртом воздух. — Эйб в восторге от того, что он ей нужен.

— А Кэролайн до безумия счастлива, потому что она кому-то нужна, — договорил Уэсли. — Ну и парочка.

— Я могу истечь кровью и умереть, а вы двое со смеху покатываетесь, — упрекнул их Линкольн Старк.

Эта сцена так поразила Лию, что она даже не могла смеяться. Заметив, как Бад и Кэл улыбаются от уха до уха, она подошла к Линкольну.

— Давайте войдем в дом, я попробую остановить кровь. Спустя некоторое время в дом, по-прежнему улыбаясь, вошел Уэсли.

— Приехали люди, с которыми я хочу тебя познакомить. Это родители близнецов. Липнет и Девон Макалистер.

«Танцор», — подумала Лиа, смывая кровь с куска ткани, которую прижимала к носу Линкольна. Вот сейчас и откроется, что она занималась грабежами.

Глава 26

Выходя из домика, Лиа взмолилась, чтобы Уэсли не показал свой характер, чтобы он был осторожен и случайно не сболтнул, что думает о человеке, который многие годы замышлял грабежи. Но Лиа никак не ожидала увидеть то, что предстало перед ней.

Уэсли беседовал с приехавшим так, будто они были лучшими друзьями, весело улыбался ему, и глаза его сверкали. Макалистер был высок, худощав, смугл и очень красив. В его черных волосах проглядывала седина, глаза щурились от солнца, и от этого он казался еще привлекательнее. Рядом с ним стояла маленькая красивая женщина с тонкими чертами лица, с большими глазами, пепельными волосами и хорошей фигурой. Она выглядела не старше двадцати пяти лет, но в действительности ей, видимо, было намного больше — ведь она была матерью Слейда и Корда.

— А вы, конечно, миссис Стэнфорд, — сказала она красивым уверенным голосом. — Меня зовут Липнет Макалистер. А это... — Она извлекла из-за своей спины девочку. — Это моя младшая дочь Джорджина. А с моими сыновьями вы, кажется, уже знакомы.

Лие эта красавица сразу понравилась, и она подумала, знает ли Линнет про тайные занятия своего мужа.

Девочка робко улыбнулась Лие, потом подбежала к отцу и стала дергать его за брюки до тех пор, пока он не взял ее на руки.

— Лил, дорогая, — обратился к ней Уэсли, — иди сюда. Я хочу познакомить тебя с Маком.

Лиа поняла, что трудно не полюбить Девона Макалистера.

— Здравствуйте, мистер Макалистер. Тот посмотрел на свою жену, как бы делаясь с ней некоей известной им обоим шуткой.

— Называйте меня Мак, — ответил он низким, приятным голосом. — Уэс говорил мне, что вы любите ткать. У Линны есть образцы рисунков, а Миранда прядет шерсть.

— Миранда — наша старшая дочь, — объяснила Линнет. — Утром она уехала в гости к старшей дочери Коринн Такер и скоро должна вернуться. Может быть, мы оставим мужчин беседовать, а я покажу вам Суитбрайар.

— Вы очень добры, но мне не хочется отнимать у вас столько времени.

По правде говоря, Лиа хотела спрятаться в глубине фургона и накрыться с головой одеялом. Только в этом случае ее никто бы не узнал.

— Поезжай, — предложил Уэсли. — Линнет знает здесь всех жителей гораздо лучше, чем я.

И незаметно для всех он выразительно взглянул на нее.

— А как же Бад и Кэл? — тихо спросила она. Лиа ощущала себя гораздо увереннее, когда юноши находились рядом, будто они могли защитить ее, а она их.

Уэс посмотрел на нее и вздохнул.

— Ребята поедут с нами, а Мак и я будем защищать их ценой собственной жизни. Если твоих ребят обидят какие-нибудь дети, мы их тут же повесим без суда и следствия. И если кто-то...

— Довольно, — прошептала она, но при этом улыбнулась. — Просто они... ты же знаешь...

— Они чувствительны, — серьезным тоном ответил Уэсли. Он повернулся к Маку. — Она говорит про тех двух бугаев. Лиа боится, что кто-нибудь станет над ними смеяться и тем самым обидит.

Мак недоверчиво фыркнул.

— Ты поедешь с Линнет, — объяснил Уэсли. — В поддень я встречу вас около лавки Мака. — Наклонившись, он поцеловал ее в щеку. — А мы присмотрим за твоими ребятами.

Лиа почувствовала себя не в своей тарелке, когда Уэсли и Мак в сопровождении Бада и Кэла ушли. Однако Линнет быстро ее успокоила.

— Все в городе сгорают от желания познакомиться с молодой женой Уэсли. Мы знаем его много лет и видели, как он упорно работал на ферме, поэтому всем, конечно, хочется узнать, для кого он это делал, — объяснила Линнет. — Не удивлюсь, если почти все жители Суитбрайара собрались, чтобы повидать вас. — Видя гримасу на лице Лиы, Линнет рассмеялась и продолжала:

— Вам придется привыкать к нашему городку. Здесь не существует такого понятия, как тайна. Дело не в том, что люди здесь любопытные, просто они... внимательны, как мне кажется. Когда я только приехала сюда двадцать лет назад...

— Двадцать лет? — недоверчиво воскликнула Лиа. — Вам сейчас не дашь больше двадцати.

— Вы слишком добры. Моей старшей дочери девятнадцать лет. А вот, кстати, и Агнес Эмерсон. Ее муж умер несколько лет назад, и сейчас их фермой управляет ее сын Доил.

За этим последовала приведшая Лию в смятение череда имен и лиц. Подходили люди, прожившие в Суитбрайаре всего один или два года, но особый блеск в глазах Линнет вызывали родители и дети тех, кто, по ее словам, жил в городке долгие годы. Лиа не смогла запомнить всех, с кем познакомилась. Среди них были Ногти и Максвелл Роу, которые сообщили, что их младшая дочь Вайда — местная учительница, а старшая дочь Ребекка замужем за Джесси Такером, который сейчас избран в сенат штата.

— Похоже, все здесь гордятся Джесси Такером, — заметила Лиа.

Линнет улыбнулась:

— Что бы Джесси ни делал, он вселяет в окружающих чувство гордости. Вы познакомились со многими членами семьи Старк?

— Со многими, — смеясь, ответила Лиа. — И много их всего?

— Каждый год появлялись новые. Гейлон-младший в прошлом году уехал учиться в Бостон. Это очень умный юноша, и мы все надеемся, что он станет губернатором, а то и президентом.

Пока они шли по городу, заходя в лавки и знакомясь с горожанами, Лиа все больше испытывала чувство общности с ними. Сколько бы раз еще в Виргинии она ни внушала себе, что стала членом семейства Стэнфорд, она продолжала считать себя Симмонс. Казалось, болото тянуло ее назад, а Риган и Николь, при всей своей доброте, оставались такими, будто появились на свет в другом мире, далеком от окружения Лии.

Но в этом маленьком городке, где все жители носили одежду из домашней выделки бумазеи или шерсти, нередко чиненную, она стала ощущать свою причастность к ним. Хотя Уэсли как-то обвинил ее в том, что она стремится владеть плантацией Стэнфордов, Лиа никогда не хотела быть богатой. Она мечтала о надежности, о таком убежище, где хотя бы никто не будет бить ее. Плантация Стэнфордов была надежным пристанищем, но изысканные блюда и шелковые платья постоянно напоминали ей о том, что она должна беречь одежду и учиться соответствующим манерам. И все, что было естественным для Риган и Николь, стесняло Лию.

Этот городок был безопасным пристанищем и не требовал соблюдения хороших манер. Большинство из тех, с кем она познакомилась, не отличались безупречным произношением, не пытались говорить изысканно, чему Николь учила Лию, хотя временами той бывало трудно усвоить эту манеру. Но даже в своем скромном платье из бумазеи Линнет производила впечатление леди и напоминала Лие Николь.

Джорджина, дочь Линнет, быстро избавилась от робости. Увидев, как с пожилой женщиной идут по улице две девочки-близнецы, она бросилась к ним.

— Это Эстер, мать Джастина и Оливера, — объяснила Линнет не без грусти, когда они направились к женщине. — Долл совсем извел ее бесконечными беременностями. А близнецы — ее внучки. Их мать Лисси умерла при родах.

Лию представили Эстер Старк и познакомили с шестилетними близнецами, потом Линнет привела Лию в лавку Макалистеров.

— Последние годы торговля идет бойчее, — объяснила Линнет, — и теперь я веду счета, чтобы у Девона было больше свободного времени. И получается это совсем неплохо, — сказала она мечтательно, но, как показалось Лие, думая о чем-то своем.

Перед погасшим камином сидел худой старик, лениво строя палку.

— Это и есть новая горожанка? — спросил он.

— Позвольте познакомить вас с Доллом Старком, — сказала Линнет. — А это — миссис Лиа Стэнфорд.

Лиа кивнула ему, вспомнив все, что Джастин рассказывал ей о своем отце. Долл пристально посмотрел на Лию, видимо, чувствуя ее неприязнь.

— Схожу-ка я по делам, — объявил он, вставая со стула. Когда они остались наедине среди заваленных товарами полок, Линнет, нахмурившись, принялась рассказывать.

— Он совсем одинок с тех пор, как умерли Фетна и старик Гейлон. — Видя озадаченное лицо Лии, она пояснила:

— Когда Девон и я поженились, Долл взял себе за правило сидеть здесь со своими друзьями Гейлоном и Фетной, и когда они умерли, Долл почти утратил вкус к жизни. Девон пытается найти кого-нибудь, кто бы сидел с Доллом, но сейчас ни у кого нет желания бездельничать. Видимо, все дело в том, что через город проезжает много переселенцев. Теперь жизнь в городе стала гораздо оживленнее.

Лиа почувствовала глубокую любовь в голосе Линнет, которая отражала позицию иной стороны. Джастин презирал отца за безделье, а другие любили Долла именно за это.

Пока они были в магазине, на улице раздались женские крики.

— Это Миранда! — вскрикнула Линна и бросилась на улицу.

По главной улице мчался фургон, запряженный упряжкой обезумевших лошадей. Фургон бросало из стороны в сторону. На месте кучера, широко раскрыв испуганные глаза, сидела хорошенькая девушка; волосы ее развевались, она пыталась удержаться на сиденье.

— Девон! — вскрикнула Линнет, когда фургон бешено промчался мимо. Вместе с Лией они бросились за ним вдогонку. На лице Линнет застыл ужас.

Поблизости не было ни Мака, ни Уэсли, но зато оказались Бад и Кэл. Трудно было поверить, что такие гиганты способны двигаться так быстро. Как будто сговорившись заранее, Бад бросился к фургону сзади, а Кэл ринулся к лошадям.

Бад вскочил на подножку фургона и ловко перебрался к перепуганной девушке. Одной рукой он обхватил ее за талию и удерживал равновесие, широко расставив могучие ноги.

Когда Бад коснулся ее, Миранда вскрикнула, потом повернулась и прильнула к нему, подсознательно доверив ему свою жизнь.

Тем временем Кэл оказался перед лошадьми, перехватил поводья и всей своей тяжестью повис на них. Какое-то время его волокло по земле, каблуками он вспахивал землю, потом лошади замедлили бег и подчинились ему.

Выйдя из продовольственной лавки, Мак и Уэсли увидели, как позади фургона стоит Бад, к нему тесно прижалась Миранда, а Кэл, подобрав упавшие поводья, удерживает лошадей.

— Миранда! — шепотом выдавил из себя Мак и в два прыжка оказался у подножки фургона. — Принцесса, иди сюда! — Он протянул к ней руки.

Потрясенная, еще не пришедшая в себя от испуга, Миранда посмотрела на отца, потом на Бада, который по-прежнему держал ее в своих объятиях, закрыла глаза и осознала, где она находится.

— Что?.. — начал было Мак, но Линнет положила руку ему на плечо, а Бад тем временем направился к задней части фургона.

Кэл протянул Миранде руку.

— Двое, — только и прошептала Миранда, потом сползла в сильные руки Кэла и прижалась к нему.

Окружавшие их стояли неподвижно и молчали. У Лии промелькнула мысль, а всегда ли Миранда так решительна? Потом подумала: ведь юноши говорили, будто люди, и особенно женщины, боятся их. Но эта юная дама, похоже, совсем не боится двух великанов.

— Миранда! — резко окликнул ее Мак, когда она посмотрела в большие карие глаза Кэла. Миранда неохотно повернулась к опту. — С тобой все в порядке? Ты не ранена? — произнес Мак сквозь зубы.

— Нет, — не спеша ответила она, даже не пытаясь освободиться из рук Кэла. — Я в порядке.

Когда Бад подошел к ним, она протянула ему руку. Эта тройца производила поразительное впечатление: маленькая Миранда, громадные Бад и Кэл стояли, обнявшись, и не обращали внимания на горожан, окружавших их плотным кольцом.

— Миранда! — с улыбкой позвал Уэсли. — Позволь представить тебе Бада и Кэла, их фамилия Хэран.

— Вы — Кэл, а вы — Бад, — тихо проговорила она, и братья в ответ кивнули. — Спасибо вам. Вы спасли мне жизнь.

Ко всеобщему изумлению, Миранда взобралась на подножку фургона, обняла Кэла за шею и принялась целовать его. И опять Линнет удержала мужа за рукав, когда Миранда подошла к Баду и расцеловала и его.

Затем Миранда положила руки на широкие плечи братьев:

— Пойдемте, я приготовлю вам что-нибудь поесть. — И они ушли все вместе, оставив позади пораженных зрителей.

— Теперь очарование погибнет, — нарушил молчание Уэсли. — Как только она узнает, сколько эти двое едят, она убежит от них.

— Линнет, мне это не нравится! — взорвался Мак. — Мне это совсем не нравится. Она никогда еще такого себе не позволяла. Как же ты воспитала дочь, если она подобным образом ведет себя с двумя незнакомцами?

Лиа отметила про себя, что Линнет не удостоила вспышку мужа вниманием.

— Боюсь, это свойство моей семьи. Кажется, твоя дочь только что влюбилась.

— Влюбилась? — закричал Мак. — Она их даже не знает! Иногда ты такое говоришь...

— Девон, — ласково заметила Линнет, — нужно ли напоминать тебе, что я влюбилась в тебя с первого взгляда? Почему же с твоей дочерью не может произойти то же самое?

Мак накалялся.

— Между мной и этой парой существенная разница! Я спасал тебя и... — Внезапно гнев оставил его. — И в кого же из них, по-твоему, она влюбилась? мрачно спросил он.

Вздыхнув, Линнет посмотрела в сторону их лавки.

— Надеюсь, я ошибаюсь, но похоже, что ей приглянулись оба. Мак не успел и слова сказать, как Уэсли с силой хлопнул его по плечу.

— Мак, поздравляю! Значит, зятьев у вас будет сразу двое. И уверяю тебя — чтобы прокормить их, понадобятся все запасы в твоих лавках.

Мак мрачно взглянул на него.

— Чтобы моя дочь .. — заговорил он было с отвращением, но с усилием сдержался. — Уж эти женщины! — прошипел он. — Идем, Линна, посмотрим, что она задумала. — И Мак угрюмо двинулся за женой в лавку.

Повернувшись к Уэсли, Лиа улыбнулась.

— Не знаю, решает ли это что-либо, или только кладет начало новым проблемам. Мне кажется, Миранда приглянулась и Баду, и Кэлу. Как ты думаешь?

— Ты ревнуешь? — спросил он как бы полушутя. — Видимо, отныне ты перестанешь быть единственной женщиной в их жизни.

На его лицо падал солнечный свет, глаза были скрыты широкими полями шляпы, и он казался особенно привлекательным. Лиа посмотрела на его губы.

— Лиа, — хрипло проговорил Уэсли. — Ты опалила мне брови. Смутьившись, она отвела глаза. Когда потерявший управление фургон Миранды мчался по улице, собралась толпа, и многие горожане все еще, посмеиваясь, наблюдали за тем, как Миранда вознаградила своих спасителей. Наконец они начали расходиться.

— Это она! — воскликнула плотная женщина, глядя прямо в глаза Лии.

Лиа замерла. Ей никогда не забыть лицо этой женщины. Когда Ревис убил ее мужа, ненависть женщины поразила Лию в самое сердце.

— Она убила моего мужа, — громко заявила женщина и двинулась к Лие, по-звериному растопырив пальцы. — Убийца! — закричала она. — Убийца!

Лиа не шевельнулась, а ждала ее, как будто заслужила этого. Уэсли встал между Лией и разъяренной женщиной.

— Не надо, — ласково попросил он.

— Она убила его! — кричала женщина. — У меня никого больше не было в жизни. Мы собирались вместе построить ферму, а теперь из-за нее все рухнуло.

Продолжая визжать, она обрушила на Уэсли удары кулаками и ногами.

— Лиа, садись в фургон, — спокойно попросил Уэсли. — Иди! Немедленно! — приказал он, когда Лиа не двинулась с места.

Лиа попыталась поднять голову, но это было нелегко, потому что она чувствовала на себе взгляды всех горожан. Она неловко влезла в фургон, глядя прямо перед собой.

Потом Уэсли сел рядом с ней и, не говоря ни слова, погнал лошадей.

Лиа не осуждала его за то, что он не разговаривает с ней. Подумать только, она уже поверила в то, что Суитбрайар не будет опасным местом. Слабое ощущение безопасности, которое ее успокаивало раньше, теперь исчезло, как и возможность заслужить любовь мужа. Ни один из Стэнфордов не полюбит женщину, обвиняемую в убийстве.

Глава 27

Ссутулившись и сунув руки в карманы, Уэсли вяло заказывал товары в лавке Макалистера. За окном шел сильный дождь.

— Думаешь, нас затопит? — спросил Долл.

— Не знаю, — угрюмо ответил Уэс.

— Здесь солнце совсем не светит, — пожаловался Долл. — А что приключилось с твоей женой? — Долл посмотрел на Мака. — Я ее не видел несколько недель.

Над прилавком появилась голова Мака.

— Она стряпает для своих двух медведей, — сердито ответил он. — В том случае, если моя дочь не готовит для них. Уэс, тебе надо бы шею свернуть за то, что ты привел сюда эту парочку. Вчера Миранда целую ночь проплакала и все твердила, что ей по сердцу оба, и будь я проклят, если ее мать не ведет себя так, будто считает это хорошей затеей. — Он на секунду удалился в глубь лавки и принес еще кое-какие товары. — Что-нибудь еще нужно?

— Ты хоть немного понимаешь в женщинах? — бросил Уэсли.

Долл презрительно фыркнул. Сердито посмотрев в его сторону, Мак ответил:

— Пока я не встретил Линну, я много чего знал про женщин, но с каждым годом понимаю в них все меньше. У тебя какие-то трудности?

— Он ведь женат? — отозвался Долл. — Значит, у него есть трудности.

Уэсли оперся на прилавок, глядя на носок своего сапога.

— Я тоже думал, что понимаю женщин, но теперь как не считаю. Я полагал, что если у тебя если жена и ты с ней ласков, не бьешь ее, дал ей надежный дом и красивые платья, то она будет счастлива.

— Но твоя несчастна, — уверенно предположил Мак. — Им еще нужна любовь. Уэсли так и взвился.

— Ей не на что жаловаться. Она у меня не скучает. Долл захихикал.

— Нет, женщине этого недостаточно, — объяснил Мак. — Ей нужна твоя любовь. Не знаю, как объяснить это. Когда любишь, то просто понимаешь это.

— Да ну. — Уэс махнул рукой. — Я полюбил Лию давно. Она храбрее любой женщины, которую мне довелось встретить.

— Тогда что тебя беспокоит? — спросил Мак. — Ты помнишь, как месяц назад одна женщина обвинила Лию в убийстве ее мужа?

Мак сморщился.

— Это было в тот день, когда Миранда познакомилась с твоими парнями. Вряд ли я его забуду. Но мне казалось, что ты все там уладил.

— Мне тоже так показалось. Я нашел двух людей, которые были там, когда Ревис убил ее мужа; они слышали, как Ревис угрожал Лии. Тогда я привел их к этой женщине, но она ничего не хотела слушать, а только кричала про Лию. Мне ничего не удалось от нее добиться, поэтому я прошел с двумя свидетелями по городу и заставил рассказать всем жителям Суитбрайара правду про Лию.

Мак кивнул, соглашаясь.

— По-моему, это разумно. Тогда что же не ладится с твоей женой?

— Лиа храбрее любой другой, — повторил он, усаживаясь на бочку с галетами. — В Виргинии она, бывало, перечила мне постоянно, а потом меня ранили, и она поставила свою жизнь под угрозу ради моего спасения, хотя до этого вечно твердила: "!", что не очень-то меня любит. Конечно, она говорила это не серьезно. Лиа без ума от меня, — быстро добавил он. — Не было такой вещи, что оказалась бы ей не по силам, но от проклятий той женщины Лиа стала сама не своя. Теперь она поглощена только делами по дому или сидит за своим окаянным ткацким станком. А от любой мелочи начинает плакать.

— Не ждет ли она ребенка? — спросил Мак. — В таких случаях женщины ведут себя чудно.

— Вряд ли. Я много раз спрашивал ее, в чем дело, а она только плачет и твердит, что теперь ее никто никогда не будет уважать.

— Ты, конечно, рассказал ей про этих двух свидетелей?

— Разумеется, — ответил Уэс. — Я даже пригласил их домой, но Лиа заявила, что их слова ничего не значат, потому что та женщина все равно считает, будто Лиа убила ее мужа. В Суитбрайаре все знали про грабежи Ревиса, поэтому я рассказал нескольким женщинам про то, как Лиа попала в шайку из-за того, что я был ранен, и они мне поверили. Никто в городке не питает к Лие дурных чувств, кроме той безумной старухи, но Лиа просто не хочет мне верить. Она не ходит в город, а встречается только с Кимберли, Бадом и Кэлом.

Несколько минут в лавке стояла тишина, только слышалось, как по крыше стучал дождь.

— Мне эти Хейнсы никогда не нравились, — негромко произнес Долл.

На лице Мака появилось встревоженное выражение, и он ответил не сразу:

— Думаешь, кто-то в городке платит той женщине, чтобы она продолжала рассказывать свою историю про Лию?

— Платит? За выдумки про Лию? — Уэсли был озадачен. — Кому же это могло понадобиться — внушать горожанам, что Лиа убийца?

Мак вышел из-за прилавка.

— Я знаю, ты рассказывал в городе про того Ревиса, и мне понятно, что ты это делал только ради Лии. Но мне кажется, ты многое упустил.

Уэсли стиснул зубы.

— Может, скажешь, что я упустил?

— Возможно, ты этого не знаешь, — продолжал Мак, — но года четыре назад мы, несколько человек, отправились в лес и полностью уничтожили гнездо грабителей. Все прошло... успешно, но Литл Такер и Отгис Уотерс погибли. Спустя немного времени объявилась новая шайка. Ну, только на этот раз все женщины Суитбрайара накинудись на нас, грозили, что бросят нас, если мы опять пойдем войной на разбойников. — В глазах Мака загорелся гнев. — Временами женщины в нашем городке странные, будто и не женщины вовсе.

— Раньше мне больше нравилось, когда мои женщины были не слишком покорны, — угрюмо ответил Уэсли. — Если бы мне нужна была послушная женщина, я бы женился на Кимберли.

— А Линнет понятия не имеет, что это такое — повиноваться, — сердито бросил Мак. — Порой мне кажется, что она по целым ночам не спит, придумывая, как бы сделать то, чего, по-моему, делать не должна.

— Лиа тоже так поступала, но...

— Пока вы оба не распались и не бросились домой, чтобы получить свою порцию любви, давайте-ка вернемся к этой старухе Хейнс, которая называет миссис Уэсли убийцей.

Первую часть речи Долла Мак пропустил мимо ушей.

— Хейнсы приехали сюда недавно, и у нас с ними были неприятности. Скажем, воровство и тому подобные проделки. Женщина, которая обвинила Лию, носила фамилию Хейнс до своего замужества, а теперь, оставшись вдовой, живет в их семье. — Он помолчал. — Мы здесь раздумывали, каким образом шайка постоянно пополняется людьми и почему у них регулярно появляются новые главари? Даже если вожака уничтожат, очень скоро возникает новый. Когда убили Ревиса, грабежи прекратились, но я думаю, мы, того и гляди, услышим про новые нападения. Уэсли заговорил, тщательно подбирая слова:

— Как ты объясняешь, что появлялись новые главари?

— За всеми грабежами кто-то стоит. Кто-то, кто не живет в лесу. Он-то все и замышляет.

— И кто же это? — негромко спросил Уэс.

— А я откуда знаю? — бросил Мак. — Думаешь, если бы он был известен мне, оставался бы на свободе? Долл повернулся к Уэсли.

— Мак, — размеренно произнес он. — Этот парень знает больше, чем говорит.

И он повернулся к Маку. Тот пристально смотрел на Уэсли.

— Это правда? И ты выпрашиваешь здесь, что нам известно?

— Что-то мне не приходилось слышать, что мужчины из Суитбрайара боролись с грабителями. — Уэсли начал сердиться.

— А ты думаешь, что мы, зная про беды подвергшихся нападениям, просто сидим на месте, сложа руки? Считаешь, что мы такие? В перестрелке я потерял Литла Такера, а он был одним из моих друзей.

Долл встал со стула.

— Макалистер, черт тебя возьми! Я было думал, что раз у тебя появились седые волосы, ты угомонишься, но этого не произошло. Ты остался таким же азартным, каким был всегда. Не понимаю, как эта красивая малютка Люта терпит тебя.

— Она меня терпит как надо! — закричал Мак. — Лучше, чем кое-кто другой способен терпеть тебя, старик!

— Хватит! — крикнула с порога Линнет. С ее одежды струились потоки воды. — В шуме потопа на улице слышно, как вы оба кричите. Здравствуй, Уэсли. Мы не встречались несколько недель.

Кипя от гнева, Мак вернулся за прилавок.

— Здравствуй, Линнет, — поздоровался Уэсли.

— Уэсли, — весело продолжала Линнет, — скажи, пожалуйста, что здесь происходит?

— Не знаю, должен ли я... — заговорил Уэс.

— Скажи ей, — бросил Мак. — От нее все равно ничего не скроешь.

Уэсли коротко рассказал Линнет про то, что Лиа отказывается покинуть ферму и как она страдает, а потом про то, как он попытался обелить ее имя. Затем рассказал, с чего началась ссора.

Линнет ненадолго задумалась.

— Тебе что-либо известно про грабителей? Уэсли не собирался рассказывать Маку, что Бад, Кэл и Эйб тоже были в шайке, на тот случай, если бы Миранда решила выйти замуж за Бада или Кэла.

— У них есть главарь, — негромко добавил он. — Мне только известно, что его называют Танзором.

— И ты не знаешь, кто это?

— Мне назвали имя, но это была ложь. — Уэс вовсе не намеревался сообщать Маку, что Ревис сказал ему. Мак взрывался даже из-за мелочей, а что же произойдет в этом случае?

— И что это было за имя? — спросила Линнет. — Уэсли колебался. — Поверь, за этими стенами никто ничего не узнает.

— Я сразу понял, что это обман. Когда Ревиса подстрелили, он назвал нам одно имя, но никто из нас ему не поверил. К тому же. Мак, ты провел два года в Северной Каролине. Это не мог быть ты. В лавке наступила оглушительная тишина.

— Я?! — вскричал Мак, потом на его лице появилась улыбка. Он подошел к Доллу. — Старик, ты слышал это? Полагают, что я главарь этих бандитов. Хотел бы я знать, откуда брать время для подобных дел, имея такую семью? И что же я делаю с награбленным? Миранде каждую неделю подавай новые платья, а я не в состоянии купить их ей. — Кажется, сама эта идея развеселила его.

— Странно мне, что человек, умирая, мог врать, — откликнулся Долл.

Уэсли опасался, что Мак опять начнет кричать на Долла.

— Это очень странно, — заявила Линнет. — Как тебе кажется, Девон?

— Он боялся, — решительно заявил Мак. — Может, у Ревиса есть какие-то родичи, и если бы он выдал Танцора, тот отомстил бы им.

— Я об этом не подумал, — сказал Уэсли. — Я не поверил тому, что Ревис сказал про тебя.

— Но ты все-таки расспрашивал людей и узнал, что Мак был в Северной Каролине, поэтому и не мог быть грабителем, — вставил Долл.

— Тогда почему эта Хейнс продолжает твердить, что Лиа убийца? — спросил Мак. — Да потому, что Танцор, кем бы он ни был, опасается, что Лие что-то известно. Лиа хорошо знала Ревиса? — Мак сам ответил на собственный вопрос, пока никто не успел сказать ни слова.

— Не так хорошо, как ты думаешь, — резко ответил Уэсли. — Однако... — Он спрыгнул с бочки. — Ревис мог похвастаться Танцору. Ревис был одиночкой, постоянно шатался по лесу, и никто не знал, о чем он думает. Но Лиа ему нравилась. Как я понимаю, он убил мужа Хейнс, чтобы вынудить Лию остаться с ним. Он, похоже, внушал страх большинству женщин, а Лию... обычно Лию не так легко напугать.

— Когда-то я жила в городе, — начала Линнет, где было так: если одного из жителей обвиняли в убийстве, остальные вполне могли бы его повесить. В Суитбрайаре все иначе, — объявила она с гордостью, — но даже в нашем городке людей можно довести до крайности. Некоторые из новых жителей утверждают, что ты мог заплатить двум свидетелям, чтобы они подтвердили, будто Лию вынудили участвовать в нападениях.

— Назови мне их имена, и я порву их в клочья, — заявил Уэсли и плюнул.

— Это ни к чему не приведет, — отозвался Мак. — Думаю, нам нужно выяснить, кто этот Танцор.

— Должно быть, он где-то совсем близко, а иначе не стал бы так беспокоиться из-за твоей хозяйки, — сказал Долл.

— Но как же нам выяснить, кто это такой? — спросила Линнет. — Не можем же мы просто расспрашивать об этом людей.

Мак посмотрел Уэсли в глаза.

— Есть только один путь: заставить его опять высунуться.

Смысл его слов не сразу дошел до Уэсли.

— Ты хочешь использовать мою жену как какую-то приманку? Чтобы Танцор застрелил ее? Хочешь, чтобы я поставил Лию в зависимость от фантазии грабителя и убийцы? Макалистер, этого не будет никогда.

— Никто тебя не просит... — рассерженно заговорил Мак.

— Думаю, тебе нужно спросить у Лии, — вмешалась Линнет. — Ей нужно дать возможность выбора. Сейчас она страдает, потому что ее обвинили в убийстве, и у нее нет возможности обелить себя. Если найдут настоящего преступника, только тогда она станет свободной.

— Нет, не будет этого, — твердо ответил Уэсли. — Мне все равно, пусть Лиа даже никогда не выйдет из моего дома. Я не допущу, чтобы она стала приманкой для убийцы. Если Танцор считает, что ей известно нечто, он, возможно, попытается убить ее. Я не позволю, чтобы Лиа осталась без моей защиты.

— Тогда, значит, ты вынуждаешь ее жить только наполовину, — горячо произнесла Линнет. — Танцору стоит только и дальше платить этой мерзкой женщине, чтобы она распускала слухи про Лию, и если Лиа будет сидеть дома, плакать и не станет себя защищать, скоро люди действительно поверят, что она убийца.

— Верно, — заявил Долл. — Люди скажут, что нет дыма без огня, и спустя несколько месяцев все согласятся с тем, что в поведении твоей женушки заложена какая-то причина. Начнут говорить, что она не выходит из дома, чувствуя за собой вину.

— Уэсли, — Линнет положила руку на его запястье, — ты должен поговорить об этом с Лией. Решать должна только она.

— Пока она остается моей женой...

— Куда бы ты ни уехал, эта история будет тянуться за тобой, — заявил Мак. — Уладить ее и по-настоящему защитить жену ты сможешь только одним способом, узнав, кто такой Танцор. И мне кажется, что единственный способ этого добиться, если Лиа выйдет из укрытия. Может быть, ей что-то известно, но она это не может понять. Может быть, Танцор хочет убрать ее с пути по этой причине. Может быть. Танцор живет в ста милях отсюда, а эта самая Хейнс просто хочет показать, насколько она важная персона. Кто знает? Но единственный способ узнать правду, что если Лиа выйдет из своего дома, и тогда мы увидим, как Танцор поступит.

— Сдается мне, — добавил Долл, — может, тот самый Танцор добивается еще чего-то, потому как лег ко мог уже убить твою хозяйку. А чего он достигает, выставя ее убийцей?

— Достигает свободы, — медленно ответил Уэс. — Если он взвалит вину на другого, никто его не заподозрит. Даже если он будет допускать промахи то здесь, то там, люди не заметят этого, потому что будут помнить о виновности Лии.

— Ты это запомнишь? — прошептала Линнет. Глаза Уэсли потемнели.

— Я не буду глаз с нее спускать, — негромко ответил он. Если мне придется увезти ее жить во Францию, я так и сделаю. — Если это зависит от меня, ей ничто не будет угрожать, и если хоть один из вас намекнет Лие на это, то поплатится. С этими словами он ушел.

Глава 28

Лиа неторопливо заплетала длинные волосы Кимберли.

— Я с таким нетерпением жду сегодняшние танцы, — говорила Ким. — Надену розовое шелковое платье с кружевной накидкой. Впервые за многие месяцы мне предстоит оказаться среди людей. Не считая твоего дома, конечно. Все остальное время Джон принуждает меня сидеть дома, а что ты наденешь вечером, Лиа?

Лиа повернулась к лохани с грязной посудой.

— Я никуда не пойду.

— Как не пойдешь? Лиа, ты должна пойти. Там будут все, даже Бад и Кэл. — Она засмеялась. — Как я слышала, Миранда Макалистер сшила им новые рубашки, и все умирают от нетерпения, хотят увидеть, сможет ли она танцевать одновременно с обоими. Это будет так весело! Лиа, я знаю, у тебя же есть красивые платья, поэтому тебе нет смысла оставаться дома.

— Мне запретили идти на танцы, — объяснила Лиа, сдерживая гнев.

— Запретили? — Ким изумилась. — Но кто?.. Ты хочешь сказать, что тебе запретил Уэсли?

Опустив руки в грязную воду, Лиа сжала тарелку пальцами.

— Я думала, что мне пора уже выйти из дома и встречаться с людьми, но мой муж и слышать об этом не хочет.

Казалось, Ким услышала самую невероятную историю в своей жизни.

— Но почему, Лиа? Уэсли — самый добрый, ласковый и внимательный мужчина на свете. Как он мог запретить тебе пойти на танцы?

— Не знаю. Он отказался говорить об этом. Только сказал, что не хочет, чтобы я бывала в многолюдных местах.

— А по мне, лучше быть в окружении людей, чем сидеть дома с Джоном, — произнесла Ким. — Уэсли, конечно, привел тебе какую-то причину.

Лиа повернулась к Ким, сдерживая слезы.

— Может быть, один из Стэнфордов не хочет появиться с Симмонс, обвиненной в убийстве. Возможно, моему мужу невыносима мысль о том, что людям известно, какая у него жена.

— Лиа, — прошептала Ким и обняла подругу. — Сядь, а я приготовлю тебе чаю.

Лиа послушно села, ее плечи содрогались от горя и отчаяния.

— Уэсли ведет себя не очень хорошо, — задумчиво проговорила Ким, сев за стол, и забыла про

чай. — Когда мы с тобой впервые встретились, мне было страшно пуститься в путь с одной из Симмонс. Стивен то и дело говорил про тебя ужасные вещи. Он хвастался тем, как будет... э-э-э... заниматься с тобой разными вещами, как только Уэсли отдаст тебя ему. По его словам, все женщины Симмонс любили... понимаешь... плотскую любовь. Лиа в ужасе смотрела на Ким.

— Я долгое время верила ему, — продолжала Ким. — Но ты всегда была со мной так добра, хотя остальные плохо ко мне относились, и, как я могла понять, не бросалась в объятия каждого вопреки словам Стивена. Я почти поняла Уэсли, когда он сказал, что хочет остаться твоим мужем. Но тогда я очень, очень рассердилась. — Ее голос звучал виновато.

— И что сказал Уэсли, сообщив, что хочет остаться моим мужем? — тихо спросила Лиа.

— По правде говоря, он был очень добр, хотя тогда я этого не думала. Он сказал, что ему пришлось принять непростое решение, но считает, что должен сохранить ваш брак.

— Должен, вот как? — пробормотала Лиа. — И это все?

Ким улыбнулась.

— Он сказал, что будет всегда любить меня, потому что я его первая любовь, но он должен был поступить честно, он женился на тебе и собирался блюсти свои брачные обещания.

— Стэнфорды хорошие люди, правда? — Лиа встала. — Они до глубины души верят в честь и верность. Даже если это означает мерзкий поступок, например, остаться мужем ничтожества с болот, которое ловко принудило его к браку. Разумеется, все можно уравновесить. Женщины моего круга — замечательные партнерши в постели, отличные помощницы на ферме, и если они попадают в беду, защищая одного из Стэнфордов, тогда этих женщин можно убрать с глаз долой, не разрешать им появляться на людях, а просто держать дома, чтобы они готовили, стирали и согревали его постель ночью или днем. Женщин из семьи Симмонс уговорить легко.

— Лиа, может быть, это и правда, — ответила Ким, нахмурившись. — Но когда Уэсли сказал мне, что останется твоим мужем, я поняла, что он этого хочет, хотя вовсе не обязан это делать. Уэсли бывает ужасно упрямым, он ни за что не сделает того, что не хочет.

— Да, он хотел остаться моим мужем, — гневно ответила Лиа. — А где еще он мог найти себе работницу и партнершу для постели? Один раз он вывез меня в город, чтобы познакомить с людьми, но с тех пор ни разу не позволил мне встречаться с ними. И он не хочет, чтобы сегодня на празднике у него была обуза вроде меня.

Ким была озадачена еще больше.

— Не понимаю. Мне казалось, что ты сама не хочешь появляться в городе.

— Какое-то время я в самом деле этого не хотела, но за последние две недели каждый раз, когда я говорила, что мне необходимо общаться с горожанами, Уэсли приводил мне множество причин, почему мне нужно оставаться дома. И он запретил мне идти вечером на танцы.

— А я так надеялась, что ты придешь, — сказала Ким. — Кстати, я даже принесла тебе подарок. — Она вынула из кармана маленький сверток, нечто, завернутое в кусок ткани. — Мне казалось, это будет красиво смотреться на твоём зеленом платье.

Лиа медленно развернула сверток и увидела брошь с золотой филигранью, украшенную миниатюрным портретом женщины в овале из слоновой кости.

— Кто это? — прошептала Лиа.

— Не знаю. Тебе не кажется, что это старинная вещь? И зеленое платье женщины как раз подходит к твоему. Как жаль, что вечером ты не придешь.

— Приду, — внезапно ответила Лиа, удивившись собственным словам. — Уэсли Стэнфорд может считать, что способен упрятать меня, но это не так. Он может думать, что у Симмонс вместо крови болотная грязь, но он ошибается.

— Лиа, думаю, что тебе не нужно так поступать. Временами Уэсли способен приходить в бешенство.

— Уэсли Стэнфорд даже не знает, что такое сердиться. Я не собираюсь оставаться дома до конца жизни, жалея себя. Я не участвовала в убийствах, и та женщина может до Судного дня твердить, что я виновна, но правда от этого не изменится.

— Я рада, что ты так думаешь, но Уэсли сказал же, что ты не можешь пойти, и... — Она просияла. — Может быть, если ты заплачешь и скажешь ему, что умрешь, если тебя не будет на танцах, тогда он согласится. И ты, по сути дела, не отказываешься подчиниться ему. А может быть, тебе упасть в обморок? Уэсли нравится...

Лиа сурово посмотрела на нее.

— Я не собираюсь упрашивать и, конечно же, не упаду в обморок. Нет, сначала я отправлю туда Уэсли, а потом приду сама. Мне очень хочется увидеть, какое у него при этом будет лицо.

— А мне этого не хочется, — мрачно ответила Ким. — Я бы упала замертво, если бы кто-то на меня рассердился так, как рассердится на тебя Уэсли.

— Стоит просто показать этому заносчивому человеку, что он не может удерживать меня взаперти, как будто я нечто неприличное, что нужно прятать. А ты, Ким, поможешь мне.

— Нет, Лиа, я боюсь Уэсли. — Ким побледнела.

— А мне казалось, ты говорила, что он добрый и ласковый.

— Только когда он добивается своего. Лиа, честное слово, я не смогу тебе помочь. Лиа села напротив Ким.

— От тебя требуется только послать ему вечером записку с просьбой о помощи. В последнее время Уэс постоянно опекал меня, но на твою просьбу он откликнется и поедет к вам с фермы. А пока его не будет, я отправлюсь на праздник. Можешь написать для меня другую записку для Уэса, о том, что я пошла на танцы, и я оставлю ее Уэсу. Когда он придет к вам домой, то увидит, что вас с Джоном нет, вернется сюда, найдет мою записку и, вероятно, тоже отправится на танцы. А если Уэсли не захочет туда пойти, я, может быть, попрошу кого-нибудь из соседей проводить меня домой.

— Как думаешь, Уэсли побьет тебя, когда ты вернешься домой? — спросила Ким серьезно. Ее глаза широко раскрылись. — А меня он побьет?

— Нет, конечно, нет. Полагаю, он будет в ярости, но я надеюсь доказать ему, что не опозорю его при людях. По распоряжению Николь меня научили танцевать, и одета я не так, как женщина, живущая на болоте. Может быть, когда Уэсли успокоится, то поймет, что меня не

надо прятать.

— Ах, Лиа. — Ким взялась за голову. — Я ужасно боюсь сделать это. Мне это кажется не совсем правильным. Откровенно говоря, Уэсли не ведет себя так, будто стыдится тебя; по-моему, он тебя очень любит. А ты не могла бы сама написать эти записки? Тогда бы я не была виновата. А я могу сказать, что ничего об этом не знала. Я хорошо умею обманывать. Мне это дается легко.

— Я не умею ни читать, ни писать, и если кто-то посторонний доставит ему эти записки, он окажется замешанным. К тому же вокруг нас одни мужчины. Они все займут сторону Уэсли. Кимберли, прошу тебя, пожалуйста.

Когда Ким кивнула, в ее глазах стояли слезы — слезы волнения и беспокойства.

Возвращаясь верхом на ферму, Уэсли обдумывал все, что скажет Кимберли при встрече. Что за невероятное событие вынудило ее послать ему такую взволнованную записку? Несомненно, Джон осмелился предложить ей оторвать свой пышный зад от стула и заняться делами, а она, рассердившись, послала Уэсли записку. Уэс, как глупец, кинулся вслед за ней, чтобы спасти ее, а при необходимости ударить такого доброго человека, как Джон Хэммонд, защищая Кимберли.

Однако когда Уэс приехал, в доме Хэммондов было пусто, и один из работников сказал, что Джон и Ким час назад отправились на танцы. У Уэса из головы не шло, что он оставил Лию в доме одну, без защиты — ведь прислуга не в счет. Да и кто знает, не является ли кто-то из них Танцором. Теперь он не доверял никому. Уэсли даже начал подозревать Бада и Кэла. И все же он оставил жену одну. А она бродит по дому, чувствуя себя брошенной, усталой, измученной работой, и, возможно, жертвой заговора против нее.

— Лиа! — позвал он, еще сидя в седле. Ворвавшись в дом, он промчался по комнатам, крича:

— «Лиа!»

От ощущения пустоты и тишины его сердце бешено забилося. Он выбежал на улицу, бросился во флигель, потом в курятник, продолжая звать ее.

— Где Лиа? — набросился он на одного из близнецов Макалистер.

— Я думал, она дома.

— Проклятье! — выругался Уэс, бросился в дом и тут увидел на столе листок бумаги.

"Дорогой Уэсли, Лиа не умеет читать, и хотя это она диктует мне, я скажу тебе правду. Ты поступил не очень хорошо, запретив Лие пойти на танцы. Она была сильно обижена и рассердилась на тебя. Поэтому она попросила меня написать от ее имени две записки, чтобы она могла сходить на праздник. Уэсли, я не виновата. Пожалуйста, не сердись на меня.

С любовью Кимберли

P.S. Лиа очень приятный человек, а совсем не противная женщина с болота. Прошу тебя, не бей ее "

— Не бить ее?! — воскликнул Уэсли. — Господи, до чего женщины глупы. Лиа, я избью тебя как следует. Если только ты еще жива, — прошептал он.

Смяв записку, он выбежал из дома, вскочил на лошадь и галопом помчался в город.

Лиа стала волноваться, когда приехала в лавку Макалистера, где шли танцы. Приехать одной, без сопровождения, казалось ей не очень подходящим.

— Лиа! — На улице стоял Джастин Старк, который подбежал к ней и помог слезть с лошади. — А где твой муж, который прячет тебя от нас? Он, как видно, глаз с тебя не спускал?

— Уэсли... У него кое-какие дела. Если он их закончит, то приедет позже. — Говоря это, Лиа отвела глаза. Джастин взял ее под руку.

— Не буду это оспаривать. Так, Уэс в проигрыше, а мы в выигрыше. Идем танцевать с нами, и пусть все увидят, что на мою руку опирается самая красивая девушка штата.

Внутри лавки место было расчищено, и, судя по всему; здесь горели лампы со всего городка. В углу просторного помещения сидели четыре скрипача, а вдоль одной стены стоял невероятно длинный стол, заставленный закусками.

— Мне следовало что-нибудь принести, — пролепетала Лиа.

— Достаточно вас самой, моя красавица.

— Лиа! — воскликнула Кимберли за ее спиной. — Ты пришла. А Уэсли?..

— Прости нас, — попросила Лиа, обращаясь к Джастину, и увлекла Ким в угол.

— Ты видела Уэсли? Что он сказал? Он действительно рассердился?

— Кимберли, ты пила спиртное? — спросила Лиа, растягивая слова и принохиваясь.

— Совсем немного. Такой пустяк, даже говорить не о чем. Отец Джастина готовит замечательный напиток, и мне хватило одного глотка, чтобы я успокоилась. Я так волновалась, а Джон почти не разговаривает со мной. Тебе не кажется, что Джастин сегодня выглядит красивым? Но и остальные мужчины тоже. Все мужчины выглядят замечательно, кроме моего мужа.

— Кимберли, прошу тебя, немедленно съешь что-нибудь и, ради Бога, помолчи!

Лиа решительно увлекла Ким к столам.

— Лиа! — позвала Линнет Макалистер, глядя на Лию так, как будто видит привидение. — Я думала, что вы не придете.

— Какое красивое платье, — сказала Агнес Эмерсон. — Это портрет вашей матери? — спросила она, показывая на надетую Лией брошь.

— Это подарок одной подруги. Можно мне взять еды для Ким? А кто-нибудь пусть присмотрит, чтобы она все съела. Мне нужно сказать Доллу Старку несколько слов.

Агнес бросила всего один взгляд на Ким и сразу все поняла.

— Надеюсь, вы скажете Доллу несколько слов и от моего имени, — крикнула она вслед Лие.

Долл сидел на своем привычном месте перед камином, только сейчас его стул был повернут так, что он сидел лицом к танцующим. Сидевший рядом с ним Лестер Сори толкнул его, увидев приближающуюся Лию.

— Да, мэм, — спросил Долл. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я прошу вас больше не давать Кимберли Хэммонд то, чем вы ее угостили.

— Эта крошка и вправду умеет пить, — ответил он удивленно. — Я уж было решил, что она выпьет весь кувшин.

Лиа сердито смотрела на него.

— А где ваш муж? — спросил Долл. — Я думал, что он не отпустит вас на это сборище.

Лиа упорно продолжала молча смотреть на него.

— Ладно, — грустно ответил Долл. — Больше я ей не дам. Вообще-то мне совестно. Эта крошка способна выпить немало.

— Миссис Стэнфорд!

Обернувшись, Лиа увидела Джона Хэммонда. Это был привлекательный мужчина с великолепными седыми волосами.

— Могу я пригласить вас па танец? Убедившись в том, что Ким села и принялась есть, Лиа взяла Джона за руку.

Уроки танцев не смогли должным образом подготовить ее к энергичным сельским танцам, и когда танец кончился, она обмахивалась рукой.

— Не выйти ли нам подышать? — пригласил Джон, и глаза его засверкали.

— Да, не откажусь, — смеясь, ответила Лиа. В небе сверкали звезды, прохладный ночной воздух благоухал ароматом растений, и Лиа была счастлива, что пришла на танцы. Подумать только, Уэсли запретил ей приходить сюда!

— Хотел бы я знать, о чем вы думаете.

В ответ она улыбнулась.

— Я думала о том, что счастлива быть здесь.

— И я тоже, — серьезным тоном ответил Джон. — Я уже давно хотел поговорить с вами. Вообще-то хотел просить вашего совета. Дело в том, что Кимберли крайне несчастлива, но я совершенно не понимаю причины этого и не знаю, как сделать ее счастливой. По мере сил я пытался быть терпеливым. Когда я прихожу домой с поля, ужин не готов, и мне потребовались недели, чтобы научить ее жарить на завтрак яичницу. Я делал все, пытаюсь быть снисходительным к ней, понимая, что она не привыкла выполнять такую тяжелую работу. Но что бы я ни делал, она все равно меня сторонится. Миссис Стэнфорд, поверьте, я люблю жену, и если бы у меня была возможность нанять слуг, я бы с радостью это сделал. Но мне это не по средствам. Я знаю, что вы подружки, и мне пришло в голову, вдруг она поделилась с вами? Вы не

могли бы мне помочь?

Ли́а не была в этом уверена, но ей показалось, что в его глазах стояли слезы.

«Будь ты проклята, Кимберли!» — подумала она.

Из-за ее лени глубоко страдает этот добрый человек.

— Она мало что рассказывала мне, — солгала Ли́а.

— Мне могла бы помочь любая мелочь, — в отчаянии произнес Джон. — Она не хочет со мной разговаривать, и если бы я твердо знал, на что она жалуется, может быть, я бы все уладил. Мне очень хочется, чтобы она была счастлива.

— Думаю, в целом брак дается ей тяжело, — задумчиво ответила Ли́а. — Она не очень любит работать.

— Вы очень добры. — Джон улыбнулся. — Но не жалуется ли она на что-то... определенное в нашей жизни?

— Джон, мне действительно хотелось бы вам помочь, — сказала Ли́а, касаясь его руки. — Кимберли моя подруга, но я понимаю, что жить с ней нелегко. Я поговорю с ней и попытаюсь по возможности что-либо выяснить. Мне хочется, чтобы вы оба были счастливы.

— Попробуйте убедить Кимберли, что я люблю ее, — взмолился Джон.

— Я это сделаю. А теперь пойдем назад. Улыбнувшись, Джон предложил ей свою руку. — За этот вечер вы, должно быть, слышали уже не раз, как вы прекрасны. Зеленый цвет так подходит к вашим глазам. Миниатюра на броши — это случайно не ваша мать?

Ли́а усмехнулась, думая о том, что ее мать за всю свою жизнь ни разу не надевала шелковое платье.

— По правде говоря, эту брошь подарила мне Кимберли. Может быть, это портрет кого-то из членов ее семьи.

— Ах, да. Должно быть, я уже видел эту брошь раньше и забыл о ней. Очень хорошо, что она сделала вам подарок, не так ли? Может быть, она расскажет вам про женщину с портрета, а вы перескажете мне. Кажется, единственный способ узнать что-либо про мою собственную жену — через третье лицо.

Ли́а всем сердцем потянулась к нему. Она уже решила, что Кимберли заслуживает взбучки за то, что так плохо обращается с этим приятным человеком.

— Простите, — сказала она, вошла в зал и решительно направилась к Ким.

— Ты разговаривала с Джоном, — сердито заметила Ким, когда Ли́а еще не успела сказать ни слова. — Он спрашивал про меня?

— Да. Бедняга упорно работает, чтобы сделать тебя счастливой, а ты плохо относишься к нему.

— Ли́а... — заговорила Кимберли, но внезапно к ней приблизился Джон, протягивая руку.

— Потанцуй со мной? — спросил он, и в голосе его звучала ласка.

Краска сошла с лица Ким.

— Да, — прошептала она и взяла его за руку. На глазах Лии они влились в круг танцоров, но каждый раз, когда Ким сходилась с Джоном, ее лицо все больше мрачнело, и к концу танца Ким перестала улыбаться.

— Ты не можешь простоять весь вечер у стены, — раздался из-за спины Лии голос Джастина. — Того и жди, в любую минуту в дверь с ревом ворвется твой муж и уведет тебя.

— Боюсь, что и я этого жду. Как ты думаешь, не могли бы мы поесть вместо того, чтобы танцевать? Пожалуй, танцев уже достаточно.

— Связано ли это с Джоном и Ким? Ты уже давно с беспокойством поглядываешь на них.

— Я не люблю, когда люди несчастны. Джастин фыркнул.

— Ким любого сделает несчастным. Я жалею Джона, которому приходится с ней жить. Ой, ой. Кажется, сюда ворвалась буря.

Подобно урагану, к ним двигался Уэсли: его рабочая рубашка из бумазеи промокла от пота, волосы облепили лицо.

Глава 29

— Идем, — процедил Уэсли сквозь зубы, и его пальцы впились в предплечье Лии.

— Прости меня, — учтиво сказала Лиа, обращаясь к Джастину, и тут Уэсли дернул ее за руку.

Пока они шли к выходу через зал, Лиа пыталась улыбаться и раскланиваться с людьми, держалась так, как будто просто хочет выйти с мужем на улицу, и он не тащит ее силком. Но когда они вышли из лавки, его бешенство достигло предела.

Как только они оказались на улице, Уэсли приказал:

— Садись на мою лошадь.

— Чтобы ты смог спасти остатки своей репутации? Вот что я тебе скажу, Уэсли Стэнфорд! Все уже видели меня, и им известно, что у Его Величества мистера Стэнфорда с чудесной плантации Стэнфордов жена происходит с болот Виргинии. И знаешь что? Ни у кого это не вызвало отвращения, ни один из них не вытер руки, коснувшись такого недостойного существа, как я.

— Лиа, ты сошла с ума? Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том, что это такое — носить фамилию Симмонс. Я говорю о том, что ты стыдишься меня и не хочешь показывать людям.

— Не хочу... — Он покачал головой. — Все равно я не понимаю тебя, но давай поедем домой и все обсудим.

Она отпрянула.

— Поедем домой и, конечно, ляжем в твою постель?

— Я бы не возражал, — ответил он с улыбкой.

— Ах ты!.. — Ее рука сжалась в кулак и ударила Уэсли в живот. Он не шелохнулся.

— Да что за муха тебя укусила?

— Ты запретил мне пойти в город на танцы, потому что, как тебе кажется, меня нужно держать на цепи возле твоей кровати и кухни, и ты еще спрашиваешь, что стряслось? Ты, может быть, думаешь, что только у богатых есть чувства, но поверь, и у меня есть гордость, хотя я из рода Симмонс.

— Что за женщина! — вполголоса произнес Уэс. — Лиа, я тебя не стыжусь. Не знаю, откуда взялась эта нелепая мысль. Ты красавица, и сегодня ты здесь самая прелестная женщина, но именно сейчас я не хочу, чтобы вокруг тебя было много людей.

— Потому что я не умею себя вести? Потому что я могу не оправдать имя Стэнфорд?

— Господи Боже мой! Это и твое имя тоже. Хотелось бы мне хоть раз в жизни по-настоящему понять женщин. Хотя бы одну из них. Лиа, прошу, давай прямо сейчас уедем домой.

— Почему? — сердито спросила она. — Почему ты хочешь спрятать меня?

— Я не хочу прятать тебя... Хотя, может быть, и хочу. — Нежно улыбаясь, он приблизился к ней. — Дома я могу устроить для нас собственный праздник.

— Я уйду с тобой только в том случае, если ты понесешь меня, я стану отбиваться и кричать, а это еще больше опорочит твое доброе имя.

Уэсли на секунду отвернулся, а когда посмотрел на Лию, на его лице отразилось смутение.

— Лиа, честное слово, никак не пойму, что тебя так огорчило. Я же просил тебя не ходить на танцы не из-за того, что стыжусь тебя, не из-за того, что боюсь, если нас увидят вместе. Совсем не так. Я ничего так не хочу, как появиться под руку с тобой. Но именно сейчас есть причины, по которым тебе было бы лучше остаться дома, где рядом буду я.

— Какие причины?

— Я не могу их назвать, но хотя бы в этом случае ты должна мне довериться.

— Я не собираюсь гадать, почему ты хочешь, чтобы я вернулась домой вместе с тобой. Я знаю эти причины. — Она злобно улыбнулась. — Ты говорил, что тебе ненавистна сама мысль о браке с такой, как я.

— Я это сказал? — воскликнул Уэс. — Когда?

— Ты говорил об этом своему брату Тревису, и мы с Риган слышали тебя.

Тут на улицу вышли два разгоряченных танцора, поэтому Уэс схватил Лию за руку, увлек в тень и с силой удерживал ее.

— Ладно, дикий котенок, теперь слушай меня. Во-первых, мне надоело слышать от тебя, что я — самый большой сноб нашего времени. Это ты сноб. Тебя заботит происхождение человека больше, чем это когда-либо интересовало меня. Да, я сказал Тревису, что мне претит быть твоим мужем, но вовсе не из-за того, что жизнь с низкородной Симмонс казалась мне

невыносимой.

— Ах! — Лиа отвернулась было от него, но Уэс опять повернул ее к себе.

— Мне нужна была женщина, которая нуждалась бы во мне. Насколько я мог понять, Кимберли нуждалась во мне так, как ни в ком другом. И вот я добивался такой, как Ким, а вместо этого мне досталась та, кто может вести дела на ферме, растить детей, иметь дело с безумным отцом. Мне, Лиа, казалось, что тебе никто не был нужен. Рядом с тобой я ощущал свою никчемность.

— Я? — прошептала она. — Как мог ты ощущать свою никчемность?

Кончиком носа он прижался к ее носу.

— Потому что ты ни разу не просила меня даже о какой-нибудь малости, — с чувством ответил он. — Ты связалась с грабителями и даже ни разу не сказала мне об этом. А помнишь, как на прошлой неделе стала разваливаться каминная труба? Ты сама ее поправила. Я бы и не узнал об этом, если бы Оливер не увидел, как, стоя на лестнице, ты укладывала кирпичи. Ты даже смогла одолеть ту противную женщину, на которой я женился, и превратить ее в красавицу, какой теперь стала. — Помолчав, он откинул волосы с ее лица. — Мне потребовалось много времени, чтобы понять: я нужен тебе гораздо больше, чем во мне нуждалась Кимберли. Она всегда упадет так, что не ушибется, но ты, моя милая жена, способна попасть в беду, даже отправляясь в пристройку к дому. Лиа попыталась осознать смысл этих слов.

— Но Ким — леди, а я...

— А ты — моя жена, и, как я сказал тебе, теперь ты член семьи Стэнфорд, поэтому раз я член королевской семьи, то и ты тоже.

Она отстранилась.

— Но если ты меня не стыдишься, почему тебе не хочется, чтобы нас видели на танцах вместе, почему ты хочешь скрывать меня на нашей ферме?

Меньше всего Уэсли хотелось рассказывать Лие о том, что против нее могли замыслить что-то плохое. Можно не сомневаться, что, если он расскажет ей, Лиа не заснет, пока не придумает, как бы ей оказаться в центре событий.

— Ты должна мне поверить. Ты должна верить в то, что я желаю тебе только добра.

Освещенная лунным светом, Лиа отошла в сторону. Все, сказанное Уэсли о Кимберли — что она нуждалась в нем, — было абсолютно верно. В сущности, Ким даже намекала на это. Она чувствовала, что Уэсли приятны ее обмороки, что ему хочется, чтобы она была беспомощной и чтобы Ким подчинялась ему. Однако Лиа делала только то, что было для нее естественным. Возможно ли, что и другие рядом с ней тоже ощущают свою никчемность?

Уэсли не говорил о любви, но любовь, должно быть, была совсем рядом, раз он не презирал ее за то, что она Симмонс. Поистине смешно то, что Лиа столь усердно старалась не быть обузой для Уэса. Когда труба стала осыпаться, сначала она растерялась и расплакалась. Потом, преисполнившись решимости, сама привела ее в порядок, и только по одной причине — ей не хотелось, чтобы Уэсли считал ее беспомощной.

Она повернулась к нему.

— Если я упаду в обморок ради тебя, ты подхватишь меня на руки и унесешь в свою постель?

Выражение лица Уэсли вознаградило ее за эту шутку. Он молча подошел к ней, взял ее на руки и крепко прижал к себе.

— Временами я сам удивляюсь тому, как сильно полюбил тебя, Лиа, — прошептал он. — Жаль только, что ты так часто кричишь на меня.

Первым побуждением Лии было вырваться из его рук. Ей хотелось увидеть его глаза — ведь он впервые сказал, что любит ее. Но вместо этого она прижалась к нему.

— Может, теперь, зная, что ты меня любишь, я не буду сердиться так часто.

Он подошел к лошади и опустил Лию в седло.

— Я уже не раз говорил тебе это. Теперь тебе пора запомнить мои слова.

Меньше всего Лие хотелось начинать новую ссору.

— Кажется, я почему-то этого ни разу не слышала. Ой, Уэс! — воскликнула она, когда он вскочил в седло позади нее. — Мне нужно взять накидку.

— Я заберу ее завтра, когда приеду за твоей лошастью.

— Ради Бога, нет! Клей заплатил за нее целое состояние. Ее привезли из-за океана. Я вернусь через минуту.

— Оставайся здесь, — попросил он, глядя на нее сверху вниз. — Я пойду сам. Лиа засмеялась.

— Не можешь оставить меня без присмотра?

— Что-то вроде этого, — ответил Уэс серьезно. Лиа спокойно стояла возле лавки и ждала возвращения мужа. Ей было нелегко думать о том, что она должна доверяться ему, но у него, видимо, была причина просить ее не ходить на танцы. Причина могла заключаться в том, что он ревновал. Это открытие доставило Лие радость. Если он действительно любит ее, понятно, он будет ревновать. Конечно же, ведь Лиа ревновала Уэса к Кимберли.

Внезапно она вспомнила, что видела на Коринне Старк накидку, очень похожую на свою. Уэсли сам ни за что не найдет нужную.

В ярко освещенной лавке все танцевали и смеялись. Ким стояла возле стены, опустив глаза, а рядом с ней стоял ее муж Джон.

Пока Лиа разглядывала зал, музыка смолкла, развеселившиеся танцоры остановились. И тут в относительной тишине раздался женский крик. Когда Лиа повернулась, то увидела, как незнакомая женщина показывала на нее пальцем.

— Эта брошь моей тети! — визжала женщина. — Вы ее украли!

— Нет, — прошептала она и в испуге поднесла руку к груди: кошмар повторился.

Уэс тут же оказался возле жены, защищая, обнял ее и вывел на улицу.

— Лиа, — прошептал он, когда они вышли из лавки. — Джастин отвезет тебя домой. Я останусь

здесь и посмотрю, что смогу сделать. Ты меня поняла?

Оцепенев, Лиа кивнула, а тем временем Уэс поручил Джастину охранять ее.

— Береги ее, — попросил Уэс. — Как только смогу, я сразу дам вам знать. Но сейчас мне хочется раз и навсегда положить этому конец.

Он резко вскинул голову, когда на улицу вышли Кимберли и Джон. Ким тихо плакала.

— Вперед, уезжайте, — поторопил Уэс.

По пути домой на ферму Лиа была в прострации.

Только когда Джастин снял ее с лошади и повел в дом, она почувствовала озноб.

Джастин подвел ее к стулу и обнял.

— Родная, все будет хорошо. Уэсли выяснит, что происходит. Никто не поверит, что ты украла эту брошь.

Лиа не могла плакать, охваченная ужасом, и прижалась к Джастину.

— Лиа, откуда у тебя эта брошь? — спросил он, поглаживая ее руку. — Лиа! — позвал он, не слыша ответа. — Откуда у тебя это украшение?

— Ее дала мне Кимберли, — прошептала Лиа.

— Да будь она проклята, эта самовлюбленная сучка! — прорычал он, усадил Лию на стул и принялся расхаживать по комнате. — Могу допустить, что она, связана с грабителями. У нее принципы продажной девки. Прости меня, Лиа, но это так. Она продаст себя или любого другого, чтобы добиться своего. Думаешь, Джон понимает, на ком женился? Бедняга, он, должно быть, считал, что в ее изящном тельце живет женщина. Лиа! — Он опустился перед ней на колени. — Я попробую что-нибудь выяснить у нее. Может быть, вместе с Джоном я смогу внушить ей хоть немного разума. Уэс должен скоро вернуться, как только поговорит с той женщиной. Оливер сейчас в амбаре. Как думаешь, ты можешь остаться одна?

Лиа растерянно кивнула. Ей хотелось остаться одной. Ей не хотелось, чтобы кто-либо еще был свидетелем ее позора.

Он поцеловал ее в лоб.

— Оставайся дома и дождись Уэса. Обещаешь никуда не уходить?

Она опять кивнула, и Джастин ушел. Лиа не представляла себе, сколько времени просидела в комнате, потому что теперь все утратило смысл. Вдруг возникла мысль о том, что нужно вычистить камин. Солнце уже вставало, когда она с трудом поднялась со стула и принялась за грязную работу, убирая вокруг очага, пытаясь отчистить коготь внутри камина, насколько могла дотянуться.

Внезапно за ее спиной распахнулась дверь. Лиа, сохраняя полное равнодушие, медленно повернулась и увидела Ким. Ее глаза сияли, волосы рассыпались по плечам, а на муслиновом платье красовались пятна от травы.

— Лиа! — Еще не отдышавшись, крикнула Ким. — Как это было замечательно, просто чудесно!

В жизни мне еще не было так хорошо. Что это ты делаешь? Лиа, посмотри на себя! Ты совершенно испортила свое чудесное платье.

Ким направилась к ней, но, приблизившись к Лие, отступила на шаг.

— Пожалуй, я не буду тебя касаться. Подожди, сними платье. А пока ты будешь умываться, я расскажу о самом замечательном вечере в моей жизни.

Кимберли принесла Лие холодной воды, чтобы та могла умыться. Дров не было, поэтому она не собиралась разжигать камин.

— Помой и уши, — скомандовала Ким, пока Лиа стояла в нижнем белье. — Как нелепо, что ты испортила свое платье. Ладно, хватит об этом. Лиа, — торжественно продолжала она:

— Мы с Джасстином ночью занимались любовью.

Только сейчас смысл ее слов стал доходить до Лии. Она перестала умываться.

— Вы с Джасстином?

— Правда, в это трудно поверить? Мне казалось, что с самой первой встречи Джастин меня ненавидит. Обычно мужчины не относятся ко мне с ненавистью, но Джастин вел себя именно так, и ночью он был просто в бешенстве. Но потом... Лиа, это было совершенно божественно.

— Ким, расскажи мне все с самого начала, — попросила Лиа. — Откуда у тебя брошь, которую ты мне подарила?

— Ах, вот ты о чем, — со вздохом ответила Ким. — Думаю, все началось задолго до этой ночи.

— У нас впереди целый день, — решительно ответила Лиа. — Ты будешь завтракать?

— Завтракать? Пожалуй. Хотя уже перевалило за полдень, но от любви просыпается аппетит.

Спустя некоторое время Лиа, умывшись и одевшись, принялась готовить.

— Начинай, — приказала она.

— Думаю, все началось со Стивена. Он говорил, что существуют два рода женщин: дамы, которым это не доставляет радости, и женщины, которым это доставляет радость.

— Ким, почему ты ничего не говоришь про брошь?

— Я расскажу, но все это связано воедино. Лиа, поклянись, что не возненавидишь меня, когда я все расскажу. Ты моя самая лучшая подруга, и некоторые из моих поступков...

— Клянусь, что не буду тебя ненавидеть, но только не тяни с рассказом.

— Как я уже сказала, Стивен внушил мне, что леди должны всегда достойно вести себя, поэтому когда мы с Уэсли полюбили друг друга — а я действительно любила его, — я никогда не позволяла ему слишком много целовать меня. Понимаешь, мне очень нравились поцелуи Уэсли, но я боялась показать, что мне это по вкусу, иначе он бы решил, что я не леди и не женился бы на мне. Лиа, иногда мне бывало так трудно оттолкнуть его. Уэсли так замечательно целует. Его поцелуи...

— Нельзя ли эту часть событий опустить?

— Пожалуй, можно. Лиа, эта часть событий мне не нравится. Когда Уэсли сказал мне, что останется твоим мужем, я ужасно рассердилась. Я просто пришла в ярость. Мне это казалось таким несправедливым, потому что я всегда сдерживалась и вела себя как леди, а вы с Уэсли по ночам украдкой уходили и относили съестные припасы; да, да, мне это было известно. А еще вы барахтались в луже. Ты вовсе не была дамой, но завоевала сердце мужчины. — Помолчав, она с мольбой посмотрела на Лию. — Я так рассердилась, что вонзила в лошадь шляпную булавку, и фургон скатился с холма. Я думала, что ты внутри. Господи, Лиа! — зарыдала она, спрятав лицо в ладони. — Я так ненавидела тебя, что готова была убить. Лиа обняла Ким за плечи.

— Мне понадобилось выйти из фургона, поэтому я и не пострадала. Может быть, на твоём месте я бы тоже так поступила. А теперь ешь яйца и рассказывай, что случилось потом.

— Джон Хэммонд видел, как я вонзила булавку в круп лошади, и когда я упала в обморок — а я в первый и последний раз в жизни по-настоящему потеряла сознание, — он пообещал, что никому об этом не скажет. Но позже... — Она отпила большой глоток молока. — Лиа, это действительно ужасный человек. Он пообещал рассказать всем, что я сделала, если я не выйду за него замуж.

— Он тебя шантажировал? — Поразившись, Лиа села за стол напротив Ким. — Но почему? Зачем ему нужно было принуждать тебя к замужеству? Он должен был понимать, что ты возненавидишь его.

— Я много раз думала об этом. Мне было не по душе то, что он меня вынудил стать его женой. И я всеми силами пыталась добиться, чтобы он об этом пожалел. — Глядя на кусок намазанного маслом хлеба, она улыбнулась. — Лиа, хочешь узнать один секрет? Я умею готовить. Я ни разу не сказала об этом Уэсли, потому что Стивен говорил, что настоящая леди не готовит, а когда мы ехали сюда, тебе, по-моему, всегда хотелось самой выполнять всю работу.

— Из-за меня ты ощущала свою никчемность? — тихо спросила Лиа.

— Вероятно, рядом с тобой и полдюжины человек решат, что они бесполезны, но так или иначе: чтобы досадить Джону, я отказывалась вообще что-либо делать. По ночам он вел себя... весьма неприятно, и я, в сущности, ничего не знала о том, как занимаются любовью, пока Джастин...

— Так что с этой брошью? Разве это менее важно, чем Джастин?

— Ах, да. Жизнь в доме Джона была тоскливой, он целыми днями пропадал, а поскольку я вообще отказывалась заниматься делами, мне нужно было чем-либо занять себя. Ну а у Джона есть кабинет, который всегда заперт. И сразу после нашей свадьбы он сказал, чтобы я никогда, ни за что не заходила туда.

— И ты, конечно, пошла туда, — с улыбкой добавила Лиа.

— Я ходила каждый день. Для меня это не имело значения, мне было все равно, застанет он меня там или нет, потому что я уже поклялась быть с ним до конца жизни, так что же могло со мной случиться хуже этого? Мне пришлось немного поискать, но я нашла ключ и каждый день обыскивала комнату, а ключ потом возвращала на место.

— Что же ты искала?

— То, что было у него спрятано и что он не хотел мне показать. Я не могла ничего найти до тех пор, пока не обнаружила его потайную комнату.

— Потайную?

— За шкафом с книгами. Мне удалось его отодвинуть. Так вот, в комнате спрятаны разные хорошенькие вещицы: украшения, красивые коробочки и кое-какие, книги. Я ужасно рассердилась, решив, что он прячет их, чтобы не делиться с женой.

— Ты так решила, а теперь думаешь иначе?

— Лиа, я не могла надеть эти драгоценности, но решила, что их сможет надеть кто-либо другой. Джон не стал бы кричать на посторонних так, как кричал и;', меня. К тому же ты так ловко умеешь давать отпор мужчинам. Ты все время командуешь Уэсли. Лиа, я никогда не могла понять, почему так. Ты говорила ему ужасные вещи, а я всегда держалась с ним ласково, и все же ему захотелось остаться с тобой.

— Так что с этой брошью? — повторила Лиа.

— Я решила, что на миниатюре одна из родственниц Джона, и мне показалось, что она будет красиво смотреться на твоём зеленом платье, и так оно и было, пока ты его не испортила, копаясь в саже. Ну хорошо! — Она запнулась, видя, как глаза Лии сузились. — А потом та глупая женщина стала кричать, что ты украла брошь Джона. Джон схватил меня за руку, наговорил грубостей и увел с танцев. Лиа, я так испугалась.

— Что было потом?

— По пути домой Джон со мной не разговаривал, а дома запер в кабинете, и я услышала, как он куда-то ускакал. — В глазах Ким появилось мечтательное выражение. — И тогда Джастин пришел спасти меня.

— Спасти? — переспросила Лиа. — А разве он на тебя не сердился?

— Да, Господи, конечно. Он был в ярости! Он кричал на меня и обзывал ужасными словами. Раньше я понимала, что он не слишком любит меня, но не представляла себе, что так меня презирает. Когда он кричал на меня, и один раз даже схватил руками за горло, я решила показать ему книжный шкаф, за которым находится потайная комната. Потребовалось немало времени, чтобы он выслушал меня, но в конце концов он помог отодвинуть книжный шкаф.

— И Джастин увидел все спрятанное в нем?

— Мало того. Когда мы были там, домой вернулся Джон.

— Кимберли, а где сейчас Джастин?

— Сейчас расскажу. Понимаешь, у Джастина не было ключей, а во всех дверях в нашем доме замки, совсем не так, как в вашем. А Джон запер все двери на ключ. Поэтому Джастину пришлось выбить окно и дверь кабинета, чтобы пробраться ко мне. Мы с Джестином спрятались в потайной комнате, обнявшись... — Ким вздохнула. — И были там, пока Джон ходил по дому. Когда мы услышали, что он вышел на улицу и ускакал, Джастин предложил выбраться из укрытия. Мы вышли из дома, пошли далеко в лес, уже стемнело, а Джастин

хотел, чтобы я рассказала ему все о том, что спрятано в шкафу, потому что он не смог ничего увидеть. Когда вернулся Джон, нам пришлось задвинуть шкаф с книгами. И вот... — она перевела дыхание, — я все это рассказывала, а Джастин внезапно пришел в сильное возбуждение и начал меня целовать. Я до того устала сдерживаться с Уэсли и даже с Джоном, что не стала ему противиться, и тут вдруг поняла, что мы занялись любовью. Лиа, это было так... так чудесно. Я никогда не думала...

— А что ты сказала такого, после чего Джастин поцеловал тебя?

— Совсем обыденную вещь. Что же это было? Ах, да. Вчера во время танцев Джон сказал, что он плохо танцует, а я рассказала Джастину, что это не правда, потому что нашла в шкафу документ, где говорилось, что он был учителем танцев в Сент-Луисе.

— Кимберли, — прошептала Лиа. — А где сейчас Джастин?

— Он сказал, что видел Уэса, который отправился в Лексингтон, чтобы выяснить что-нибудь у женщины, которой раньше принадлежала эта брошь, и Джастин поручил мне пойти к тебе и приказал нам оставаться дома с Бадом и Кэлом, а сам Джастин хотел дождаться возвращения Джона.

— Кимберли, — проговорила Лиа, собрав всю свою решимость. — Думаю, Джастину может угрожать опасность.

— Вероятно. — Ким улыбнулась. — Джон очень рассердится, узнав, что я от него уйду, но ведь теперь Джастин меня любит... Я же рассказала тебе, что Джастин сказал, как он меня любит? Он сказал это так истово! Это звучало так: «Кимберли, да поможет мне Бог, кажется, я люблю вас». Правда, это мило?

— Вставай, Кимберли, — скомандовала Лиа. — Оставь посуду на месте. Мы позовем Бада и Кэла, а потом попробуем помочь Джастину. Подожди! Нужно оставить записку для Уэсли.

— О нет! Я писать ее не буду, — воскликнула Ким, отступая. — Джастин заставил меня рассказать все о моем последнем письме Уэсу, и тогда он сказал, что Уэсли не пускает тебя на танцы, чтобы защитить тебя. Если бы ты не вынудила меня позвать его, ничего бы из-за этой брошки не случилось.

Лиа подошла к ней.

— Если бы ты не попыталась убить меня, тебе бы не пришлось выйти замуж за Джона. И не будь ты так любопытна, ты бы не нашла тайник Танцора. И если бы ты...

— Я поняла, Лиа. — Лицо Ким просияло. — Если бы ничего из этого не произошло, я бы не узнала, что Джастин любит меня, и мы бы не провели эту ночь вместе. Быть женой такого, как Джастин, — это, должно быть, необыкновенно.

— Ты потом расскажешь мне об этом, — отозвалась Лиа, доставая из ящика бумагу, перо и чернила. — А теперь пиши то, что я продиктую.

«Дорогой Уэсли, надеюсь, это письмо рассердит тебя меньше, чем предыдущее, но на этот раз я ни в чем не виновата, потому что даже не знаю, о чем говорит Лиа. Она просила сообщить тебе, что мой муж Джон раньше был учителем танцев, и что Джастин, которого я теперь люблю, все знает. И поскольку ты не дома, мы с Лией попросим Бада и

Кэла помочь нам, прежде чем мы отправимся к Джону и Джастину. Думаю, если бы я понимала смысл написанного, то испугалась бы. Надеюсь, твоя поездка в Лексингтон прошла успешно. Искренне твоя Кимберли».

— Ты написала о том, что я собираюсь просить о помощи? Это написано здесь, — ответила Ким, показывая рукой. — Лиа, а что мы будем делать, если Бада и Кэла не окажется дома?

— Джастину нужна помощь, — упрямо ответила Лиа.

Ким с трудом сглотнула комок.

— Я боялась, что именно это ты и скажешь.

Глава 30

Девон Макалистер помог жене слезть с лошади.

— Есть кто дома? — крикнул он в дверь опустевшего дома.

— Уэсли сказал, что Лиа будет здесь, а Джастин присмотрит за ней, — сказала Линнет. — Думаешь, ничего не случилось?

— Что-то случилось, — ответил Мак, глядя по сторонам. — Здесь слишком тихо, и с чего это корова так ревет? Линна, оставайся на месте, а я узнаю, что происходит.

Увидев, что Девон направился в коровник, Линнет вошла в дом. На столе стояли грязные тарелки, все выглядело так, будто хозяева ушли в спешке. Но никаких следов борьбы не было видно. Выходя из дома, она заметила на столе край записки, прикрытой тарелкой.

В дом ворвался Мак.

— Я же просил тебя ждать на улице! — закричал он. — Здесь никого. Коров еще не доили, остальных животных надо кормить. Что это у тебя?

— Думаю, Лиа и Кимберли попали в беду, — прошептала она и прочитала вслух записку Кимберли.

— Значит, Танцор — это Джон Хэммонд, — задумчиво проговорил Мак.

— Девон, — негромко позвала Линнет. — Бад и Кэл должны были прийти к нам в гости. Их не будет дома, когда Лиа и Ким вернутся.

— Не сомневаюсь, что эти две женщины в одиночку не бросятся за таким, как Танцор, — неуверенно произнес Мак, но не дал жене времени на ответ. — Садись на лошадь и как можно быстрее скачи в город. Пошли кого-нибудь искать Уэса и еще кого-нибудь сюда, чтобы охранять этот дом. А сама... — с угрозой продолжал он, — оставайся в Суитбрайаре. Мне совсем не нравится то, что творится.

— Девон, — заговорила Линнет. — Может быть, стоит позвать людей тебе в помощь, прежде чем ты?..

— Нет времени, — только и ответил он, быстро поцеловал ее и выбежал на улицу.

Когда Ким и Лиа добрались до дома Хэммонда, уже начало темнеть.

— Думаешь, нужно действовать в одиночку? — прошептала Ким, когда Лиа спрыгнула с лошади подальше от дома. — Джастин производит впечатление ужасно сильного и смелого человека. И, я думаю, он знает, что ему предстоит.

— Слезай" и помолчи; я ведь действую не в одиночку. Я попросила о помощи, — с вызовом ответила Лиа. — К тому же со мной ты.

— Вряд ли это то же самое, — отозвалась Ким и слезла с лошади.

Привязав лошадей вдалеке, они крадучись направились к дому. Судя по ярко освещенным окнам, там были зажжены все свечи и лампы.

Когда в прохладном ночном воздухе прогремел выстрел, Лиа и Ким переглянулись, и Ким повернула назад к лошадям.

— Идем! — скомандовала Лиа, схватила Ким за руку и повлекла ее к ярко освещенному дому.

Пробежав через двор, они присели под окном. Внутри дома стояла тишина, никого не было видно.

— А где эта комната, в которой тайник? — шепотом спросила Лиа.

Ким была так напугана, что молча показала на дальнее окно. Держа ее за руку, Лиа подобралась к углу дома, пригибаясь, чтобы ее голову нельзя было увидеть из окон. Она осторожно выпрямилась и заглянула внутрь. От увиденного у нее перехватило дыхание. На полу неподвижно лежал Джастин в луже крови.

Лиа опустилась на землю.

— Джастин... — только и смогла прошептать она. Ким тут же выпрямилась, чтобы тоже посмотреть, и быстро присела.

— Кажется, Джон меня увидел.

— Нам нужно спрятаться, — прошептала Лиа, оглядывая незнакомую ферму. — Но где?

— Иди за мной, — позвала Ким, выпрямилась и, подобрав юбки, с невероятной скоростью бросилась в сторону леса.

Лиа бежала за подругой, пока сердце ее не стало бешено колотиться.

Добежав до деревьев, Ким не остановилась, а устремилась в лес, перепрыгивая через упавшие деревья, легко раздвигая кусты шиповника и куманики.

— Ким, подожди! — позвала Лиа. — Подожди минуту. — Широко раскрыв глаза, Ким неохотно остановилась. — Куда мы идем? — спросила Лиа.

— В лес, — объяснила Ким.

— Да, но куда? Ты, конечно, знаешь, куда нам нужно?

— В лес, — растерянно повторила Ким, тяжело дыша. — Но... — Ким не успела договорить —

раздался выстрел, и пуля вонзилась в дерево за ее спиной, пролетев в нескольких дюймах от ее головы.

Теперь они бросились бежать, уже не думая о том, где хотят укрыться.

Они бежали до тех пор, пока не стали подкашиваться ноги и пока хватало дыхания. Лиа схватила Ким за руку.

— Нам нужно остановиться и передохнуть. Попробуем определить, где мы находимся, и тогда отправимся назад в Суитбрайар.

— Я не знаю, в какой он стороне, — выдавила из себя Ким. А ты?

— Я смогу определить направление только после восхода солнца. Ким! — воскликнула Лиа. — Видишь темное пятно? Это пещера?

— Мне не нравятся пещеры, — ответила Ким и стиснула зубы.

— Но мы могли бы спрятаться в ней, отсидеться, а утром вернулись бы в Суитбрайар.

— А не могли бы мы остаться здесь, а не прятаться в пещере?

— Джон увидит наши платья, они же светлые. Нам нужно где-то спрятаться. Идем, будем подниматься вверх.

Подъем в гору оказался нелегким, но они проделали путь необыкновенно быстро, и когда оказались внутри маленькой пещеры из известняка, Лиа с облегчением прислонилась к стене. Она не сказала Ким, что больше всего боится наткнуться в пещере на медведя, но теперь заметила, что она пуста. Пещера была глубиной около десяти, шириной пятнадцать и высотой восемь футов.

С улыбкой она повернулась к Ким.

— Наконец-то мы добрались. Но улыбка исчезла с ее лица, когда снаружи донесся голос Джона Хэммонда.

— Так, моя глупая женушка со своей глупой подругой загнали себя в ловушку, — насмешливо произнес он, и его голос отдавался эхом, поэтому они не могли понять, как далеко он находится.

— Кимберли, я дал тебе возможность соединиться со мной. Я выбрал тебя, зная, что у тебя нет бессмысленных моральных принципов, запрещающих убивать тех, кто стоит на твоём пути.

Прижавшись спиной к стене, Ким бросила взгляд на Лию.

— Однако моя жена разочаровала меня, — продолжал Джон. — Теперь твой любовник — да, да, мне про него известно — лежит мертвым в нашем доме. Какая будет трагедия! Город узнает, что в течение одной ночи был убит Джастин и погибли две женщины! А я буду страдающим мужем...

— Помоги мне набрать камней, — прошептала Лиа. — Давай все, что найдем, сложим в кучу. Попробуем какое-то время держать его на удалении.

Ким начала послушно складывать камни около выхода из пещеры.

— Он может подобраться только спереди, не сбоку. Мы обязательно его увидим. Если он начнет стрелять, бросайся на землю. Понятно? — спросила Лиа. Ким кивнула. Улыбаясь, Джон остановился перед входом в пещеру, держа в каждой руке по пистолету. В лунном свете его фигура была отчетливо видна им.

— Начали! — крикнула Лиа, когда он сделал шаг вперед.

Женщины стали бросать камни обеими руками.

Захваченный врасплох, Джон пригнулся и зарычал, когда камни попали в него. Он начал стрелять, и подруги бросились на землю; пули свистели над их головой, но они продолжали бросать.

Кимберли с силой бросила камень, он попал Джону в висок, и сразу брызнула кровь.

Пошатываясь, он отступил и укрылся в темноте.

— Значит, вы, дряни, думаете, что умные? Давайте посмотрим, долго ли вы продержитесь без еды и воды. Когда вы будете готовы сдаться и умереть легкой смертью, скажите мне. Я буду ждать.

Ким приподнялась над оставшейся горкой камней.

— Нам суждено погибнуть?

— Конечно, нет! — резко ответила Лиа. — Ким, не бойся.

— Не бояться? — уныло протянула Ким. — Лиа, не понимаю, почему это ты решила, что я вдруг стала храброй. Это ты из-за своей смелости попадаешь в разные передрыги, а я труслива и поэтому в безопасности сижу дома.

— В безопасности дома, с мужем убийцей и вором, — отозвалась Лиа. — Ты позволила ему вынудить тебя к браку, потому что боялась, а вдруг станет известно, как ты пыталась меня убить. Но если бы ты не была так любопытна, тебе бы ни за что не удалось узнать про тайную комнату своего мужа, и тогда мы не оказались бы здесь. К тому же...

— Лиа, ты свое мнение высказала. Возможно, нам обоим нужно перемениться. Когда мы с Джастинком поженимся, мы...

— Джастин погиб, — ответила Лиа, взяв Ким за руку.

— Нет, — убежденно ответила Ким. — Если бы он погиб, я бы это почувствовала. Это только казалось, что он умер, но он жив.

Она говорила так убежденно, что Лиа поверила ей.

— Ким, Джон не знает, что мы оставили записку для Уэсли. И если Джастин пока жив, он будет свидетелем. Даже если Джон убьет нас, ему не оправдаться.

— Давай скажем об это Джону, — предложила Ким и стала подниматься. — Ему придется отпустить нас. Лиа дернула Ким вниз.

— Ну конечно, твой почтенный муж улыбнется и отпустит нас, и все трудности будут устранены. Может быть, он даже пожмет нам руки.

— Ты права, у Джона ужасный характер, — мрачно согласилась Ким. — Он убивал многих, поэтому может убить и нас, хотя бы для того, чтобы не утратить навык. Так что же нам делать?

Лиа встала с земли и подошла к задней стене пещеры. По ней стекала вода.

«Уэсли», — думала она. Что бы он сейчас от нее хотел? Она вспомнила, как много раз Уэсли упрекал ее за то, что она, по своему обыкновению, куда-то бежит, и вместо того, чтобы попросить помощи, пытается всего добиться сама. Так или иначе, на этот раз она решила обратиться за помощью к Баду и Кэлу, но когда их не оказалось поблизости, она просто ринулась вперед, увлекая за собой Ким в надежде спасти Джастина и своими руками захватить убийцу. А теперь из-за своего тщеславия, самоуверенности и привычки полагаться на себя, она может погибнуть вместе с Ким.

— Что бы хотел сейчас от меня Уэсли? — прошептала она.

— Чтобы мы его дождались, — объяснила Ким. — Он хотел, чтобы ты дождалась его возвращения из Лексингтона на ферме, но раз ты этого не сделала, мне кажется, самое лучшее — ждать в пещере. Нам нужно остаться здесь, Лиа, и не совершать опасных шагов. Прошу тебя, согласись!

— А что если... — Лиа замолчала. — У нас есть вода, но нет еды, и здесь будет очень холодно.

— Наверное, в могилах еще холоднее, — заявила Ким. — Лиа, кто-то должен найти мою записку, а когда Джастин придет в себя, он сможет рассказать, что Джон убийца. Кто-нибудь придет сюда за нами.

— Но даже если Джастин жив, он сможет говорить только через несколько недель. По-моему, у него опасная рана.

В этот момент в пещеру влетел камень.

— Дамы, вы это ищете? — со смехом спросил Джон.

Лиа увидела, что к камню привязан листок бумаги, и дрожащими руками отвязала его.

— Это письмо, которое ты оставила? — спросила она, и в ее голосе зазвучали слезы.

— Одно из них, — ответила Ким без особой грусти.

— Одно из них? — переспросила Лиа.

— Лиа, ты даже не знаешь, до чего мой муж злой человек. Когда-нибудь я расскажу, что он делал со мной по ночам. И еще я знала — стоит только куда-нибудь пойти с тобой, обязательно попадешь в беду. Если вы с Уэсом идете отнести людям еду, совершаете доброе дело, то вас едва не убивают. Я слышала, как собака чуть не разорвала вас. И в этом ты была виновата. Как стекло притягивает пыль, так ты притягиваешь к себе неприятности.

— Ким, сколько записок ты оставила? — шепотом спросила Лиа.

— Три. Одну прямо на виду, одну под грязными тарелками — я знаю, что Джон ни за что не притронется к грязной тарелке, а одну в спальне под подушкой.

— Но я этого не видела, — сказала Лиа. — Каким образом?.. Ким сжалась.

— Как ты уже сказала, я умею действовать скрытно. Лиа, мне не следовало бы говорить это тебе, потому что ты умеешь хорошо убеждать, но если ты сейчас выйдешь из пещеры, я не пойду с тобой. Я останусь здесь до тех пор, пока ко мне на помощь не придет живой человек, с крепкими мышцами и, хорошо бы, ружьем. Если ты собираешься убежать, иди одна.

Лиа оглядела мрачную, холодную и тесную пещеру.

— Люди могут появиться спустя много дней.

— Мне лучше просидеть здесь неделю, чем на четыре дня раньше прибыть в Суитбрайар, но мертвой.

— Я тоже так думаю, — ответила Лиа, и глаза ее блеснули.

— Ты хорошо поняла смысл моих слов? Лиа, долго ли человек может прожить без еды?

— Может быть, нам и предстоит это узнать, — негромко отозвалась Лиа.

Рассвело, но помощь все не приходила. Джон Хэммонд нашел уступ на скале по другую сторону глубокого оврага прямо против пещеры, и наугад стрелял в нее, так что обе женщины не знали отдыха.

— Может быть, стоит попробовать... — много раз принималась говорить Лиа, но Ким бросала на нее такие уничтожающие взгляды, что Лиа замолкала.

Когда настала ночь, они совсем обессилели. Джон принялся стрелять все чаще, один раз сделал несколько выстрелов подряд, и пули попали в выступ у входа в пещеру.

— Он решил стрельбой довести нас до изнеможения! — воскликнула Лиа.

— Эй! — вдруг донесся чей-то голос издали. — Помогите мне, пока он будет перезаряжать ружье. Ким и Лиа переглянулись и бросились к выходу из пещеры.

— Мак! — Лиа бросилась на землю, протягивая ему руку. Вдвоем они сумели втащить его внутрь. Мак привалился к стене, — Моя нога! Ничего особенного, но кровоточит сильно. Я был бы благодарен вам, дамы, если бы вы нашли что-нибудь, чтобы перевязать ее.

Подруги разрывали свои нижние юбки и в то же время забрасывали его вопросами. «Как вы нас нашли?», «Джастин опасно ранен?», «Где Уэсли?», «Как мы отсюда выберемся?»

— У вас есть что-нибудь съедобное? — с надеждой спросила Ким.

— Потерпите-ка минуту, — отозвался Мак. — Сначала я осмотрю свою ногу. Да, я так и думал, пуля прошла насквозь. От удара я чуть не упал с карниза.

— Вам очень больно? — спросила Лиа.

— Самую малость. Хуже всего то, что я вряд ли смогу на ней далеко уйти. Держите. — Он протянул Ким кусок вяленого мяса, который достал из поясной сумки. — А теперь, дамы, отвечаю. Найти вас было легко, потому что вы оставили за собой такой широкий след, какой и топором нельзя было бы прорубить. Про Джастина мне ничего не известно. Мы с Линной приехали на ферму Стэнфордов, и она нашла ваше письмо. Я отправил Линну домой в Суитбрайар поднять тревогу, заодно послал людей за Уэсом, Я провел весь день поблизости, но

пришлось дожидаться темноты, чтобы пробраться к вам.

— Может быть, мой вопрос будет бестактным, но почему вы не напали на Джона? — спросила Лиа.

— Он укрывается в небольшом углублении в скале по ту сторону оврага. Чтобы спуститься туда, да так, чтобы он не заметил, нужна веревка, а ее у меня нет, а главное, я не был так уж уверен, что он стреляет не в медведя.

— Медведи не живут в пещерах, — заявила Ким, опасливо оглядываясь.

Мак мельком посмотрел на нее.

— Я не предполагал, что по пути сюда он меня ранит. Должно быть, я старею.

— Думаю, нам надо... — заговорила Лиа.

— Не слушайте ее, — прервала Ким. — А что, по-вашему, нам нужно делать?

— Мы будем сидеть здесь и ждать. Скоро появятся Уэс и другие люди. Надеюсь, у них хватит ума как следует подготовиться. Я бросился сюда, как... Да что за черт! — пробормотал он, потому что Ким наклонилась и крепко поцеловала его в губы.

— Просто я обожаю мужчин. — Она вздохнула, — Они так благоразумны.

— Мне хотелось бы услышать всему этому объяснение, — заявил Мак. — Очень хотелось бы узнать, почему две глупые женщины помчались за таким убийцей, как Танзор, однако, по правде говоря, я уже давно выяснил, что женские суждения способны довести меня до бешенства. Так что, если можно, я бы скорее поговорил с Джоном Хэммондом, чем с вами двумя. Ложитесь позади меня на землю, сожмитесь и, что бы ни случилось, не трогайтесь с места. Все меня поняли?

— Я поняла, — многозначительно ответила Ким.

— Если вы что-то задумали, я хотела бы помочь, от всей души предложила Лиа.

— Меньше всего мне нужно... — только и успел сказать Мак, как его прервало сдавленное восклицание Лии.

Ким схватила ее за руку и впиалась в нее ногтями.

— Мак, Лиа сделает то, что вы скажете. Это так, Лиа?

— Я только хотела спросить, — оправдывалась Лиа.

— Уходите! Немедленно! — Мак кипел от бешенства, и обе женщины подчинились.

Прижимаясь к земле, Мак подполз к выходу из пещеры.

— Эй, Хэммонд, у тебя духа не хватает напасть на двух маленьких женщин и раненого? — прокричал Мак в сторону скалы за оврагом. — Не выходит у тебя с нами?

В ответ в пещеру влетели две пули. Лиа и Ким закрыли головы руками, когда раздалось эхо.

— Плохо стараешься, Хэммонд, — закричал Мак. В течение нескольких часов Мак продолжал выкрикивать, а Джон стрелял в пещеру. В ушах Лии звенело, и она заметила, что голос Мака слабеет. Не обращая внимания на призывы Ким, Лиа подползла к нему.

— У вас болит нога? — спросила она. — Почему бы вам не отдохнуть?

— Я хочу отвлечь внимание Хэммонда, — прохрипел Мак. — Посмотрите в ту сторону.

Сначала Лиа ничего не видела, но, сосредоточившись и напрягая глаза, она увидела человека на светлом фоне скалы.

— Хэммонд, это ты убил Ревиса? Говорили, ты был поблизости. А он сказал, будто это я Танзор, — прорычал Мак.

— Кто это там? — прошептала Лиа.

— Судя по фигуре, думаю, что Уэс, — ответил Мак.

— Джон, ты злобствуешь потому, что две женщины узнали, кто ты такой? — громко закричала Лиа. Мак коснулся ладонью ее горла.

— Больше никогда не лезьте вперед. А теперь возвращайтесь в угол.

Лиа покорно отползла и легла рядом с Ким.

— Я видела Уэсли, — прошептала Лиа. — Он спускается со скалы на канате. Скоро все кончится.

— Тем или иным образом, — ответила Ким, уткнувшись лицом в сплетенные руки. — Надеюсь, с Уэсли ничего не случится.

Несколько минут Лиа не могла шевельнуться от ужаса. «Господи, прошу тебя! — молилась она. — Пусть с Уэсли ничего не случится. Теперь я всегда буду слушаться и никогда больше не попаду в беду. Я всегда буду обращаться за помощью, я не буду вмешиваться в чужие дела».

— Если мы выберемся отсюда живыми, я заставлю тебя повторять это каждое утро, — шепнула Ким. — И я уверена, что Уэсли поможет мне в этом.

Лиа даже не сознавала, что говорила вслух.

— Если... — начала она.

— Замолчите обе, — приказал Мак. — Вы меня отвлекаете.

Еще минуту слышалась стрельба, потом раздава страшный крик падающего человека.

У Лии дыхание остановилось.

— Кто это? — спросила Ким, задыхаясь. — Не Уэсли?

— Точно не йогу сказать... — заговорил Мак.

— Лиа! — донесся самый приятный для нее голос. — Ты жива?

— Да, — прошептала она и, не слушая, как ее зовет Ким, бросилась бежать и споткнулась о Мака, который начал вставать с земли. Она вихрем промчалась вниз по склону скалы.

Сверху донесся голос Мака.

— Стэнфорд, ты бы побыстрее взобрался на верхушку, потому как к тебе бежит жена. И поверь, у нее здравого смысла так мало, что она может спуститься за тобой по канату.

— Макалистер, у нее здравого смысла столько же, сколько у твоей жены, — крикнул в ответ Уэсли с другой стороны оврага. — Линнет держит канат на вершине горы.

— Линнет, черт бы тебя взял! — заревел Мак. — Я посылал тебя за помощью.

Лиа уже добралась до половины склона, когда сверху соскользнул Уэсли и обнял ее.

— Не знаю, колотить ли тебя или заняться с тобою любовью. Лиа, тебя чуть не убили. Почему ты не осталась на ферме?

— И хорошо, что не осталась, потому что потом пришел Джон и забрал одну из записок Кимберли, а Джастин уже убежал, а Бад и Кэл не смогли бы мне помочь, потому что их не было дома, и...

— Лиа, замолчи, — приказал Уэсли и поцеловал ее в губы.

— Слушаюсь, сэр, — ответила она покорно.